

НАУЧНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НОМЕР 12(60) 2019

www.theoreticaleconomy.ru

ЖУРНАЛ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 74611 от 24 декабря 2018 г.

Учредитель журнала:
Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 1 раз в месяц
с 06.06.2017 года включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Майорова М.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Липов В.В. (Харьков, Украина)

Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)

Мелиховский В.М. (Ярославль, Россия)

Бабаев Б.Д. (Иваново, Россия)

Новиков А.И. (Владимир, Россия)

Бондаренко В.М. (Москва, Россия)

Николаева Е.Е. (Иваново, Россия)

Вахрушева Н.А. (Ярославль, Россия)

Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Чекмарев В.В. (Кострома, Россия)

Дяо Сюхуа (Далянь, КНР)

Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)

Карасева Л.А. (Тверь, Россия)

Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Корняков В.И. (Ярославль, Россия)

Кузнецов А.В. (Москва, Россия)

Ладислав Жак (Прага, Республика Чехия)

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Ответственный секретарь:

Маркин М.И. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: (4852) 44-12-50

Сайт: www.theoreticaleconomy.ru

e-mail: vagordeev@rambler.ru

РУБРИКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гордеев В.А. Теоретическая экономия: завершая девятый год общения с читателем	4
--	---

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Алиев У.Ж. Диалектика количественного и качественного в социально-экономических исследованиях	11
Корняков В.И., Вахрушева Н.А. О стимулировании вершинной производительности труда	19
Кальсин А.Е., Волков А.Ю. О некоторых аспекты экономических интересов в налоговой сфере.....	28

КОНФЕРЕНЦИЯ В ЯГТУ О ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Лемещенко П.С. Институциональные аспекты этапа цифровизации политэкономического и социального развития	34
Чуб А.А. Оценка эффективности кластеров как механизма продвижения индустриальных проектов в регионах России.....	38

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: ТЕОРЕТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Шевченко С.А. Приоритеты региональной промышленной политики в условиях новой индустриализации России.....	43
Шелегеда Б.Г. Индустриализация как «зеркало» социально-экономического развития России	52
Макаров А.Н. Реформа земельной собственности в контексте обеспечения продовольственной безопасности и опережающего развития Российской экономики	65
Шкиотов С.В., Маркин М.М., Майорова М.А. Перспективы развития ЕАЭС: предсказания частичной гравитационной модели.....	70

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Севастьянова Е.А. Институты поддержки социальных инноваций как инструмент активации гражданских инициатив.....	87
Кирильчук С.П., Музыка А.С. Понятийно-категориальная эволюция концепта «ресурсный потенциал туризма»	98

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

Вахрушевой Н.А., Корнякова В.И., Альпидовской М.Л. Ответ на отзыв Иродовой Е.Е. по статье «Экономическое развитие социума, его направление».....	105
Жак Ладислав Отзыв на статью В.К. Нусратуллина «Современные проблемы экономики и общества в свете выводов неравновесного анализа экономики».....	111

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: ЗАВЕРШАЯ ДЕВЯТЫЙ ГОД ОБЩЕНИЯ С ЧИТАТЕЛЕМ

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление»,
действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии Metaepistemia Universum,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: vgordeev@rambler.ru

Аннотация: В статье изложен редакторский обзор материалов двенадцатого (шестидесятого) номера, которым мы завершаем девятый год общения с читателем. Показано, что материалы номера выступают достойным завершением этого девятилетнего взаимодействия с читателем. В обзоре выявляется, какой вклад каждая из представленных в этом номере работ вносит в развитие теоретической экономики. В разной степени такой вклад характеризует и давних, и новых авторов. Особое внимание по-прежнему уделено теоретико-экономическим аспектам исследования цифровой экономики, обсуждавшимся на международной конференции в ЯГТУ, посвященной 75-летию юбилею университета, в ноябре 2019 года.

Ключевые слова: теоретическая экономика; цифровая экономика; новая индустриализация; творчество молодых исследователей.

JEL: A13; A14

THEORETICAL ECONOMY: FURTHER SEARCH FOR DEVELOPMENT WAYS

Valery Gordeev, doctor of Economics,
chief editor of the journal Theoretical Economics,
Yaroslavl state technical University
Yaroslavl, Russian Federation

Abstract: The article provides an editorial review of the materials of the twelfth (sixtieth) issue, with which we complete the ninth year of communication with the reader. It is shown that the materials of the issue are a worthy conclusion to this nine-year interaction with the reader. The review reveals what contribution each of the works presented in this issue makes to the development of theoretical economics. To a varying degree, such a contribution characterizes both old and new authors. Particular attention is still paid to the theoretical and economic aspects of the study of the digital economy, which were discussed at the international conference at YSTU on the 75th anniversary of the university in November 2019.

Keywords: theoretical economy; polymethodological approach; priority to the development of classical political economy in the study of the essential content of the categories under consideration; new paradigm mainstream in economic research.

Здравствуйте, уважаемый читатель!

Представляем Вам очередной, двенадцатый (шестидесятый), номер нашего сетевого издания, который, завершает девятый год нашего общения с Вами. По нашему мнению, материалы этого номера выступают вполне достойным завершением девятилетнего взаимодействия с Вами, уважаемый

читатель, на путях освоения и дальнейшего развития выдвинутой нами концепции теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в экономических исследованиях

Сначала традиционно обращаем Ваше внимание на первую по порядку и главную рубрику «Актуальные проблемы теоретической экономики», где опубликовано три работы. Во-первых, статья под названием «Диалектика количественного и качественного в социально-экономических исследованиях». Её автор – Алиев Урак Жолмурзаевич, член редколлегии нашего издания, вице-президент Образовательной корпорации «Туран», доктор экономических наук, профессор, академик Академии экономических наук Казахстана, действительный член Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова и Академии философии хозяйства, (г. Нур-Султан, Республика Казастан). С этим автором Вы знакомы с самого первого номера «Теоретической экономики» за 2011 год. Ему принадлежат самые фундаментальные работы [см., например, 1-3], исследующие методологические основы теоретической экономики как нового научного направления. В новой работе У.Ж. Алиева рассматривается соотношение категорий «количество», «качество», «мера». Раскрываются место, роль и пределы использования количественного и качественного методов в социально-экономических исследованиях. Вопреки распространенному среди эконом-математиков взгляду обосновывается утверждение о том, что качественный анализ всегда предшествует количественному анализу в социогуманитарных, в том числе экономических исследованиях. Приводятся условия и факторы эффективности количественных исследований и, особенно, экономико-математических моделей, в экономической науке. Они эффективны при учете совокупных факторов производства, распределения, обмена, потребления вместе взятые, т.е. факторов воспроизводства в целом. Отсюда обосновывается необходимость перехода от парадигмы «экономического роста» к парадигме «экономического развития» в экономической науке.

Во-вторых, в этой рубрике публикуется статья, которую представили два члена редколлегии нашего журнала из Ярославля: Корняков Василий Иванович, доктор экономических наук, профессор, профессор Ярославского филиала Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, и Вахрушева Наталья Андреевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и управление» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет». Их работа называется «О стимулировании вершинной производительности труда» и продолжает исследование известной читателям [см.: 4; 5; 6] темы. В ней авторы обращают внимание на отечественный опыт достижения вершинной производительности труда в 1945-1960, не понятый и проигнорированный потом политиками и учеными. Раскрывается механизм стимулирования такого достижения. Это приобретает остроактуальное значение в современном состоянии мировой и особенно российской экономики. Авторы приходят к выводу, что самым первым национальным проектом в наших реальных условиях должна стать программа комплексного преобразования и гуманизации трудовых отношений. Она должна быть построена на основе современных достижений в техническом оснащении рабочих мест с возрождением стимулирования вершинной производительности труда.

В-третьих, рубрику завершает работа двух докторов экономических наук, профессоров Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова Кальсина Андрея Евгеньевича и Волкова Андрея Юрьевича «Некоторые аспекты экономических интересов в налоговой сфере». Экономическая и государственная политика, отмечают авторы, должны быть направлены на оптимальное сочетание экономических интересов через систему налогообложения. Реализация потенциала экономической системы происходит под воздействием различных факторов, включая внутреннюю и внешнюю политику государства. В налогообложении сталкиваются интересы государства и налогоплательщика. Иллюстрацией столкновения экономических интересов государства и налогоплательщика может служить закон Лаффера. С помощью налогового стимулирования необходимо создать равные условия всем функционирующим субъектам в зависимости от результатов их деятельности. Поставленные в условия жесткой зависимости от

административных решений, участники экономических отношений во многих случаях ищут и находят пути для развития своего дела. Термин «теневая экономика» в целом относится к финансово-хозяйственным операциям, направленным на получение материальной выгоды. Для контроля за соблюдением субъектами экономической деятельности существующих норм права в государстве создаются контролирующие органы.

Таково содержание главной рубрики. Затем Вашему вниманию в очередной раз представляется рубрика под названием «Конференция в ЯГТУ о цифровой экономике». В данном номере в этой рубрике мы знакомим Вас с двумя материалами. Во-первых, материал под названием «Институциональные аспекты этапа цифровизации политэкономического и социального развития». Это тезисы доклада, с которым выступил на пленарном заседании конференции в Ярославле 12 ноября 2019 года член редколлегии нашего журнала Лемещенко Петр Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой мировой политэкономии Белорусского государственного университета, (г. Минск, Республика Беларусь), известный читателям с самых первых номеров [см., например: 7; 8; 9]. Автор «цифровую экономику» раскрывает через воспроизводственно-эволюционный и индуктивно-описательный подходы с соответствующими выводами и рекомендациями. Это позволило автору «цифровую экономика» зафиксировать как определенный этап в эволюции «новой экономики», а не как некое самодовлеющее явление. Отдельные нетрадиционные для литературы свойства получает «экономика цифры» в ракурсе специальных институциональных категорий «отношенческий контракт», «транзакционные издержки», «доверие», «оппортунизм».

Во-вторых, в этой рубрике публикуется материал тезисов доклада по теме «Оценка эффективности кластеров как механизма продвижения индустриальных проектов в регионах России», с которым выступила по скайпу Чуб Анна Александровна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Управление персоналом и психология» ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (г. Москва, Российская Федерация). В рамках представленного исследования тестировался исследовательский вопрос об эффективности кластеров в качестве механизма активизации процессов индустриализации в субъектах Федерации. Проверке подверглись две гипотезы. Гипотеза 1, состоявшая в предположении, что темпы роста инвестиций в основной капитал в субъектах, на территории которых дислоцированы кластеры, выше темпов роста указанного показателя в регионах без кластерных образований, тестировалась методом дисперсионного анализа. Полученные результаты теста ANOVA не позволили подтвердить данное утверждение. В рамках гипотезы 2 было сделано предположение, что участие в кластерном образовании повышает «выживаемость» организаций в условиях нестабильной деловой среды, характерной для региональных экономик. Проведенный анализ Каплана-Майера по критерию «возраст предприятия» показал, что при работе организации в кластере, вероятность прекращения её деятельности на 20% ниже, чем в случае функционирования вне его.

В следующей рубрике – «Новая индустриализация: теоретико-экономический аспект» – публикуется в этом номере три работы. Во-первых, статья под названием «Приоритеты региональной промышленной политики в условиях новой индустриализации России». Её подготовила Шевченко Светлана Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Экономика и управление» ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», (г. Волгоград, Российская Федерация). Актуальность темы её исследования обусловлена тем, что экономика на современном этапе развития общества претерпевает существенные изменения, связанные с процессами новой индустриализации. В связи с этим меняются и требования к осуществлению промышленной политики в регионе. Целью данного исследования является выявление приоритетов региональной промышленной политики. В рамках исследования уточнены характерные черты новой индустриализации России; определена сущность региональной промышленной политики и выделены её приоритеты в условиях новой индустриализации.

Во-вторых, в этой рубрике помещена работа под названием «Индустриализация как «зеркало» социально-экономического развития России». Её выполнила Шелегеда Белла Григорьевна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Финансовые услуги и банковское дело» ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы» (г. Донецк, Республика Украина). В статье по-новому рассмотрены проблемы взаимовлияния индустриализации и социально-экономического развития России. Установлены динамические тенденции развития российской экономики на основе сравнительного анализа статистических показателей РФ с отдельными странами. Дополнена методология исследования новой индустриализации качественными показателями, характеризующими эффективность использования производственного потенциала страны. Предпринята попытка увязать индустриализацию и экономическое развитие с его социальными последствиями через показатели качества жизни, человеческого развития, уровня жизни и счастья. Предложены основные направления теоретико-методологического и практического внедрения достижений новой индустриализации.

В-третьих, в этой рубрике представлена работа под названием «Реформа земельной собственности в контексте обеспечения продовольственной безопасности и опережающего развития российской экономики». Её автор – Макаров Анатолий Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и экономической политики, главный редактор «Регионального экономического журнала» Набережночелнинского института ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», (г. Набережные Челны, Российская Федерация). В его статье рассмотрены концептуальные основы и последствия реализуемой с 90-х годов реформы земельной собственности. Выявлены угрозы продовольственной безопасности, социальной нестабильности, связанной с теневизацией отношений земельной собственности, чрезмерной концентрацией производства в руках небольшого количества лиц, спекуляцией земельными ресурсами, латифундизацией землепользований, перехода собственности на землю и агропродовольственных компаний под контроль иностранных юридических и физических лиц. Предложена конструктивная концепция по реформированию земельной собственности.

Завершает данную рубрику работа под названием «Перспективы развития ЕАЭС: предсказания частичной гравитационной модели». Её авторы сотрудники ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет» - Шкиотов Сергей Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, Маркин Максим Игоревич, старший преподаватель, Майорова Марина Аркадьевна, кандидат экономических наук, доцент.

В работе строится модифицированная частичная гравитационная модель взаимной торговли стран ЕАЭС для четырех временных интервалов. Созданная модель торговли стран ЕАЭС показывает, что товарооборот в рамках интеграционного объединения в большей степени зависит от двух переменных: затрат на транспортировку (расстояние между центрами экономических интересов) и величины ВВП торгующих экономик.

В рубрике «Творчество молодых исследователей» публикуется три работы. Во-первых, статья под названием «Институты поддержки социальных инноваций как инструмент активации гражданских инициатив». Её автор – Севастьянова Евгения Анатольевна, аспирант Уральского федерального университета, (г. Екатеринбург, Российская Федерация). Активное развитие социального сектора, отмечает она, становится все более значимым при характеристике социально-экономической политики страны. Ключевое значение приобретает проблема заинтересованности граждан в принятии решений по оптимизации структур социального сектора и генерации социальных инноваций. На основе анализа теоретических и практических исследований автором рассмотрено понятие «социальная инновация, инициированная гражданами», сформирована классификация социальных инноваций по критерию масштаба охвата. Выделены характерные роли для экономических агентов, принимающих участие в проектировании социальных инноваций, предложены этапы внедрения социальных

инноваций в институциональную среду. В работе выделены институты поддержки социальных инноваций, обеспечивающие каждый этап проектирования социальных инноваций, представлены методы их внедрения, проведена систематизация институтов поддержки социальных инноваций на основе условий для развития гражданской ответственности и возможности участия граждан в генерации социальных инноваций, а также рассмотрены задачи данных институтов. Автором отмечена необходимость подкрепления заинтересованности граждан в проектировании социальных инноваций и проявлении гражданских инициатив, что позволит увеличить эффективность мер, принимаемых для улучшения социального климата в стране, а также усилить социальный эффект от внедрения инноваций в общественный сектор.

Во-вторых, в этой рубрике представлена статья с названием «Понятийно-категориальная эволюция концепта «Ресурсный потенциал туризма». Её подготовили Кирильчук Светлана Петровна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика предприятия» Института экономики и управления (структурное подразделение) ФГБОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (г. Симферополь, Российская Федерация), и Музыка Александра Сергеевна, аспирант этой же кафедры названного университета. В статье приводится обзор существующих дефиниций концепта «ресурсный потенциал туризма» в диахроническом аспекте зарубежных и отечественных исследований. Цель исследования состоит в попытке уточнения семантического поля экономики туризма в части термина «ресурсный потенциал туризма». Критически переосмысляются введенные определения концепции «ресурсный потенциал туризма» в ретроспективе отечественных и зарубежных исследователей. Предпринимается попытка построения междисциплинарной эволюции понятийно-категориального строя дефиниции «ресурсный потенциал туризма». При этом обнаружена существенная лакуна в терминологическом аппарате, которая обусловлена отсутствием дефиниционной унификации понятия «ресурсный потенциал туризма», окказиональным употреблением данного термина и наличием широкого синонимичного ряда.

В рубрике «Рецензии, отклики» в этом номере представлены два материала. Во-первых, работа, которую подготовили три члена редколлегии нашего журнала: Вахрушева Наталья Андреевна, кандидат экономических наук, доцент ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление», (г. Ярославль, Российская Федерация); Корняков Василий Иванович, доктор экономических наук, профессор Ярославского филиала Ленинградского государственного университета им. А.С.Пушкина, (г. Ярославль, Российская Федерация); Альпидовская Марина Леонидовна, доктор экономических наук, профессор, профессор Департамента экономической теории ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», (г. Москва, Российская Федерация). Их произведение называется «Ответ на отзыв Иродовой Е.Е. [10] по статье «Экономическое развитие социума, его направление». «В нашей статье [см.: 11], отмечают авторы ответа на отзыв, мы, действительно, абстрагировались от рекомендованного нам рецензией обстоятельного рассмотрения факторов роста производительности современной России, поскольку эти факторы практически не используются ввиду отсутствия в стране ресурсов для их использования. Дефицит ресурсов для экономического роста усугубляется уже шесть десятилетий. Предлагается внимательней всмотреться в опыт ресурсосозидающего повышения производительности в мощный подъём 1945-1960 годов, следованию которого нам не избежать».

Второй материал этой рубрики называется «Отзыв на статью В.К. Нусратуллина «Современные проблемы экономики и общества в свете выводов неравновесного анализа экономики». Его подготовил член редколлегии нашего журнала Жак Ладислав, кандидат экономических наук, член «ИНСОЛ Европа», (г. Прага, Чешская Республика). Дается в его отзыве оценка положений и выводов статьи, опубликованной в № 11 (59) сетевого издания «Теоретическая экономика». С отдельными положениями

автор рецензии соглашается, другие дополняет или подвергает критике. Самое главное, по мнению рецензента, – это идея, что наш мир около нас постоянно меняется и не возвращается ни в какие, динамические или другие, равновесия. Автор рецензируемой статьи говорит об основе этой идеи как о «неравновесной экономической теории». Эта идея, по мнению рецензента, заслуживает внимания и дает нам возможность получить новую картину нашей среды. Однако в рамках интерпретации современного мира, считает рецензент, сам автор рецензируемой статьи иногда проводит аппликацию этой идеи не совсем творчески и последовательно.

Таково основное содержание материалов представленного номера. Как видите, в нем, действительно, публикуются материалы, представляющие достойное завершение девятого года нашего взаимодействия с Вами, уважаемый читатель, выступающие очередными шагами поиска в разработке и развитии теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в экономических исследованиях, чем мы и занимаемся вот уже девять лет.

В заключение позвольте высказать традиционное для завершения рубрики главного редактора пожелание: Успешной Вам работы над новым номером, уважаемый читатель!

С уважением В.А. Гордеев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев У.Ж. Что такое и почему именно теоретическая экономика? / У.Ж. Алиев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2011. – № 1. – С. 10-16. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

2. Алиев У.Ж. Методология построения общей предметной модели научной дисциплины (к обоснованию теоретической экономики) / У.Ж. Алиев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2011. – № 3. – С. 7-18. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

3. Алиев У.Ж. Методология построения общей предметной модели научной дисциплины (к обоснованию теоретической экономики) (Продолжение. Начало в № 3) / У.Ж. Алиев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2011. – № 4. – С. 8-18. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

4. Корняков В.И. Кратное увеличение производительности труда – самое главное теоретическое исследование / В.И. Корняков // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2012. – № 2. – С. 10-15. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

5. Корняков В.И. О современном способе действия закона роста производительности труда и забытом экономическом открытии И.В. Сталина / В.И. Корняков // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2014 – № 3. – С. 8-21. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

6. Вахрушева Н.А., Корняков В.И. Угнетенное экономическое развитие позднего СССР / Н.А. Вахрушева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2017. – № 1. – С. 9-17. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

7. Лемещенко П.С. Теоретическая экономика: истоки, предмет, методология / П.С. Лемещенко // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2011. – № 1. – С. 17-34. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

8. Лемещенко П.С. «Усталость» рынка, или антиинновационные тенденции современной экономики / П.С. Лемещенко // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2011. – № 4. – С. 19-26. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

9. Лемещенко П.С. Политическая экономия кризиса / П.С. Лемещенко // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2012. – № 5. – С. 37-50. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

10. Иродова Е.Е. Отзыв на статью Н.А. Вахрушевой, В.И. Корнякова, М.Л. Альпидовской «Экономическое развитие социума, его направлени» / Е.Е. Иродова // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – № 9. – С. 85-95. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

11. Вахрушева, Н.А. Экономическое развитие социума, его направление / Н.А. Вахрушева, В.И. Корняков, М.Л. Альпидовская // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – № 6. – С. 10-17. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

ДИАЛЕКТИКА КОЛИЧЕСТВЕННОГО И КАЧЕСТВЕННОГО В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Алиев Урак Жолмурзаевич

доктор экономических наук, профессор,
вице-президент Образовательной корпорации «Туран», академик Академии экономических наук Казахстана,
действительный член Академии философии хозяйства
г. Нур-Султан, Республика Казахстан.
E-mail: aliyevu@mail.ru

Аннотация: В работе рассматривается соотношение категорий «количество», «качество», «мера». Раскрываются место, роль и пределы использования количественного и качественного методов в социально-экономических исследованиях. Вопреки распространенному среди эконом-математиков взгляду обосновывается утверждение о том, что качественный анализ всегда предшествует количественному анализу в социогуманитарных, в том числе экономических исследованиях. Приводятся условия и факторы эффективности количественных исследований и, особенно, экономико-математических моделей, в экономической науке. Они эффективны при учете совокупных факторов производства, распределения, обмена, потребления вместе взятые, т.е. факторов воспроизводства в целом. Отсюда обосновывается необходимость перехода от парадигмы «экономического роста» к парадигме «экономического развития» в экономической науке.

Ключевые слова: Качество, количество, мера, количественный инструментарий, структура общественного производства, структура экономической системы, структура отдельного экономического отношения, структура прибыли, современная система экономических наук, рост, развитие, воспроизводство.

JEL: A10; A11

DIALECTICS OF QUANTITATIVE AND QUALITATIVE IN SOCIO-ECONOMIC RESEARCH

Aliiev Urak Almurzaev

Doctor of Economics, Full Professor

Vice-President of the Educational Corporation «Turan», academician of the Academy of economic Sciences of Kazakhstan, full member of the Academy of philosophy of economy.,

G. Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Abstract: Based on the analysis of the categories of “quantity”, “quality”, “measure”, the article considers the relationship (place and role) of quantitative and qualitative in economic studies. Contrary to the prevailing view among economists, mathematicians substantiate the assertion that qualitative analysis always precedes quantitative analysis in economic studies and provides conditions and factors for the effectiveness of quantitative studies, including economic and mathematical models, in economic science. They are effective when taking into account the total factors of production, distribution, exchange, consumption combined, i.e. factors of reproduction as a whole. Hence, the necessity of transition from the paradigm of «economic growth» to the paradigm of «economic development» in Economics is justified.

Keywords: . Quality, quantity, measure, quantitative toolkit, structure of social production, structure of the economic system, structure of a separate economic relationship, profit structure, modern system of economic sciences, growth, development, reproduction.

1. Начну с философско-онтологических оснований качественной и количественной характеристики бытия. В основе такой характеристики бытия лежит учение о диалектике. Из него для раскрытия темы приведу лишь три основные принципы диалектики, а именно:

- а) все в мире находится в состоянии изменения и движения (покой есть момент движения);
- б) все в мире находится в состоянии всеобщей связи. Как-то К.Маркс заметил: «Существует

связь даже между млекопитающими и сапожной щеткой». Я бы сказал, что есть взаимосвязь даже между «Большим взрывом», который произошел, по мнению ученых, 13,8 млрд. лет тому назад, и шевелением наших волос на голове, конечно, если есть они как таковые;

в) источником движения является противоречие, противоречивость, (самопротиворечивость) бытия – любого явления, вещи, процесса.

2. Качественные и количественные характеристики любого объекта выводятся из всеобщих форм и моментов связи. Мир встает перед человечеством как скопление вещей и явлений, относительно видимой части бытия, а их сущность есть скрытая (невидимая) часть и абстрактный момент бытия. Мир вещей и явлений имеет единство (общность) и различие (определенность, о(т)граниченность). Все основные виды различия сводятся к двум основным видам: качественным и количественным. Качественные и количественные характеристики относятся к наиболее фундаментальным свойствам бытия и в этом статусе они есть категории философии в части онтологии.

3. Что такое качество, количество, мера? Качество – это то, что отличает один вид объекта (вещей и явлений) от другого, т.е. существенная граница и определенность объекта, благодаря которым он является именно этим, а не иным объектом. Количество – это нетождественная с объектом (вещь, явление) определенность, относительно безразличная к его конкретному содержанию и качественной природе характеристика. Различия между принадлежащими к неодинаковым классам, разнородными явлениями носят качественный характер, а различия между однородными явлениями внутри одного и того же класса – количественный характер. Диалектика качества и количества получает выражение в категории «мера». Другими словами, мера – это единство качества и количества, и она определяется границами, в которых может колебаться количественная характеристика данного объекта (предмета) без изменения его качества. В храме Аполлона на камне высечена максима древнегреческого философа Филона: «Ничего слишком» (Ничего лишнего), по сути выражавшая принцип меры во всем. Вспомним в этой связи слова Протагора: «Человек есть мера всех вещей...».

4. Количественное измерение (сравнение) объекта (предмета) осуществляется только после его качественного определения и познания, хотя бы в общих, но существенных характеристиках. Я хочу показать и продемонстрировать этот методологический подход на примере экономической реальности (экономической системы). Дело в том, что порой (иногда очень часто) эконом-математики (математики-экономисты), уделяя чрезмерное внимание математическому аппарату (неосознанно и осознанно), неправоммерно «отрываются» от экономического объекта и предмета исследования, в результате их исследования теряют собственно экономический характер и смысл. Например, возьмем качественную и количественную теории денег, где качественная теория денег, безусловно, должна предваряться количественному его анализу, т.е. количественной теории денег. Обратное – методологически ошибочно. Таким образом, количественная теория денег дополняет и развивает исходную качественную теорию денег, в результате чего между двумя характеристиками объекта (качественным и количественным) устанавливается подлинная диалектическая связь по цепи «качество-количество-мера-качество» и так далее снова по «спирали». Другими словами, прежде всего нам нужно понять, что такое деньги, т.е. провести качественный его анализ (сущность, функции, виды и т.д.), а затем уж использовать количественные методы его исследования и измерения.

А если рассмотреть шире, то экономистам от математики (эконом-математикам) необходимо вначале уяснить для себя главный объект их исследования – экономику (экономическую систему как таковую), её сущность, инвариантно-интегральную и производные от нее структуры, целевые функции. И особенно – пятиэлементную инвариантно-интегральную структуру отдельного экономического (производственного) отношения (субъектов отношения, объекта отношения, экономических интересов субъектов отношения, экономического противоречия отношения, экономического закона по разрешению противоречия отношения) – своеобразной «экономической клеточки» социального организма, разработанную в свое время крупнейшим экономистом-теоретиком (политэкономом)

бывшего СССР и современной России д.э.н, профессором, Заслуженным деятелем науки РФ О.Ю.Мамедовым (вполне достойным Нобелевской премии за это открытие)[1, 2, 3], где экономические интересы субъектов этого отношения (отношений) занимают центральное место и играют ключевую роль, количественное выражение которых является, так или иначе, обязательным требованием для всех, без исключения, экономико-математических исследований.

5. Теперь, вкратце об «экономической материи», которая занимает свое место в интегральной качественной модели общественного производства (см. Рис. 1). Как видно из рисунка, все то, что производят в мире человек и человечество (в том числе бесконечное количество наименований товаров и услуг), можно свести к трем группам: а) производство самого человека как родового существа (биородовая система); б) производство материальных благ и услуг (экономическая система); в) производство социально-духовных благ и услуг (нематериальная духовная система). Вне производства ничего нет, везде производство, только кто и что производится. С точки зрения философии, общественное производство и человек есть одно и то же. Только человек – это свернутое в самом себе общественное производство, а общественное производство есть развернутый во всем своем богатстве и функции сам человек. Следовательно, мы – экономисты (и эконом-математики) – имеем дело, прежде всего, с собственно экономической системой, являющейся одним из трёх базовых структурных элементов общественного производства вообще и выступающей непосредственным объектом для нас экономистов. А все другие сферы общественного производства – биородовая система и нематериальная духовная система – выступают для нас экономистов в качестве общего объекта исследования.

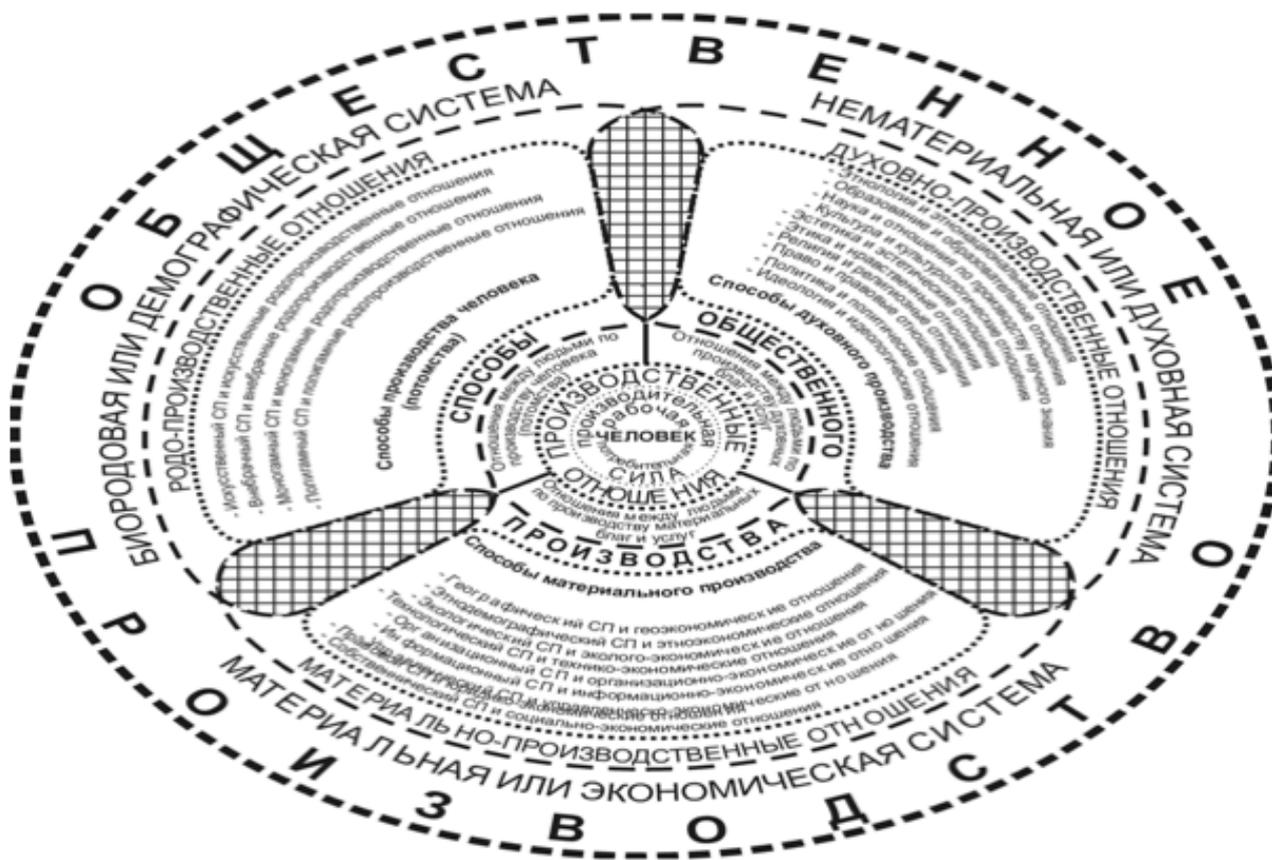

Рисунок 1 – Интегральная качественная модель общественного производства

Другая качественная модель – модель собственно экономической системы, которая состоит из девяти интегрально-инвариантных структурных элементов (более подробно смотрите [4, 5, 6,

7)]. Положив в основу генетико-структурно-функциональный принцип отношения человека к объективным условиям производства, экономическую систему как таковую можно представить как диалектическое единство географо-экономических (геоэкономических), этнолого-экономических (этноэкономических), эколого-экономических, технолого-экономических (технико-экономических), организационно-экономических, информационно-экономических, управленческо-экономических, юридико-экономических, социально-экономических отношений людей по производству (воспроизводству) материальных благ и услуг (см. Рис. 2).

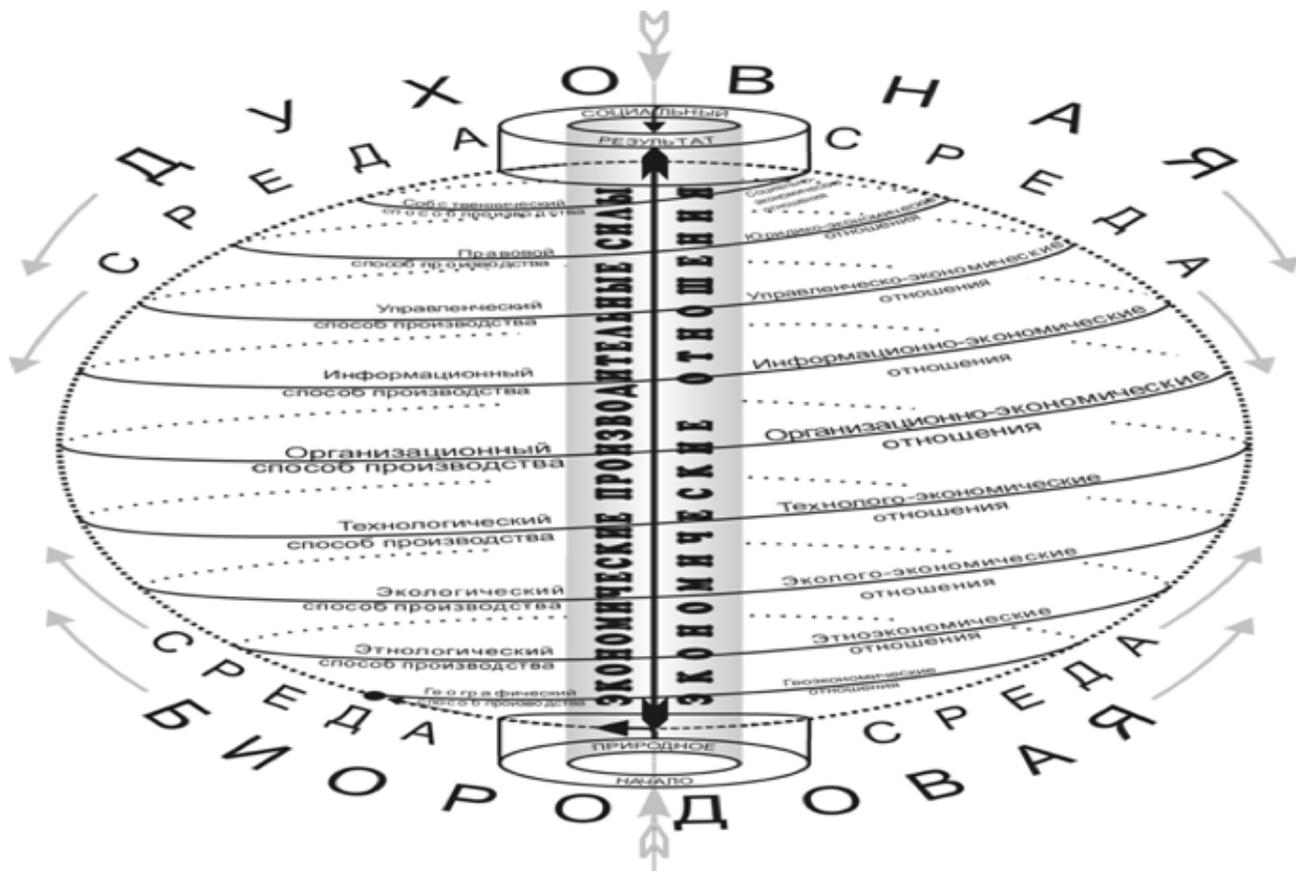

Рисунок 2 – Инвариантно-интегральная структурная модель экономической системы

Третья качественная модель – полная структурная модель категории «прибыль» (см. Рис. 3). Эта модель о качественной структуре прибыли, о причинах и условиях (факторах) формирования каждого структурного ее элемента и того, каким образом формируются различные виды и подвиды прибыли. После выяснения качественной характеристики прибыли перед экономистом встает задача количественного исчисления каждого вида (подвида) прибыли. Этими примерами, я еще раз хочу подчеркнуть, что качественный анализ предшествует количественному анализу экономических категорий, объектов и явлений, а потому эконом-математик (и не только он) должен очень хорошо знать предварительно фундаментальные качественные характеристики экономики, экономических отношений, которые являются непосредственным объектом и специфическим предметом экономической науки.

Теперь я хочу представить структурную модель современной системы экономических наук, которая является теоретическим отражением экономической реальности, где занимают определенное место количественные методы исследования экономических явлений в виде инструментальных экономических наук и дисциплин (см. Рис. 4). Как видно из рисунка, подцикл инструментальных экономических дисциплин (в том числе экономико-математическое моделирование) находится в

секторе «Конкретно-экономические дисциплины».

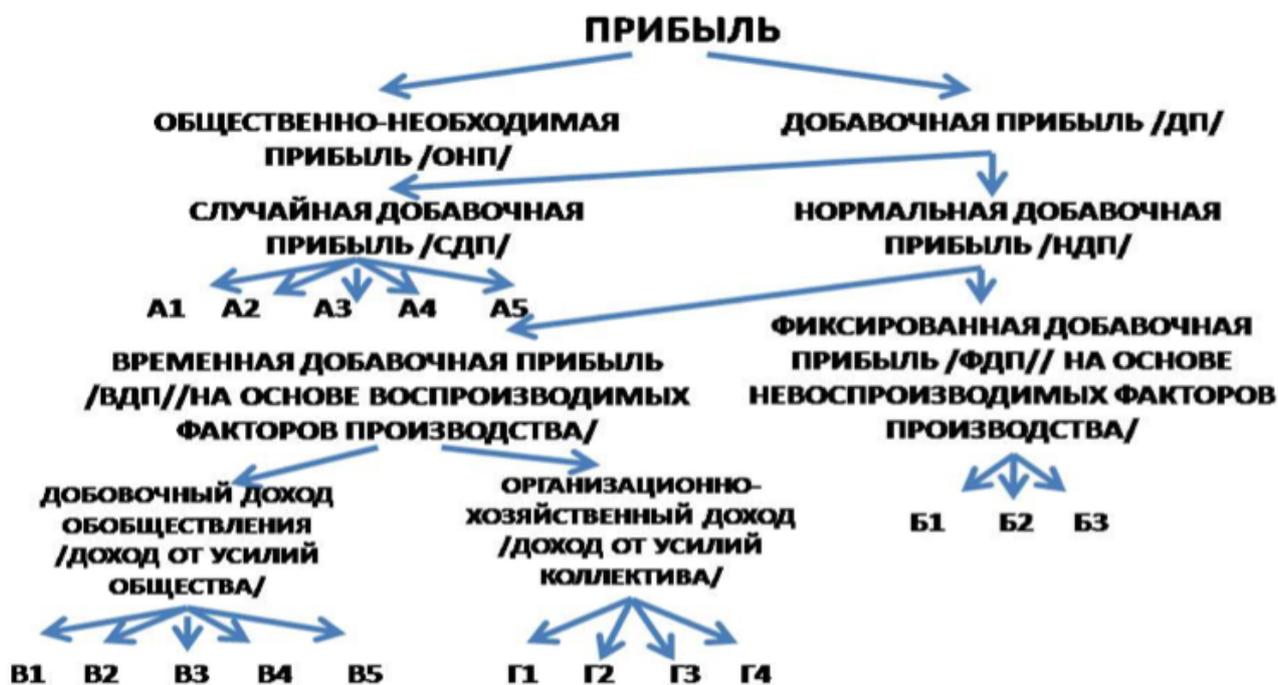

Рисунок 3 – Полная качественная структура прибыли

6. «Какова мораль сей басни?», – любил спрашивать дедушка Крылов. Мораль такова – количественный инструментарий (КИ) дает желаемую эффективность в экономических исследованиях при строгом соблюдении следующих фундаментальных науковедческих методологических условий:

- при корректном приложении КИ к конкретному экономическому объекту;
- при корректном приложении КИ к конкретному предмету экономического исследования;
- при четкой и объективной фиксации количественным инструментарием реальных экономических субъектов;
- при адекватном выражении количественным инструментарием конкретных экономических интересов реальных экономических субъектов того или иного отдельного экономического отношения в статике и динамике;
- при четкой выработке и рекомендации количественных мер выражения и разрешения экономических противоречий и гармонизации экономических отношений субъектов данного круга отношений.

Количественные инструментарии, в т.ч. экономико-математическое моделирование, в пределе эффективны при учете совокупных факторов производства, распределения, обмена, потребления вместе взятые, т.е. факторов воспроизводства в целом, а именно критерия эффективного производства, справедливого распределения, эквивалентного обмена, умеренного (рационального) потребления. Причем, если в экономико-математических моделях отсутствуют количественные измерения (показатели) реальных экономических интересов конкретных экономических субъектов данного круга воспроизводственных экономических отношений, то эти модели изначально некорректны, даже бесполезны, что подтверждается везде (особенно у нас) в настоящее время.

Между тем, современные как зарубежные, так и отечественные экономико-математические модели без исключения не отвечают основному критерию охвата и отражения системы воспроизводства экономической реальности как единое целое. Кроме того, они, главным образом,

отражают проблемы «экономического роста», тогда как в настоящее время все без исключения теории экономического роста полностью исчерпали свой разрешающий потенциал, а посему настала пора переходить от «парадигмы экономического роста» к «парадигме экономического развития» как в теории, так и в практике социальных изменений в общечеловеческом (в том числе национальном и локальном) масштабах.

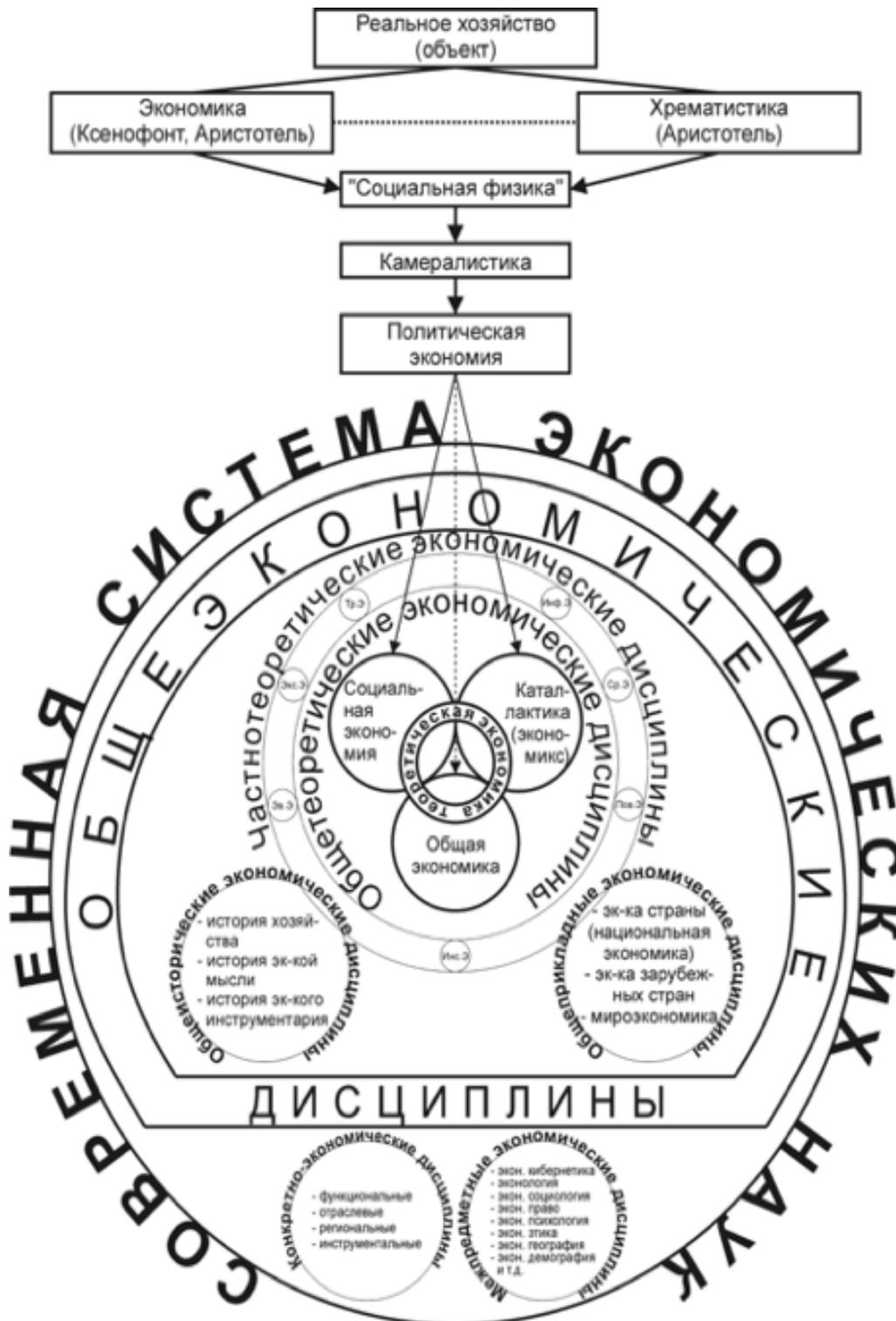

Рисунок 4 – Экономическая реальность и современная система экономических наук.

Почему я это подчеркиваю? Дело в том, что количественный инструментарий в настоящее время используется для обоснования, прежде всего, различных теорий экономического роста. А «рост» – это количественный показатель лишь сферы непосредственного производства, имеющей свой предел. Что же касается «экономического развития», то это – качественная характеристика всего воспроизводства, не имеющая своего предела (в этом и вся тайна, и смысл всякого развития). Следовательно, на повестке дня стоит сверхзадача разработки эпистемологически (с творческим привлечением потенциала всех основных видов знаний, а не только научного знания) обоснованной общей теории развития, в том числе общей и частных теорий экономического развития, а в их рамках теории устойчивого (гармоничного) экономического развития, где теории (проблемы) экономического роста выступают лишь их внутренним (частным) моментом, обладая рецессивным (подавленным, подчиненным) признаком по отношению к теории развития, которая обладает доминантным признаком.

- «Хотя мы научились почти с абсолютной строгостью моделировать не только орбитальные, но даже межпланетные полеты, а вот экономика никак “не влезет” в те же самые электронные счетные машины». (М.В. Келдыш, президент АН СССР).

- «Если я что-либо в физике не понимаю без математики, то и с математикой не пойму» (М. Фарадей, физик).

- «Если я что-либо в экономике не понимаю без математики, то и с математикой не пойму» (П.Г. Олдак, экономист).

- «XXI век будет веком гуманитарных наук или его не будет» (Клод Леви- Стросс).

- «Я ничего не понимаю в математике, поэтому мне пришлось думать» (Джоан Робинсон, выдающийся экономист, автор знаменитой книги “Экономическая теория несовершенной конкуренции”, 1933г.).

- «Я ничего не понимаю в математике (и утверждаю $2 \times 2 = 5$), поэтому мне пришлось думать и заниматься политической (теоретической) экономией (философия, теория и методология экономики), размышлять и что-то понимать и предлагать в этой области экономического знания что-то свое» (У.Ж.Алиев)[2].

Такие «предостережения» о месте и роли количественных методов в экономике были высказаны в свое время лауреатами Нобелевской премии по экономике В. Леонтьевым, П. Самуэльсоном, М. Аллэ и другими выдающимися экономистами – математиками по базовому образованию. Кстати, эти же предостережения касаются и фактов нынешней эйфории многих специалистов и неспециалистов от «вездесущей» цифровизации, от так называемой «цифровой экономики». Нет никакой самостоятельной цифровой экономики, есть только «цифровая технология», входящая, в одном случае, в сферу «информационной экономики» (со стороны цифр как носитель определенной информации) и через нее «обслуживающая» сферу экономики, в другом – «обслуживающая» экономику со стороны т.н. собственно «технологического способа производства», т.е. как «техноэкономика» (техномика), а в третьем – «цифровая технология» в широком смысле слова, «обслуживающая» почти все иные сферы человеческой деятельности.

«Почти» потому, что есть сферы человеческого бытия, куда непосредственно недоступны никакие количественные (цифровые) измерения, например, такие человеческие чувства и свойства как стыд, совесть, нравственность, справедливость, привязанность, вкус, патриотизм, любовь, счастье. Последние «измеряются», главным образом, «качественным поведением» субъекта: ценностной ориентацией, смыслом, намерением, мотивом, характером, образом, стилем как индивидуального (личностного), так и коллективного (на различных уровнях общности социума, включая все человечество в целом) поведения. Как сказал великий мыслитель Абай Кунанбаев: «Достоинство человека определяется подходом (намерением.-У.А.) к делу, а не тем, как он его завершил».

В самом деле, как количественно, чисто метрологически измерить, скажем, «счастье» одной

затерявшейся в непроходимых джунглях «дикой», с точки зрения так называемых «цивилизованных народов», племени, считающая себя «самым счастливым народом в мире» и «счастье» Билла Гейтса (и иже подобных миллиардеров), кстати, сделавшего, после шестидесятилетнего возраста, «приятное для себя» признание (открытие) в том, что «счастье, оказывается, не в количестве денег, а в чем-то ином»? Подобное заявление сделали в предсмертный период своей жизни небезызвестные Генри Киссинджер и Збигнев Бжезинский. По такому случаю мудрый казахский народ говорит: «Ақсақ қой түстен кейін маңырайды» (буквально: «Хромой баран блеет после обеда». Лучше не скажешь!

В этом плане предпринимаемые в последнее время в социально-экономических и других науках количественные измерения категории счастья через т.н. «индекс счастья» есть не что иное как чистейший позитивизм в оценке собственно истинных ценностей человеческой природы и человеческих сообществ различного уровня общности и «пахнет» крайним «беккериянством». Я так называю попытки Гэри Беккера, американского экономиста, количественно (экономически) измерить категорию «любовь» и другие потаенные человеческие чувства. Последних, в лучшем случае, можно принять чисто условно, причем в координатах «цивилизации», а не «культуры», т.е. как результат однобокого сциентизма, а не метаэпистемологии, вбирающей в себя «прелести» всех семи основных видов знаний: традиционного, космологического (космогонического), эзотерического, теологического, художественно-эстетического, философского, собственно-научного.

Таковы в первом приближении и наиболее общих чертах некоторые размышления о месте и пределах количественного инструментария в экономических (и не только) исследованиях в диалектике с качественным подходом к ним. В силу выбранных автором уровня абстракции, цели и задач, а также объема работы, естественно, многие другие более частные теоретические и прикладные вопросы обсуждаемой темы не были рассмотрены здесь. Тем не менее автор заинтересованно ждет отклика от своих коллег и иных читателей журнала на высказанные им положения по принципу обратной связи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мамедов О. Ю. Социалистическое производственное отношение / Мамедов О.Ю. – Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского университета, 1983. – 143 с.
2. Мамедов О. Ю. Политическая экономия социализма. Курс проблемных лекций. / Мамедов О.Ю. – Ростов-на-Дону. Изд. Ростовского университета, 1990. – 224 с..
3. Мамедов О. Ю. Производственное отношение. Политико-экономическая модель / Мамедов О.Ю. – Ростов-на-Дону. «Феникс», 1997. – 288 с.
4. Алиев У.Ж. Теоретическая экономика: общедисциплинарная модель / У. Ж. Алиев – Алматы: НИЦ Ғылым, 2001 (2004 – переиздание). – 348 с.
5. Алиев У.Ж. Предмет и структура теоретической экономики // Дисс. на соискание ученой степени доктора экономических наук. Алматы – Санкт-Петербург, 2004. –394 с.
6. Алиев У.Ж. Предмет и метод теоретической экономики (основы предметоведения) / У. Ж. Алиев. – Астана: университет «Туран-Астана», 2012. – 143 с.
7. Предмет и метод теоретической экономики / У. Ж. Алиев // Учебное пособие для магистрантов и докторантов. – Нур-Султан: университет «Туран-Астана», 2019. – 162 с.

О СТИМУЛИРОВАНИИ ВЕРШИННОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

Корняков Василий Иванович

доктор экономических наук, профессор,
Ярославский филиал Ленинградского государственного университета им. А.С.Пушкина
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: vikorn1@rambler.ru

Вахрушева Наталья Андреевна

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет
кафедра «Экономика и управление»
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: ashatan1985@mail.ru

Аннотация: Авторы обращают внимание на отечественный опыт достижения вершинной производительности труда в 1945-1960, не понятый и проигнорированный потом политиками и учеными. Раскрывается механизм стимулирования такого достижения. Это приобретает остроактуальное значение в современном состоянии мировой и особенно российской экономики. Авторы приходят к выводу, что самым первым национальным проектом в наших реальных условиях должна стать программа комплексного преобразования и гуманизации трудовых отношений. Она должна быть построена на основе современных достижений в техническом оснащении рабочих мест с возрождением стимулирования вершинной производительности труда.

Ключевые слова: экономический рост, общественное воспроизводство, затраты, цена, конечный продукт, совокупный общественный продукт, пресуществление, производительность труда.

JEL: J21; O14; O49

ON THE STIMULATION OF TOP PERFORMANCE OF LABOR

Kornyakov Vasily Ivanovic
Doctor of Economics, Professor
Professor of the Leningrad state University named after A.S. Pushkin
Yaroslavl, Russian Federation.

Vakhrusheva Natalia Andreevna
Candidate of economic sciences, associate professor Yaroslavl state technical university
Yaroslavl, Russian Federation.

Abstract: The authors draw attention to the domestic experience of achieving peak labor productivity in 1945-1960, which was not understood and later ignored by politicians and scientists. The mechanism of stimulation of such an achievement is revealed. This is gaining urgency in the current state of the world and especially the Russian economy. The authors conclude that the very first national project in our real conditions should be a program for the comprehensive transformation and humanization of labor relations. It should be built on the basis of modern achievements in the technical equipment of jobs with a revival of stimulation of peak labor productivity.

Keywords: economic growth, public reproduction, expenses, price, final product, cumulative public product, implementation, labor productivity.

О проблеме. Производительность труда – решающий определитель бытия общественного человека. Темпы её роста – единственный источник увеличения объёма удовлетворяемых потребностей всех индивидов, повышения их жизненного уровня. Это сотворитель его, общественного человека, исторических и космических судеб. Отсюда стремление социума к самым высоким, вершинным (для

данных конкретных условий) темпам увеличения, а равно уровням производительности труда.

В отечественной экономике вершинными были темпы роста производительности труда в период её единственного за всё послевоенное время экономического подъёма 1945-1960 годов, рождённого «экономикой Сталина» (термин В.Ю. Катасонова): в среднем по 10% в год. Эти поистине сказочные (особенно в сравнении с жалкой в этом отношении современностью) приросты сопровождались обширной группой замечательных социально-экономических и социокультурных следствий, ныне утрачиваемых, даже утраченных страной. Так, вместе с феноменальными приростами производительности заявляла о себе столь же фантастическая ресурсная компонента экономики. В стране, почти наполовину разрушенной войной, вдруг стало доставать ресурсов, и чтобы за 2,5 лет восстановить экономику, и чтобы вывести её в пятидесятых годах на 2-е место в мире, и чтобы оградить ракетно-ядерным щитом от новых агрессоров, и чтобы обеспечить мировой уровень своим науке, просвещению, здравоохранению, культуре. И таким же чудом было общее послевоенное как бы качественное новорождение страны в целом, пророст из прежней страны (с её хозяйством, обиходной жизнью, образованностью и жизненным уровнем населения, уровнем науки, культуры и иными характеристиками) – новой, иной, как бы сменяющей прежнюю. Оно де-факто отмечено исследователями, – например, Г.И. Ханиным: «...За 1950-е годы, с точки зрения уровня жизни населения, появилась новая страна, свободная от нищеты и по мировым меркам обеспеченная...» [6]. После разрушения «экономики Сталина» вместе с его вершинной производительностью на протяжении шестидесяти лет социалистических и капиталистических отношений скукоживались, утрачивались и практически все сопряжённые с нею процессы ресурсного обеспечения, странового новорождения и другие её, высшей производительности, производные.

В настоящей статье мы продолжаем ряд публикаций [см., например, 1-4]), где мы доказывали, что сталинская вершинная производительность труда – не порождение приказного администрирования, а закономерный продукт особого естественно-социального странового механизма. Сосредоточившийся на спасении истекшей кровью полуразрушенной страны, умудрённый колоссальным опытом вождь, не испугавшись риска, отверг все известные (и преобладавшие) хозяйственные механизмы и бесстрашно ввёл в действие абсолютно новую, нигде не применявшуюся модель, теснейше, заострённо структурированную, развёрнутую на максимум производительности труда. И именно поэтому получилось совпадение «экономики Сталина» с установлениями Природы.

В экономической теории до сих пор не осмыслили недостаточно осмыслен эффект Подолинского, доброжелательно оценённый К. Марксом. С.А. Подолинский установил, что производительность труда – лишь отчасти его, труда, функция, а в решающей мере обеспечивается нам, людям, Природой. Отсюда идея П.Г. Кузнецова, что Природа в космической системе Солнце-Земля для того и создала разумную жизнь, чтобы заполучить (для пока закрытых для нас целей) универсальную, ведомую мыслью (разумную) космическую производительную силу живого человеческого труда. Всеведение Природы, конечно же, заключает и «понимание» разницы между принуждением и самодействием. Субъекту производительной силы труда (бытию общественного человека как природной силе) естественно вменены и указанная цель самой Природы, и выраженное «самостояние» (термин А.С. Пушкина) в достижении этой цели. Теоретический и практический вывод из этих посылок в том, что Природа, никак не вмешиваясь в прямые функции субъектов производительности, вынуждена (оперируя всей семьёй своих природных сил в этой сфере, таких, как экономика, общественное воспроизводство, рабочая сила и т.д.) выстраивать, предлагать, даже навязывать субъектам производительности оптимальные модели их практических действий, «подталкивать» их, свои (в определённом смысле) автономные природные силы, к соответственным решениям, акциям. Как это происходит, показывает пример экологических взаимодействий общественного человека и Природы.

Длительное время люди слепо, бездумно придерживались в отношении «Природы-матери» (С.Н. Булгаков) тактики «выжженной земли», безжалостно попирая, грубо ломая её установления.

И Природа вынужденно обнажает перед ними близкую (даже ближайшую, в диапазоне немногих десятилетий или даже лет) неотвратимую неизбежность гибели, толкая, заставляя цивилизацию спасаться. То же и в экономике. Здесь Природа соответственно также имеет, как бы создаёт модели оптимального хозяйственного поведения, «требует» их соблюдения социумами, демонстрируя неизбежную гибельность, нарастающую катастрофичность расходящихся с её установлениями механизмов и маршрутов. Именно так происходит с экономиками позднего СССР и нашей РФ. Мы не раз доказывали, что неуклонная деградация качества функционирования отечественной экономики на протяжении последних шести десятилетий – закономерное следствие наших действий вопреки Природе.

Однако для обретения вершинной производительности мало выстраивать современный вариант трёхстадийной модели этой производительности, представшую И.В. Сталину (в его поиске). В ней вторая и третья стадии автоматически множат производительность труда, достигнутую первой, непосредственным процессом производства. Поэтому именно успешность первой стадии задавала тон успешности всего сталинского механизма вершинной производительности труда. Следовательно, при отлаженности центрального регулятора модели (им, напомним, является снижение цен соответственно росту производительности) основное внимание в достижении вершинной производительности должно уделяться выведению производительности труда на предприятиях (в непосредственном процессе производства) за пределы обычно достигаемого (привычными экономическими средствами) уровня.

Сейчас нигде нет ни вершинных темпов роста производительности труда, ни соответственных экономик. Это значит, что современный общественный человек (напомним: сила Природы) «выбился» из установлений Природы, покинул их и обречён пожинать тяжкие последствия этого. Но ему не миновать возврата к единству с Природой, а тем самым, – к осмысливанию, к изучению обозначенной проблемы. Далее рассматриваются некоторые компоненты проблемы и её решения.

Об основном показателе измерения и стимулирования вершинной производительности на уровне предприятий. Это, конечно же, успешно «работавший» в этом качестве в «экономике Сталина» показатель абсолютного снижения себестоимости продукции (сравнимой). Это – показатель повышения производительности (из семьи обратных его показателей), обладающий рядом полезных признаков. Так, он (в отличие, например, от прибыли) особенно приближен к субъекту процесса, как бы обратно копирует его производственную активность, и работники свободно «переводят» его показания на «язык» напряжений своих организмов. А в экономике, соответствующей модели сталинского типа, он всегда в объективной «сцепке» со своей «парой» – снижающейся ценой, соединяющей данное индивидуальное производство с общественным воспроизводством. Это уникальное соединение открывало широкие возможности их (непосредственного процесса производства и общественного воспроизводства) взаимодействия.

Показатель снижения себестоимости связан с индивидуальностями работающих не «безмолвно». Его простота, понятность субъектам и уподобленность их внутренним индивидуальным оценкам собственной трудовой деятельности делают его весьма «красноречивым» «собеседником» работающих. Выраженные таким образом задания по росту производительности (то есть снижению себестоимости) сразу оказываются на внутренней «шкале» организма, определяющей размеры усиления его предстоящего напряжения. И индивидуальность, личность работающего сразу естественно, как бы внутренне мобилизуется на поиски выхода из специфической проблемной ситуации: как избежать взлёта трудового напряжения, повышения его уровня. Показатель снижения себестоимости как раз особенно обнажает проблему. А решение, выход поэтому и очевиден, и единствен: снятие, перекрытие трудовых перегрузок качественным совершенствованием трудового процесса. И практика «экономики Сталина» раскрывает, что положительный конструктивный ответ работников на указанную проблемную ситуацию на предприятиях не был редкостью, более того, он определял ситуацию. Имело место прямое активное участие рабочих в развитии техники,

технологий, организации их производства (то, что де-факто начисто исчезло в современной экономике) и было одним из важнейших факторов выхода производительности за обычные рубежи. Весьма успешно, с участием рабочих, реализовывались достижения первой НТР. Были значимые движения рационализаторов и изобретателей, передовиков производства, дававшие в итоге, по оценкам специалистов того времени, громадный народнохозяйственный эффект. Всё это материализовалось в опережении ростом производительности, эффективностью производства тогдашним СССР ведущих экономик Европы.

Однако, при общей успешности применения рассматриваемого показателя «экономикой Сталина», его возможности в последующем использовались всё-таки неполно. Оплата работника за выполнение и перевыполнение заданий не опиралась на его точно измеренные индивидуальные достижения в сбережении общественного труда. Таков был парадокс эпохи: социум возлагал на его, работника, вклад все надежды, но по условиям того времени не мог ни вполне чётко определить его, ни вполне справедливо его вознаградить. Поскольку вклад отдельного работника – не что иное, как доля вклада всего предприятия, снижения всем коллективом себестоимости, а далее и цены выпускаемой продукции. Такие расчёты шестьдесят лет назад были для экономики, для заводов неподъёмными.

Теоретически проблема выступает использованием динамической ренты, создаваемой повышениями производительности труда. Последние ведут к снижению себестоимости и образованию динамической ренты, денежного выражения избыточной прибавочной стоимости. А согласно канонам рыночной экономики, это – источник тут же присваиваемой сверхприбыли, присвоение которой сразу делает невозможным снижение цен, обрывает связь снижения издержек, себестоимости с общественным воспроизводством, прекращает прохождение в общественное воспроизводство индивидуальных повышений производительности. В сталинской же экономике динамическая рента служила источником знаменитых массовых ежегодных уменьшений розничных цен. Но она, если бы в ту пору существовала цифровая экономика, вполне могла бы послужить и другой цели – индивидуальному премированию работников за снижение себестоимости. Однако требующаяся для этого цифровизация экономики появляется лишь сейчас. И теперь в повестку дня экономической науки просятся проблемы такого охвата цифровизацией увеличений индивидуальных производительностей, образования динамических рент, чтобы каждый участник процесса видел и свой личностный вклад в общий процесс, и своё вознаграждение за него, и, следовательно, мог бы уверенно программировать повышение своего заработка от своего инициативного личного вклада в рост производительности труда.

О точках пророста вершинной производительности. В «экономике Сталина» поимел место, преимущественно, позитивный положительный ответ работников на проблемную ситуацию, создаваемую жёсткими заданиями по снижению себестоимости. Но были и отрицательные ответы вплоть до конфликтов с нормами выработки и расценками. И они вполне понятны.

Работникам ясно, что обычного, повсеместно соблюдаемого повышения производительности им не миновать, а в необычном, особенно вершинном повышении его наверняка или почти наверняка ждут немалые перегрузки, к которым, кстати, принадлежат и сами его творческие инициативы. Поэтому для стойких вершинных увеличений производительности для работающих совершенно необходим особый стимул (или дополнительный, высший ультростимул, контрстимул, контрапункт стимулов), противостоящий дискомфорту и перегрузкам вершинной производительности, как бы гасящий, ослабляющий их раскрытием добавочной материальной перспективы. Это достаточно очевидно, даже бесспорно: единственно материалистическое понимание, истолкование проблемы. Только так! Нам, как ни удивительно, не встречалось в литературе таких постановок, но ведь чудес-то не бывает. Год за годом значимо повышать действенность сил всего стимулирования производительности, год за годом перекрывать его обычные достижения, становиться их экономическим катализатором, катарсисом может только инструментальное материальное образование, реально, надёжно, ощутимо

и продолжительно (с продолжительной же перспективой) улучшающее жизнь работающих. «Экономика Сталина» с её феерическими приростами производительности, конечно же, располагала таким ультрастимулом, уничтоженным при её сломе: и об этом в экономической литературе ни слова, – не потому, что его не было, а потому, что он до сих пор не идентифицирован. Казалось бы, всё просто: был подъём, – значит, действовал его ультра-стимул, была его особая точка роста, гармонирующие со всем естественно-экономическим механизмом подъёма. Но эта, на наш взгляд, вполне безупречная логика почему-то не нашла должного применения в экономической теории. А с позиций этой логики как раз и необходимо идентифицировать точку пророста подъёма 1945-1960 годов, его сверхстимул.

Для относительно кратких экстремальных условий в этом значении высшего стимула могут мощно действовать социально-политические факторы. Такое значение для советской экономики периода Отечественной войны имела овладевшая народом идея спасения любимой Родины, материализовавшаяся в поистине беспредельных героических массовых трудовых энтузиазме, подвижничестве, изобретательности, предприимчивости. Только один пример. Ярославский шинный завод в октябре 1941 года был перебазирован в Омск, где сразу же, с колёс, без крыш над головой полностью возобновил производство. А на оставшемся в Ярославле оборудовании не уехавшие в Сибирь работники опять же стали производить прежний объём той же военной продукции [5]. Это, как и увеличение военными заводами при тех же ресурсах своего производства в десять и более раз, опиралось на подлинный врыв трудового горения каждого из работавших, когда их творческий поиск решительно доминировал, а усталость и перегрузки теряли для них значимость.

В обстановке же не экстремальной повседневности неизбежны опасения усталостных перегрузок, их вреда организму, самочувствию. Они становятся ограничителями не только самой физиологической трудовой энергии работников, но и их вкладов в совершенствование производства. Каждому ясно, что продвижения в техническом-технологическом уровне производства, его совершенствование и возвышение непременно изменят сложившиеся стереотипы трудовой деятельности, и в этом смысле труд станет более «трудным». Отсюда преобладание трудового консерватизма. Что же может его смягчить, ослабить, устранить, сломать?

Единственно логичный (и вполне убедительный) ответ таков: участие не во всяком повышении производительности, а лишь в таком, которое, помимо смены трудовых стереотипов, с полной определённой несёт работнику, его семье долгосрочное значимое улучшение жизни. И опять же только так! Иначе вершинные темпы производительности становятся необъяснимыми.

Таким сверхстимулом в «экономике Сталина», нам представляется, было устойчивое снижение розничных цен (на основе снижений себестоимости) производимых товаров, прежде всего в конкретной форме их ежегодных массовых уменьшений: с широчайшей оглаской, с чрезвычайно важным и настойчиво повторяемым подчёркиванием, что это – не разовые однократные мероприятия, а звенья твёрдо проводимой неизменной неограниченной долгосрочной политики, что к тому же и было затвержено на высшем в то время уровне (решениями XIX съезда ВКПб).

Каждое из семи таких мероприятий встречалось народом с ликованием, можно сказать – с энтузиазмом. Складывался всеобщий социально-экономический стереотип труда, фактический социально-экономический договор с принципиальным консенсусом сторон. В этом договоре одна сторона – «предприятие» (государство) – не просто даёт работникам задания вершинной производительности, но сверх этого также экономически обеспечивает, «оплачивает» их. Главным экономическим обеспечением напряжённого труда было то, что работники обретали сверх своей договоренной оплаты. И у них оказывалось целых три обретения, которых были лишены трудящиеся других стран.

Первое – это, конечно же, более богатое (сверх зарплаты) потребительское наполнение семейных и индивидуальных бюджетов. Особенно выигрывали большие семьи с детьми. Второе:

личное присвоение (собственность) оказывалось в более тесной связи с господствовавшим тогда общественным. Но особенно важным представляется третье. Каждое годовое снижение цен всё определенной, настоящей представало работникам надёжной перспективой их необоримого движения в невиданную экономику низкоценового, даже неценового потребления и прямо вводило трудящихся в начало этой перспективы. И трудящиеся страны, не просто убеждаемые в этой перспективе, но и как бы реально вводимые в неё, просто не могли не отвечать своим согласием с заданиями («предприятия»-государства) вершинной производительности. А гарантом социально-экономического договора была сама личность И.В. Сталина, его поддержка партией, страной.

Своими непременными-регулярными снижениями цен И.В. Сталин создавал для основной массы работников как бы реально осязаемый ими эффект начала вхождения в «царство» грядущего полного достатка жизненных благ. И трудящиеся ответили тем, чем только и можно было ответить на сопровождающие этот эффект высокие, жесткие задания: активным участием в технико-экономическом творчестве. Иначе вершинные темпы были бы невыполнимыми. Ведь за 1945-1960 годы производительность труда выросла в 4,1 раза; одним лишь повышением выработки это было бы совершенно недостижимо. Поэтому итоговым ответом трудящихся на эффект «царства», на вновь и вновь повторяемые вершинные задания и стало их участие в первой научно-технической революции 1950-х годов, а в итоге – вторая технико-экономическая цитадель планеты.

Конечно, в движении «экономики Сталина» накапливались трудности, противоречия, она нуждалась в научно обоснованном развитии, совершенствовании. Однако после смерти вождя на волне поднявшейся критики «культы личности» она в конце пятидесятых враз, без исследований и обсуждений была беспощадно разрушена, и был де-факто определён курс к капитализму, хотя её низвергатели клялись социализмом и коммунизмом. Они, как теперь стало ясным, не понимали уникальности открытого И.В. Сталиным естественно-социального механизма умножения производительности и упоённо резали-кромсали эту, фигурально говоря, курицу с золотыми яйцами, не ведая, что творят.

А сотворено было, вместо сталинского антиинфляционного, с вершинным ростом производительности, обратное ему проинфляционное и инфляционное хозяйствование: в первые три десятилетия квазисоциалистическое, с неуклонной потерей темпов и ресурсов роста, нарастанием дефицитов и ухудшающимся качеством функционирования, а с 90-х годов – уже выражено инфляционное капиталистическое, но с теми же тенденциями и характеристиками. И социум в смятении. Вот уже шесть десятилетий он стремится бесконечными реформами (начиная с «косыгинских») вернуть себе если не утраченную вершинную производительность, то хотя бы какое-то приближение к ней. Между тем ситуация становится всё драматичнее (см., например [8]), и вот уже слышны пожелания о приближении к всего-то среднемировому уровню. В национальных проектах в отношении самой производительности труда почти не прописано мероприятий, которые за эти шестьдесят лет уже не применялись бы. Поэтому не только ряд исследователей, но и некоторые руководители считают, что выполнение национальных проектов не приведёт к прорыву увеличения производительности труда, к экономическому росту. Так, экс-министр экономики Г. Греф «заявил, что не верит в национальные проекты, так как не видит связи между планами и цифрами, которые будут на выходе» [9].

О перспективах. В экономической литературе мы не смогли найти разработок, родственных нашим, об использовании установлений Природы в обеспечении и стимулировании темпов роста производительности труда через снижения цен. Некоторые экономисты даже вообще против снижения цен: для них это только чисто денежная дефляция, а не выражение роста производительности. Не всегда замечается, что антипод снижения цен, инфляция, – как раз разрушитель, а не творец производительности. Много ли найдётся охотников повышать производительность в обстановке обесценения твоего труда? Не принимается во внимание очевидное. Не замечается, например, что

именно находясь в порицаемой экономистами «ловушке дефляции» Китай обретал вершинные десятипроцентные приросты производительности. Однако не приходится сомневаться, что опыт (действительно «сын ошибок трудных») в конце концов поставит всё на свои места, и что поворот к постижению уникальной отечественной эпохи вершинного роста производительности всё-таки, наконец, состоится. И тогда встанут вопросы не только о современном использовании этой (когда-то сталинской) модели, но и об её будущем развитии, совершенствовании.

Мы полагаем, что водораздел между потенциально высокорезультативными высокопроизводительными экономиками, которые могут быть успешно приведены к нарастающим темпам производительности, и экономиками, лишёнными таких перспектив и объективно приводящими к стагнации, проходит не там, где его нередко видят даже специалисты: не в самих отношениях собственности на средства производства. Он, прежде всего, в их отношении к инфляции, уничтожающей плоды роста производительности. Переход к ценам, изменяемым движением производительности – это включение проверенного опытом СССР естественно-социального механизма её умножения, опирающегося на её стимулирование в непосредственном процессе производства. А ключ к вершинной производительности будущего – в совершенно особых отношениях, получивших у К. Маркса название «индивидуальной собственности» работников.

Мы затрудняемся ответить, можно ли, удастся ли в нашей стране повторить успешный (но безобразно оборванный, уничтоженный) опыт Сталина по стимулированию массового технического творчества работающих с их вершиной производительностью – стимулирования их (трудящихся с их семьями) как бы введением в будущую экономику неограниченного ценами потребления. Но убеждены, что ключ успеха стимулирования будущей вершинной производительности (если наша цивилизация в ныне развёртывающейся экологической катастрофе всё-таки подойдёт к ней) в том, что К. Маркс называл «индивидуальной собственностью» для общества, в котором средства производства допускают лишь общественное применение и могут находиться лишь в общественной собственности. Он сопоставляет эту свою «индивидуальную собственность» будущего с собственностью мелких товаропроизводителей, являющихся «свободными частными собственниками», центральной экономической характеристикой которых является «срастание отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда» (риторический троп Маркса, ввиду своей понятности им специально не объяснённый).

По Марксу, должно произойти возвращение наёмных капиталистических рабочих к индивидуальному присвоению, уже наличествовавшему у мелких трудовых собственников, но не в смысле частной собственности, объекты которой (соответственно исторической тенденции капиталистического накопления) должны принадлежать обществу, а в другом смысле. И этот другой смысл совершенно определённо не частно-собственнический и даже не вещественный (поскольку вещи, средства производства в концепции К. Маркса здесь «чёрным по белому» в общественной собственности, и марксовой «индивидуальной собственностью» быть просто не могут!). То есть классик здесь расширяет сферу, круг именно невещественной (не имущественной) собственности, и это каким-то непонятным образом прошло мимо внимания науки! Но что же именно в «индивидуальной собственности» Маркса от той трудовой частной (и вещественной) собственности, о возврате к которой у него идёт речь? Да то невещественное что исторически действительно наличествовало именно и только у мелких производителей, то, чего не было у рабов и крепостных. Это как раз их «срастание» (термин Маркса) с применяемыми ими (в их собственности не находящимися) средствами производства. И здесь всё-таки необходимо раскрыть марксову аллегорию языком науки. Его «срастание», конечно, никакие не взаимопрорастание и не физическое слияние. Это – аллегорически выраженная самая высокая степень наиболее полного сознательного использования индивидуальным работником всех-всех потенций его средств производства в производстве его продукта с достижением, конечно же, высшей производительности труда. Это – единственно

допустимое, возможное понимание рассматриваемого тропа Маркса. Только такое «срастание», но никоим образом (!) не «частность» применяет Маркс к будущему развитию. Но тогда почему «собственность» («индивидуальная собственность»)?

Конечно, потому, что Маркс привносил в переносимое им в будущее «срастание», то есть в будущую высшую индивидуальную производительность (у Маркса – на общественных средствах производства) моменты индивидуального же присвоения. Он не раскрывает, какие именно. Но тем не менее сама его мысль вполне понятна. История неизбежно ведёт к системе отношений, в которых индивидуальные работники будущего будут ответственно-собственнически добиваться высочайшей производительности, то есть к неимущественной, невещественной индивидуальной собственности работников на свою производительность труда. И это – идея не авторов данной статьи. Это бесспорно научное положение самого автора «Капитала»

То есть идея Маркса: рабочие будущего должны, как бы отдельно, независимо от владения средствами производства (оно мало чего даёт для роста производительности), реально собственнически-деятельно (действиями) срастаться с ними в едином целенаправленном высокопроизводительном процессе труда. Именно в этом, и нив чём ином заключается марксова «индивидуальная собственность» будущих работников: не на вещи (это совсем другое отношение обладания ими), а на самый процесс деятельного нацеленного потребления-использования вещей от его начала до завершения, что является ничем иным, как производительностью труда. Невещественная «индивидуальная собственность» будущих работников Маркса – [это их собственность на производительность своего труда как целенаправленное деятельное срастание с нею.

Объективное развитие производства полностью согласуется с провидением классика. Овладевающие производством и управлением компьютерные технологии несовместимы с прежними авторитарными подчинением и дотошным контролем, в них совершенно объективно заложена определённая техническая-технологическая свобода действий работника. «Например, работник-программист сам выбирает язык программирования, способ управления, вид диалогового режима. Происходит диверсификация форм и режимов занятости, трудовых контрактов, управления трудом. Критерием успеха... становятся новизна технологических решений, индивидуальность, неповторимость» [10]. Условиями производительного труда в растущей степени становятся «партнерство и взаимопонимание между участниками, формирование благоприятного психологического климата – своеобразной «ноосферы» творчества на рабочих местах» [10].

К сожалению, отечественная экономика отстаёт от этих набирающих силу тенденций гуманизации и демократизации трудовых отношений, объективно подводящих социум к «индивидуальной собственности» работников на свою же производительность труда. В печати условия труда в нашей стране названы кабальными. По данным исследований, «две трети россиян регулярно работают сверх нормы без дополнительной оплаты», и «64% российских работников трудятся в вечернее время, по ночам и в выходные. При этом компенсации за сверхурочные добивается только треть сотрудников» [7].

Ясно, что эта ситуация перечёркивает саму возможность выхода экономики даже на средние, не говоря уже о высоких и вершинных темпах роста производительности труда. А самым первым национальным проектом в наших реальных условиях должна бы стать программа комплексного преобразования гуманизации трудовых отношений на основе современных достижений в техническом оснащении рабочих мест с возрождением стимулирования вершинной производительности труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Н.А. Дирижизм и воспроизводственный поворот / Н.А. Алексеева, В.И. Корняков // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2015. – № 1 (25). – С. 24 -35. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://theoreticaleconomy.ru>

2. Алексеева Н.А. Корняков о тенденциях динамики органического строения капитала и производства / Н.А. Алексеева, В.И. Корняков // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. 2012. – № 3 (19). – С. 12-24.
3. Альпидовская М.Л. Уроки истории: экономический подъём в послевоенные годы (1945-1960) / М.Л. Альпидовская, Н.А. Вахрушева, В.И. Корняков // Энергия: экономика, техника, экология. – 2017. – № 5. – С. 42-48.
4. Корняков В.И. Природное регулирование общественного воспроизводства: сколько можно помыкать им? / В.И. Корняков, Н.А. Вахрушева // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2016. – № 4. – С. 108-126.
5. Насонов В. «...Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд...» / В. Носов // Голос профсоюзов. – 2019. – № 19.
6. Ханин Г. Десятилетие триумфа советской экономики. Годы пятидесятые. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL:<https://saint-juste.narod.ru/hanin.htm>. (Дата обращения: 08.08.2019)
7. Почти рабы: условия труда в России признали кабальными. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL:<https://ivday.ru/obshchestvo/pochti-raby-uslovija-truda-v-rossii-priznali-kabalnymi.html> (Дата обращения: 17.07.2019)
8. Черняховский С. Кудрин сказал чудовищную правду о труде и эксплуатации в России. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL:<https://krasvremya.ru/kudrin-skazal-chudovishhnyuyu-pravdu-o-trude-i-ekspluatacii-v-rossii/> (Дата обращения: 17.07.2019)
9. Греф заявил, что не верит в экономический прорыв благодаря нацпроектам. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL:<https://news.myseldon.com/ru/news/index/216138800>. (Дата обращения: 13.09.2019)
10. Янченко. Е. Социально-трудовые отношения в развивающейся организации: перспективы управления. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://www.top-personal.ru/issue.html?2655>. (Дата обращения: 02.09.2019)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ В НАЛОГОВОЙ СФЕРЕ

Кальсин Андрей Евгеньевич

доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им.П.Г.Демидова»
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: kalsin777@gmail.com

Волков Андрей Юрьевич

доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им.П.Г.Демидова»
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: a140869@yandex.ru

Аннотация: Экономическая и государственная политика должны быть направлены на оптимальное сочетание экономических интересов через систему налогообложения. Реализация потенциала экономической системы происходит под воздействием различных факторов, включая внутреннюю и внешнюю политику государства. В налогообложении сталкиваются интересы государства и налогоплательщика. Иллюстрацией столкновения экономических интересов государства и налогоплательщика может служить закон Лаффера. С помощью налогового стимулирования необходимо создать равные условия всем функционирующим субъектам в зависимости от результатов их деятельности. Поставленные в условия жесткой зависимости от административных решений, участники экономических отношений во многих случаях ищут и находят пути для развития своего дела. Термин «теневая экономика» в целом относится к финансово-хозяйственным операциям, направленным на получение материальной выгоды. Для контроля за соблюдением субъектами экономической деятельности существующих норм права в государстве создаются контролирующие органы.

Ключевые слова: налог; налоговая система; налогообложение; налоговая политика; экономическая система; «теневая» экономика.

JEL: H22; P47

SOME ASPECTS OF ECONOMIC INTERESTS IN THE TAX SPHERE

Kal'sin Andrey Yevgen'yevich
Doctor of Economics, professor
Yaroslavl State University named after PG Demidov
Yaroslavl, Russian Federation

Volkov Andrey Yur'yevich
Doctor of Economics, professor
Yaroslavl State University named after PG Demidov
Yaroslavl, Russian Federation

Abstract: Economic and public policies should be aimed at the optimal combination of economic interests through the tax system. The realization of the potential of the economic system occurs under the influence of various factors, including the domestic and foreign policies of the state. The interests of the state and the taxpayer clash in taxation. An illustration of the clash between the economic interests of the state and the taxpayer is Laffer's law. With the help of tax incentives, it is necessary to create equal conditions for all functioning entities, depending on the results of their activities. Put in conditions of strict dependence on administrative decisions, participants in economic relations in many cases seek and find ways to develop their business. The term "shadow economy" generally refers to financial and business operations aimed at obtaining material benefits. In order to control the observance by the subjects of economic activity of the existing legal norms in the state, regulatory bodies are created

Keywords: tax; tax system; taxation; tax policy; economic system; «shadow economy».

Экономическая и государственная политика должна быть направлена на оптимальное сочетание экономических интересов через систему налогообложения. Нивелировать негативное воздействие налогообложения можно лишь с учетом интересов субъектов хозяйствования в экономической политике, а также в качественном содержании и структурном построении механизма хозяйствования. Именно он должен выступать практической формой оптимального согласования всех видов экономических интересов посредством системы налогов, превращения их в стимулирующую систему, активно воздействующую на развитие производительных сил.

Реализация потенциала экономической системы происходит под воздействием различных факторов, включая внутреннюю и внешнюю политику государства. Названные факторы могут исказить действительное предназначение экономических регуляторов, включая налоги, абстрагируясь от общественных потребностей. Подтверждением отмеченного факта является то, что реализация в российской практике фискальной направленности налоговой системы без создания стимулирующего механизма налогообложения в экономике, приводит к чрезмерному административному изъятию дохода у предприятий и организаций и, соответственно, сужению налоговой базы за счет свертывания предпринимательской деятельности.

В налогообложении сталкиваются интересы государства и налогоплательщика: государство заинтересовано в достаточности средств для реализации задач экономической и социальной политики, а налогоплательщик – в минимизации налоговых сборов. Как видим, экономические интересы их полярны. И от того, как через налогообложение будет найдена оптимальная граница изъятия, зависят не только уровень поступления налогов в бюджетную систему, но и степень уклонения налогоплательщиков от налогообложения, объемы теневого бизнеса, а также уровень налоговой культуры в обществе.

Иллюстрацией столкновения экономических интересов государства и налогоплательщика может служить закон Лаффера.

В XX веке американские экономисты, представители экономической теории предложения, осуществили графическое моделирование этой зависимости, названной по имени её создателя – кривой А. Лаффера (См. рис. 1).

Допустим, реально существующие налоговые ставки равны T_b , а налоговые поступления в государственный бюджет – G_b (точка В кривой Лаффера). Согласно концепции американского экономиста А. Лаффера, уменьшение налоговых ставок вызовет лишь кратковременное сокращение объема государственных доходов. В длительной перспективе эта мера обеспечит рост сбережений, инвестиций, производства, занятости, а, следовательно, совокупных доходов, подлежащих налогообложению. Этот процесс (движение от В к А) возможен прежде всего при прогрессивной системе налогообложения и осуществлении такой реформы, которая предусматривает снижение ставок главным образом на высокие доходы и прибыли корпораций. В конечном итоге возрастут государственные доходы, уменьшится дефицит бюджета, более слабым станет эффект вытеснения, то есть явление, которое характеризуется сокращением частных инвестиций под влиянием прироста государственных расходов [2], произойдет торможение инфляции и ускорение экономического роста. Критерием оптимальности налоговой политики считается, понятно, максимум государственных доходов в результате налогообложения.

Если обратиться к истории, то окажется, что эффект Лаффера был обнаружен в ходе математического исследования двух функций, фиксирующих зависимость налоговых поступлений в бюджет от налоговых ставок на прибыль и на заработную плату. Настоящее исследование показало существование определенного (оптимального) уровня налоговых ставок, при котором функция государственных доходов достигает максимума. В то же время, когда этот уровень больше или меньше оптимальной отметки, наблюдается снижение налоговых поступлений. Только после этого началось подробное изучение эффекта Лаффера с помощью эконометрической техники (для разных

стран, для разных периодов и т.п.) и появилось его словесное описание.

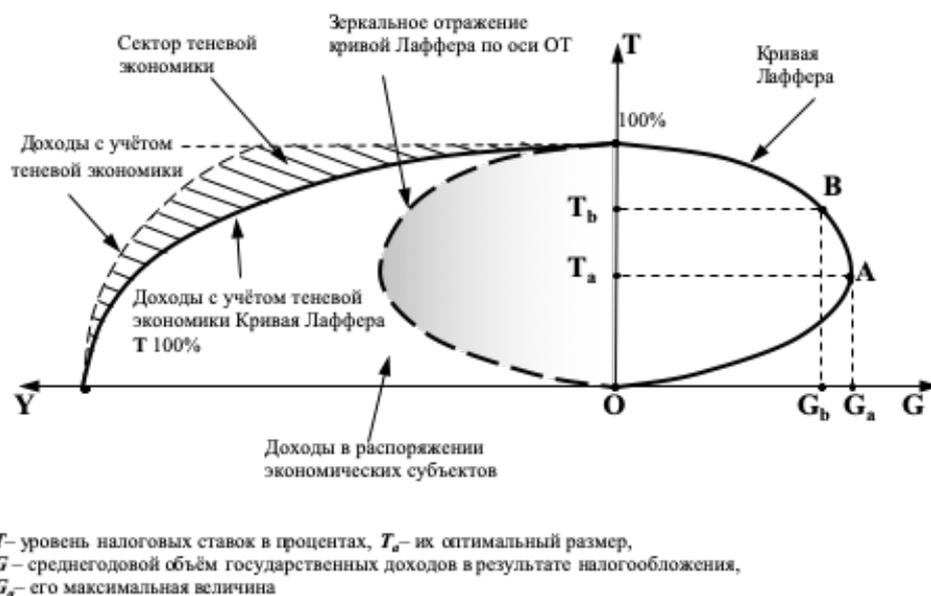

Рисунок 1 - Кривая Лаффера

Если обратиться к истории, то окажется, что эффект Лаффера был обнаружен в ходе математического исследования двух функций, фиксирующих зависимость налоговых поступлений в бюджет от налоговых ставок на прибыль и на заработную плату. Настоящее исследование показало существование определенного (оптимального) уровня налоговых ставок, при котором функция государственных доходов достигает максимума.

Проявление этой зависимости в странах, характеризующихся недостаточно эффективным исполнением налогового законодательства, усиливается ещё и выходом экономической деятельности части субъектов из области теневой экономики (См. рис. 1), то есть приводит к дополнительному приросту налоговых доходов. Численное значение ставки налога, максимизирующей налоговые поступления, зависит от законопослушности граждан и менталитета нации, готовой мириться с таким уровнем налогообложения, и от эффективности сбора налогов.

Зависимость, отражаемая кривой Лаффера, в 1980-ые годы с успехом применялась в США: наблюдалось одновременное снижение инфляции и безработицы и устойчивый рост экономики.

В подтверждение отмеченных фактов можно привести результаты исследования ученых Санкт-Петербургского госуниверситета экономики и финансов под руководством члена-корреспондента РАН И. Елисейевой, свидетельствующие о том, что сокрытие налогов в России составляет 49,3%, искажение фонда оплаты труда – 50,4%, сокрытие и занижение прибыли – 34,8%, неучтенная валовая добавленная стоимость – 42,8% от числа всех опрошенных респондентов [3]. Все эти составляющие формируют значительную сферу теневого оборота (до 40-45% ВВП), существующую в экономике России наравне с легальной экономикой.

Одной из причин существования налоговых отношений является необходимость перераспределения части полученных доходов для удовлетворения общенациональных потребностей и обеспечения качества жизни граждан. Вследствие этого основные характеристики системы налогообложения могут быть сформулированы на основе анализа закономерностей распределительного и перераспределительного процессов.

Обобщая все изложенное, следует отметить, что налогообложение как законодательно оформленный процесс перераспределения созданного дохода общества – это социально-экономическая

категория, зависящая также от социально-политических тенденций в обществе.

Конечные цели налогообложения должны сводиться к обеспечению социально-экономических функций государства не в ущерб экономическим интересам субъектов рыночной экономики. Но одновременно посредством налогообложения возможно удовлетворять интересы различных агентов и уравновесить общественные, корпоративные и личные экономические интересы.

Между тем основная цель общественного воспроизводства — это экономический рост, обеспечивающий создание общественного продукта, удовлетворение потребностей человека, порождаемых уровнем развития производства.

С помощью налогового стимулирования необходимо создать равные условия всем функционирующим субъектам в зависимости от результатов их деятельности. Наряду с этим должна усиливаться взаимосвязь между производством и потреблением. В российской экономике эта взаимосвязь реализуется недостаточно, и причиной тому является неадекватная система экономических рычагов, важной составляющей которой должна выступать налоговая система.

Используя налоги как стимул (побуждение к действию), можно с помощью поощрения или введения ограничений оказывать воздействие на деятельность субъектов рынка через реализацию экономических интересов.

Необходимо рассматривать налог как своеобразную цену общественных благ (услуги образования, здравоохранения, пенсионное обслуживание и т.д.) государства, предоставляемых гражданам. И соответственно повышение налоговой культуры в обществе должно сопровождаться более полным выполнением обязательств государства перед согражданами.

Столкновение взаимных интересов в развитой экономике должно создать эффект оптимизации системы налогообложения, направленный на стимулирование налоговой базы – производства.

Решая основную задачу Вооруженных Сил страны по обеспечению ее обороноспособности, бюджетные организации вынуждены контактировать в соответствии с действующим законодательством с различного рода органами управления, в том числе и с налоговыми органами, т.е. с существующим административно-бюрократическим аппаратом.

Так сложилось исторически, что административный бюрократический аппарат с советских времен сохранил в российском государстве свои распорядительные функции. До сих пор, исполняя законы, он стремится предельно зарегулировать права собственности, искусственно создать дефицит прав, четко соблюдая при этом собственные корпоративные интересы, то есть приторговывая различными лицензиями и другими решениями и получая при этом своеобразную ренту [5]. И все же, хотя явление это само по себе не ново, современные экономико-правовые функции бюрократии по сравнению с советскими временами значительно изменились.

В советскую эпоху все без исключения агенты административных торгов, на которых продавались и покупались хозяйственные решения, выступали от имени того или иного субъекта государственной плановой экономической системы. Частные интересы проявляли себя лишь как параллельный, теневой мотив сделки. Теперь же непосредственным потребителем результатов административного решения сплошь и рядом оказывается частное лицо, юридический собственник, предприниматель. Частная выгода становится единственным мотивом его обращения к властям. И во взаимоотношениях с ним представитель власти, распоряжающийся неким капиталом административных решений, имеет возможность инвестировать этот капитал в частный бизнес и получать собственную частную выгоду.

Юридическое, конституционное право – по сути дела, единственный товар, которым чиновники всех уровней и административный аппарат в целом распоряжаются монопольно. Ничего другого, никакой другой собственности у них сегодня нет, но, чтобы жестко контролировать любые легальные рынки, ничего другого и не требуется: искусственно созданный дефицит легальных возможностей – самый доходный способ бюрократически-теневое управление [4].

Мы полагаем, что поставленные в условия жесткой зависимости от административных решений, участники экономических отношений во многих случаях ищут и находят пути для развития своего дела не в оптимальной организации законных рыночных операций и открытой конкуренции, но в теневых сделках с чиновниками, способными освободить их от ответственности, когда нарушается закон, предоставить льготные возможности и – в то же время – создать непреодолимые препятствия на пути конкурентов. Таким образом, теневой бизнес и коррумпированная бюрократия оказываются кровно заинтересованными друг в друге, сделки между ними приобретают характер постоянного экономического сотрудничества, которое требует соответствующей рациональной организации и институционального оформления.

Но что такое взятка в экономическом смысле? Ведь если речь идет о вымогательстве, то такую сделку никак нельзя считать добровольным и равноправным экономическим обменом; тут, вроде бы, более правомерно говорить об одностороннем криминальном акте, шантаже или даже прямом грабеже, то есть анализировать ситуацию не в экономической, а в юридической плоскости.

Четкие правила поведения на теневом рынке, своеобразный «теневой порядок» заранее никем не планируется и не программируется, а вырастает из живой экономической практики и закрепляется в обычае [4]. Более того, следуя необходимости поддерживать этот стихийно возникающий порядок, предприятия в дальнейшем бывают вынуждены осуществлять и определенные структурные инновации: например, принимать на работу специально обученных профессионалов, которые берут на себя обязанность регулировать (в том числе и посредством взятки) взаимоотношения с любыми государственными органами и службами.

Таким образом, действия административно-бюрократического аппарата находятся в «теневой» плоскости экономики. По нашему мнению, было бы уместно более четко определиться с термином «теневая экономика».

Термин «теневая экономика» в целом относится к финансово-хозяйственным операциям, направленным на получение материальной выгоды. Определения «теневая», «скрытая» иногда уточняются с помощью понятия «незаконная». Таким образом, возникает необходимость четкого разграничения понятий законной и незаконной деятельности.

Подобное разграничение проводится в совокупности норм уголовного права, прямо запрещающих те или иные виды экономической деятельности.

Однако, если вопрос о незаконной, «черной» экономике более или менее ясен, то какие именно незаконные финансово-хозяйственные операции стоит выделять из легальной экономики в качестве теневой, необходимо определить более четко. Очевидно, возникает задача переоценки или перегруппировки существующего законодательства и выделения в экономике наиболее негативных и связанных между собой явлений, которые могли бы иметь самостоятельное название «теневая экономика», с одной стороны, и соответствовать этимологическому значению понятия «теневая экономика», с другой. Необходимость этого возникает еще и потому, что при действующем законодательстве, да и на практике в принципе трудно представить себе полностью легальную, то есть соблюдающую все имеющиеся нормативные акты экономику [1].

На наш взгляд, для выделения в рамках легальной экономики ее теневой составляющей целесообразно использовать критерий контролируемости. Контролируемые процессы, по определению, не являются «теневыми», или «скрытыми», а неконтролируемые, представляя значительную угрозу обществу, требуют для борьбы с ними дополнительных сил и средств.

Для контроля за соблюдением субъектами экономической деятельности существующих норм права в государстве создаются контролирующие органы. Ими выявляются и пресекаются нарушения норм валютного, таможенного, налогового законодательства, правил торговли, пожарной безопасности, санитарных норм и т.п. Вместе с тем названные органы могут проводить только проверки и исполняют свои функции лишь в той мере, в какой им это позволяет делать открытость

проверяемых субъектов. Наоборот, стоит субъектам экономической деятельности нарушить нормы права, предусматривающие определенную степень открытости, как их деятельность, оставаясь вообще легальной, становится уже для данных учреждений недостижимой, неконтролируемой. В таком случае в дело должны вмешаться правоохранительные органы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова А.Н. Снижение инвестиционных рисков с позиции институциональной экономики: в сб. Экономическая теория на пороге XXI века. – В 2-х книгах / Под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой. – М.: Юристъ, 2002. – С. 469-473.
2. Гайгер Л.Т. Макроэкономическая теория и переходная экономика: [Учебник]: Пер. с англ. / Линвуд Т. Гайгер; Общ. ред. и предисл. В. А. Исаева. - М.: ИНФРА-М, 1996. – С.199-200.
3. Головачев В. Российский легальный бизнес наполовину в тени / В. Головачев // Экономика и жизнь. – 2002. – № 24. – С. 30.
4. Клямкин И.М. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование / И.М. Клямкин, Л.М. Тимофеев. – М.: РГГУ, 2000. – С. 92-99.
5. Buchanan J.M. Rent Seeking and Profit Seeking // Towarda Theory of the Rent-Seeking Society / Ed. J.M. Buchanan, R.D. Tollison, G. Tullock. Texas: A&M University Press, 1980. P. 3.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭТАПА ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Лемещенко Петр Сергеевич

доктор экономических наук, профессор,
Белорусский государственный университет
зав. кафедрой мировой политэкономии
г. Минск, Республика Беларусь.
E-mail: liamp@bsu.by

Аннотация: Автор «цифровую экономику» раскрывает через воспроизводственно-эволюционный и индуктивно-описательный подходы с соответствующими выводами и рекомендациями. Это позволило автору «цифровую экономику» зафиксировать как определенный этап в эволюции «новой экономики», а не как некое самодовлеющее явление. Отдельные нетрадиционные для литературы свойства получает «экономика цифры» в ракурсе специальных институциональных категорий «отношенческий контракт», «транзакционные издержки», «доверие», «оппортунизм».

Ключевые слова: цифровая экономика, новая экономика, институты, транзакционные издержки, асимметричность информации.

JEL: A10; B40; B41; E11

INSTITUTIONAL ASPECTS OF THE DIGITALIZATION PHASE POLITICAL ECONOMIC AND SOCIAL DEVELOPMENT

P. S. Lemeshenko
Belarusian state University
Republic of Belarus, Minsk

Abstract: The author of «digital economy» reveals through reproduction-evolutionary and inductive-descriptive approaches with relevant conclusions and recommendations. This allowed the author to fix the «digital economy» as a certain stage in the evolution of the «new economy». Certain non-traditional properties for literature are obtained by the «economy of the figure» in the perspective of special institutional categories «relational contract», «transaction costs», «trust», «opportunism».

Keywords: digital economy, new economy, institutions, transaction costs, information asymmetry.

Всякое новое явление, с которым сталкивается человечество, будоражит умы и требует объяснений. Причем, пока одни пытаются выяснить и объяснить что-то в возникающем феномене этого нового, доводя его противоречивое понимание до общественного сознания, то другие уже извлекают из него выгоду, которую иногда называют «рентой первопроходца». Элементы реального при этом смешиваются с естественными для познания заблуждениями, а мифы переплетаются с лукавством, а иногда и с сознательным искажением оценок действительности и прогноза будущего. Так было во времена открытия парового двигателя, других научно-технических открытий и возникновения на основе этого новых социально-экономических явлений, скажем, монополий. Создание в реальной хозяйственной среде предпосылок для выделения в качестве самостоятельного экономического ресурса знания и информации, компьютерных технологий с соответствующим программным обеспечением, конечно, повлияло и на изменения в отношениях человеческого общения современного социума, трансформируя и отношения всего воспроизводственного процесса. Пожалуй, содержание этих изменений является основным камнем преткновения при ответе на вопрос, а что такое «цифровая экономика» и как она уже повлияла и повлияет в будущем на социально-экономическую

трансформацию и политический процесс, общественное благосостояние и его распределение, мораль и нравственность, культуру и, в конечном счете, на границы развития страны и стран, союзов.

При кажущемся многообразии аналитических подходов к этой многоаспектной проблеме «цифровизации», можно выделить, по сути, два принципиальных методологических направления, от которых зависят и результаты того, как мы оценим фактор массового влияния «цифры» на экономику в частности и общество в целом. В первом случае можно оценивать весь воспроизводственный процесс чрез призму «цифровой экономики», предполагая, что эта сфера поглотила и принципиально видоизменила все то, что ранее составляло экономическую систему. Пожалуй, такая точка зрения доминирует, если судить по литературе. Особое давление здесь заметно со стороны IT - бизнеса и всех сопутствующих звеньев. Причины здесь явно очевидные – чисто коммерческие, рассчитанные на короткий период. Второй подход, его можно назвать воспроизводственно-эволюционный, который рассматривает все новые компьютерно-информационные технологии и другие явления «цифры» как закономерный этап научно-технического развития. Представляется, выводы и рекомендации даже в рамках этого общего подхода следуют более взвешенными и обоснованными. Особенно если принимать во внимание традиционные сферы и отрасли, которые не исчезают бесследно, а еще и являются материальной предпосылкой внедрения цифровых технологий, финансовым источником для так называемых IT – компаний, платформ, агрегаторов и пр.

Таким образом, правильнее говорить о современной «новой экономике», которая характеризуется специфическим и активным этапом влияния на ее развитие информационно-цифровых технологий и изменяющихся под этим влиянием производственно-экономических процессов, отношений. Так называемую «цифровую экономику» невозможно отделить от осмысления роли и значения в развитии человека и экономики сведений, знаний, теории и, в конечном счете, информации. Ведь технология «цифры» достаточно проста, но она невозможна без вмененного в какую-то логическую матрицу того или иного явления. Становление теории информации в экономике относят к началу 60-х годов XX века. Но, ещё в XVIII-XIX вв. представители классической политической экономии (А. Смит, Д. Рикардо) в рамках модели «экономического человека» наряду с достижением собственного эгоистического интереса отводили особую роль информированности субъектов. А. Маршалл не рассматривал информацию в качестве отдельного ресурса, однако умение организовать производство и повысить производительность с помощью информации уже в этот период стали важной составляющей экономической деятельности. В первой половине XX века Ф. Найт определил информацию как величину, обратно пропорциональную неопределённости экономической среды. Далее, А. Харт первым в экономической науке доказал, что производственный цикл невозможен без постоянного притока новой информации. Далее в рамках теории транзакционных издержек ключевым новшеством является допущение существования информационных издержек. Так, Р. Коуз связывал транзакционные издержки с поиском необходимой для заключения сделки информации. Р. Коуз указывал, что «для осуществления рыночной транзакции необходимо выявить, с кем желательно заключение сделки; распространить информацию о том, что некто желает вступить в сделку и на каких условиях; провести переговоры, ведущие к заключению сделки; провести расследование, чтобы убедиться, что условия контракта соблюдаются». У представителя «старого» институционализма Дж. К. Гэлбрейта первичный институт рассмотрения – институт информации. В исследовании теории техноструктуры он начинает свой анализ с вопросов информации и её распределения среди участников обмена: на современном рынке никто не обладает полнотой информации, знания носят частичный и специализированный характер.

В 60-х годах XX века Дж. Стиглер показал, что определяющую роль в оценке эффективности рынка играет количество информации, доступной агентам рынка. Уже К. Эрроу в своей работе «Информация и экономическое поведение» рассматривает информацию как товар и определяет информацию как понятие прямо противоположное термину «неопределённость». Информация –

экономическая категория, товар, имеющий стоимость. Чем лучше информирован производитель или потребитель, тем выше его благосостояние. Также неравный доступ к информации может привести к возникновению монополий и обогащению одних за счет других из-за получения конфиденциальной информации. Проблему асимметричности информации на примере рынка подержанных автомобилей рассмотрел другой лауреат Нобелевской премии 2001 года Дж. Акерлоф. При отсутствии информации у покупателей некачественные дешевые товары вытесняют из ассортимента дорогие качественные товары. Дж. Стиглиц также концентрируется на информационных асимметриях, т.е. на том обстоятельстве, что разные люди знают разные вещи, наемные работники знают больше о своей профессиональной пригодности, чем это знает фирма и т.д. Он отмечает, что если более ранние работы в области информационной экономики были направлены на то, как рынки преодолевают информационные асимметрии, то более поздние перешли к проблеме создания рынками информационных проблем, отчасти как попыток использовать свою рыночную силу. Также среди западных ученых, занимающихся данной проблематикой, можно выделить К. Эрроу, М. Спенса, Т. Стоуньера и др. Конечно, нельзя не вспомнить и Н. Негропonte, которому отдают пальму первенства в формулировке термина и содержания «цифровая экономика», как утверждают некоторые исследователи.

Отечественные ученые (и российские, и белорусские) также немало внесли в развитие теории информации и практической адаптации ее выводов в практику. Но с большим сожалением отметим, что институциональные рамки, как экономической науки в целом, так и особенно теории информации, теории экономической информации как ее особой части, все-таки задают ученые так называемых развитых стран. Для этой научно-информационной сферы деятельности, подчеркнем, этот факт имеет чрезвычайно важное значение, как для политико-экономических решений, для социального и технологического влияния, так и обычных коммерческих мероприятий с их утилитарными целями. Ведь нам задают так называемое технологическое отставание, а использование «не своих» компьютерных технологий, участие в международных информационных сетях по уже установленным правилам очень строго регламентирует, хотя и не в явном виде отношения принципала-агента со всеми вытекающими отсюда последствиями.

«Цифровой фетишизм» усилил доверие, хотя с нашей точки зрения безосновательно, к фирмам, которые относятся к этому сектору. Естественно, это привело к росту капиталовложений в эту сферу, к росту капитализации активов «информационно-цифровых» фирм. Это, в конечном счете, должно положительно повлиять на экономическую динамику в целом. Вырастут ли от внедрения информационно-цифровых технологий традиционные отрасли, смогут ли принципиально повлиять на содержание и качество труда, расширится ли рынок труда? Не будем пессимистами, но вопросы пока не имеют аргументированных ответов и строгих прогнозов. Иначе говоря, состояние неопределенности – это основная черта современной экономики, обусловленной активным внедрением информационно-цифровых технологий.

Но помимо неопределенности, современная стадия эволюции цифровой экономики характеризуется «размытостью» и неполнотой информации. Из-за этого действия одной стороны не могут быть проконтролированы другими сторонами. Инновационный процесс в условиях неопределенности, асимметрии информации и неполной рациональности возможен лишь благодаря заключению неполных, т.е. отношенческих контрактов. Последние требуют дополнительных затрат, т.е. трансакционных издержек на сопровождение контрактов по их исполнению. И здесь скрывается одна из серьезных «институциональных ловушек». По сути, новые технологии явно и неявно, но генерировались для того, чтобы снизить трансакционные издержки фирм и общества. А в результате получаем их рост на фирмах, но уже по другим условиям. К тому же новые цифровые технологии дали возможность переложить многие трансакционные издержки с производителей на потребителей и государство. Иначе говоря, капитал умело через новые технологии приватизирует доходы, расширяя их область источников, а издержки национализируются или персонализируются. Но именно взаимное

доверие и авторитет на основе знаний и компетенций, а также ожидания высокой синергии и отдачи от совместной деятельности являются ключевыми для полноценных контрактов, которые бы обеспечивали результативность и комплексность инновационного развития.

Парадокс еще и в том, что этот этап формирует новые или другие по сравнению с так называемыми «капиталистическими», «частными» формами собственности. Расширяется область товаров и услуг общественного и совместного потребления. Рыночные отношения приобретают превращенный характер, что по-новому ставит многие проблемы для общественного регулирования. С учетом специфики технологического базиса цифровой экономики и всех последствий, специфики ее экономических отношений, наиболее эффективной формой институционального устройства является гибридное институциональное устройство. Но и наука, и практика здесь накопила слишком мало опыта. Возникают условия для роста оппортунистического поведения. В период формирования институционального каркаса цифровой экономики важно попытаться избежать возникновения институциональных ловушек, тех неэффективных институтов, которые приводят к неблагоприятным экономическим и социальным последствиям.

Таким образом, подход к пониманию «цифровой экономики» как особого этапа эволюции «новой экономики», позволяет не вдаваться в эйфорию или, как говорят, получать хайп, а видеть реальные процессы, которые характерны для всего противоречиво развивающегося воспроизводственного процесса на новой информационно-цифровой волне.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ КЛАСТЕРОВ КАК МЕХАНИЗМА ПРОДВИЖЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Чуб Анна Александровна

доктор экономимических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
кафедра «Управление персоналом и психология»,
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: AACHub@fa.ru

Аннотация: В рамках представленного исследования тестировался исследовательский вопрос об эффективности кластеров в качестве механизма активизации процессов индустриализации в субъектах Федерации. Проверке подверглись две гипотезы. Гипотеза 1, состоявшая в предположении, что темпы роста инвестиций в основной капитал в субъектах, на территории которых дислоцированы кластеры, выше темпов роста указанного показателя в регионах без кластерных образований, тестировалась методом дисперсионного анализа. Полученные результаты теста ANOVA не позволили подтвердить данное утверждение. В рамках гипотезы 2 было сделано предположение, что участие в кластерном образовании повышает «выживаемость» организаций в условиях нестабильной деловой среды, характерной для региональных экономик. Проведенный анализ Каплана-Майера по критерию «возраст предприятия» показал, что при работе организации в кластере, вероятность прекращения ее деятельности на 20% ниже, чем в случае функционирования вне его.

Ключевые слова: кластеры, региональная экономика, инвестиции, дисперсионный анализ, анализ Каплана-Майера.

JEL: O33; O43

CLUSTERS' EFFECTIVENESS IN PROMOTING INDUSTRIAL PROJECTS AT THE RUSSIAN REGION ECONOMY

A.A. Chub
Doctor of Economics, Docent
Professor of the Department of personnel Management and psychology,
Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract: The framework of the presented study, the research question on the effectiveness of clusters as a tool for activating the processes of industrialization in the subjects of the Federation was tested. Two hypotheses were tested. Hypothesis 1, which consisted in the assumption that the growth rate of investment in fixed capital in the regions, on whose territory the deployed clusters, higher growth of this indicator in the regions without cluster formations, were tested by variance analysis. The results of the ANOVA test, in our opinion, did not allow to confirm this assumption. Hypothesis 2 suggests that participation in cluster education increases the «survival» of organizations in an unstable business environment typical of developing economies. The Kaplan-Mayer analysis on the criterion of «age of the enterprise» showed that when an organization works in a cluster, the probability of termination of its activities is 20% lower than in the case of functioning outside it.

Keywords: clusters, regional economy, investments, analysis of variance, Kaplan-Mayer analysis.

Исследования отечественных и зарубежных специалистов в области развития территорий показывают, что кластеры являются одним из наиболее эффективных инструментов развития процессов индустриализации в регионах за счет повышения их конкурентоспособности [1], диффузии инноваций Т. Хегерстранда [2], а также формирования синергетических эффектов [3,4], в том числе, за счет экономии трансакционных издержек [5], возникающих при получении информации, спецификации прав собственности, снижении издержек обмена и др.).

Наиболее часто для организации кластеров используется модель «Жемчужины» (рис 1). Данная модель считается высоко эффективной, так как позволяет:

1. обеспечить формирование кластера «снизу – вверх», то есть реализовать инициативу представителей бизнес-сообщества по созданию кластерного образования;

2. помимо проектирования кластера обозначать функциональные роли его участников в одной из частей модели:

- ядре (core) кластера являются ключевые фирмы, отличительной особенностью которых являются узкая специализация, географическая близость друг к другу, наличие взаимодействия, налаженные связи на внешних рынках;

- поддерживающих фирмах (Support), к числу которых относятся поставщики сырья, торговые предприятия, провайдеры услуг, фирмы технического обслуживания;

- мягкой инфраструктуре (Soft infrastructure), которая насетевых связях с центрами профессионального обучения и научно-исследовательскими и прикладными институтами, а также центрами поддержки предпринимательства и развития промышленного дизайна, профессиональными организациями и поддерживается на уровне местных и региональных властей.

- твердой инфраструктуре (Physical infrastructure), которую составляет территория потенциального кластера, где расположены ключевые компании кластера, с находящимися на ней производственными помещениями, коммунальной, инженерной и транспортной инфраструктурой. Технологические и промышленные парки, центры технологий также представляют собой твердую инфраструктуру.

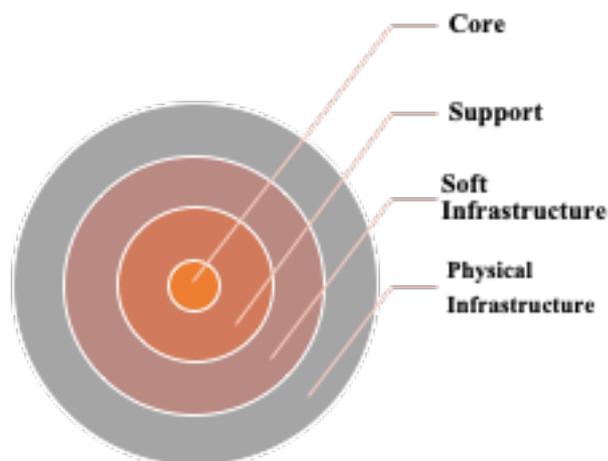

Рисунок 1 – Модель жемчужины. Источник: составлено автором по Проект: развитие кластеров и интернационализация предприятий приграничных регионов России и Эстонии [6]

Согласно стратегическим документам социально-экономического развития РФ в качестве перспективного инструмента развития региональных экономик продекларирован кластерный подход. По данным исследователей высшей школы экономики состоянию на июнь 2018 года в России насчитывалось 118 кластеров, дислоцированных на территории 48 субъектов РФ. Кластеры имеют различную специализацию: пилотные инновационные территориальные кластеры, промышленные кластеры, кластеры, поддерживаемые центром кластерного развития. При этом не смотря на тот факт,

что значительное количество данных образований были сформированы в период с 2010 по 2014 год, в настоящее время большинство из них находятся на начальной стадии развития (табл. 1).

В рамках настоящего исследования был сформулирован следующий исследовательский вопрос: достаточно ли эффективны кластеры в экономике России, чтобы выступить инструментом активизации процессов индустриализации в субъектах Федерации. Территориальная специфика (масштаб государства), а также высокий уровень ресурсной, экономической, экологической и так далее неоднородности пространства Российской Федерации потребовали проводить оценку эффекта от функционирования кластеров по двум направлениям: на мезо- и микроуровнях. В рамках первого направления планировалось установить, оказывают ли кластеры положительное воздействие на экономику регионов дислокации, в рамках второго – имеется ли позитивный эффект для предприятий-участников данных образований.

Таблица 1 – Уровень организации кластеров РФ [составлено автором по ист. 7]

Федеральный округ	Итого	Высокий уровень	Средний уровень	Начальный уровень
Центральный ФО	32	1	3	28
Северо-Западный ФО	25	1	5	19
Приволжский ФО	24	5	7	12
Сибирский ФО	16	1	1	14
Южный ФО	12	0	0	12
Уральский ФО	6	0	0	6
Дальневосточный ФО	3	0	0	3
Северо-Кавказский ФО	0	0	0	0
Всего	118	8	16	94

Исходя из поставленного исследовательского вопроса были сформулированы следующие гипотезы исследования.

Гипотеза 1: Темпы роста инвестиций в основной капитал в субъектах, на территории которых дислоцированы кластеры, выше темпов роста указанного показателя в регионах без кластерных образований.

Гипотеза 2: Участие в кластерном образовании повышает «выживаемость» организаций в условиях нестабильной деловой среды, характерной для развивающихся экономик.

Для проверки первой гипотезы была использована информация российской кластерной обсерватории, основная масса которых была организована в период с 2010 по 2015 годы (табл. 2)

Таблица 2 – Динамика формирования кластеров в России [рассчитано автором по ист.7]

Год создания	1999	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Кол-во кластеров	1	1	4	7	4	21	12	27	25	10	4	2

В качестве метода исследования была использована модель однофакторного дисперсионного анализа (analysis of variances), позволяющая исследовать влияние одной независимой переменной (наличие кластера в регионе) на одну зависимую переменную (уровень инвестиционной привлекательности территории). В качестве показателя, отражающего зависимую переменную, был взят индекс физического объема инвестиций в основной капитал, на том основании, что в международной практике он достаточно часто используется в целях оценки инвестиционной привлекательности [8,9], а также ввиду того, что согласно методологии расчета, он «очищен» от инфляции.

Для тестирования второй гипотезы был избран метод Каплана-Майера, используемый в медицине для оценки дожития пациентов [10], однако в последние годы нашедший применение в экономических исследованиях. В рамках настоящего исследования данный метод был признан перспективным для оценки «выживаемости» предприятий в кластере и вне его.

При общем количестве 118 кластеров, объем репрезентативной выборки с вероятностью ошибки 5% составил 90 кластеров. Фактическая выборка была сформирована в программе SPSS путем применения функции «Отбор наблюдений путем формирования случайной выборки». Далее были установлены предприятия, входящие в отобранные кластеры общим числом 2979 участников и из базы СПАРК, были отобраны предприятия, по параметрам (вид деятельности, численность персонала) полностью идентичные организациям, входящим в кластер. Таким образом, общее количество анализируемых предприятий в двух выборках составило 5958. Оценке подвергался такой параметр деятельности предприятий как «действующее» или «ликвидированное».

Тестирование обеих гипотез проводилось в программном приложении IBM SPSS Statistics.

Тестирование первой гипотезы.

Ввиду того, что наибольшее количество кластеров (62 %) было создано в 2012, 2014 и 2015 годах (таблица 1), а согласно ряду проведенных исследований, мультипликативный эффект от функционирования кластера на определенной территории, состоящий в увеличении объема инвестиций и роста ВРП, начинает проявляться уже через 2-3 года [11], в качестве контрольных точек для проведения дисперсионного анализа были взяты значения индекса физического объема инвестиций в основной капитал в 2012 и 2015 годах.

Дисперсионный анализ влияния кластеров, по состоянию на 2012 год размещенных в 24 регионах России, на уровень инвестиционной активности данных территорий в сравнении с территориями без кластерных образований, дал следующие результаты. Среднее значение индекса физического объема инвестиций в основной капитал по территориям с кластерами составило 108,88, без них – 105,69, то есть регионы с кластерами были более привлекательны для инвесторов. Однако, по результатам теста ANOVA полученная разница была признана не значимой - значимость (p) составила 0,501. Анализ влияния тех же кластеров, размещенных в 24 регионах на уровень инвестиционной активности в 2015 и 2017 году дал аналогичные результаты – разница между объемом инвестиций в обе группы регионов была признана незначительной. На этом основании был сделан вывод о том, что 38 кластеров, размещенных на территории 24 регионов России в период с 1999 по 2012 год, не оказывали существенного влияния на уровень инвестиционной привлекательности территорий дислокации.

Тестирование второй гипотезы

Проведенный анализ Каплана-Майера по критерию «возраст предприятия» показал, что при работе организации в кластере, вероятность прекращения ее деятельности на 20% ниже, чем в случае функционирования вне его. Полученные результаты приведены в таблице 3.

Таблица 3 – Сводный отчет по наблюдениям анализа Каплана-Майера [рассчитано автором на основе первичных данных информационной базы СПАРК]

Кластер	Всего	N событий	Редактировано	
			N	Проценты
не входит в кластер	2979	682	2297	77,1%
входит в кластер	2979	84	2895	97,2%
Все	5958	766	5192	87,1%

Результаты расчетов, представленные в таблице, позволяют видеть, что при одинаковом объеме выборок в 2979 предприятий, в случае работы вне кластера закрылись 682 организации, в то время

как среди предприятий-участников кластерных образований данное число составило всего 84.

Таким образом, вторая гипотеза о более высокой «выживаемости» организаций, являющихся участниками кластеров, в условиях нестабильной деловой среды, характерной для развивающихся экономик нашла свое подтверждение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Porter M.E. (1990). *The Competitive Advantage of Nations*. New York: The Free Press. 857 p.
2. Hagerstrand T. *Innovation diffusion as a spatial process*. – Chicago: University of Chicago Press, 1968.
3. Колосовский Н. Н. Теория экономического районирования / Н.Н. Колосовский. – М.: Мысль, 1997. – 336 с.
4. Kutergina G.V., Ivanova O.G. Oil and gas complexes and clusters: identification and monitoring // Perm University Herald_Economy_ 2(25), 2015 – URL: http://econom.psu.ru/upload/iblock/7b6/kutergina-g.v._ivanova-o.g.-oil-and-gas-complexes-and-clusters.pdf (accessed 25.06.2019)
5. Coase R. H. The nature of the firm / R. H. Coase // *Economica*, New Series. – Vol. 4, No. 16 (Nov., 1937). – pp. 386-405
6. Кохтла-Ярве. [Electronic source] Urrl: <http://rus.kohtla-jarve.ee/uploads/documents/valissuhted/projektid/2/cd/ru/guide.pdf> (accessed 25.06.2019).
7. Карта кластеров России [Электронный ресурс] URL:// <http://clusters.monocore.ru/list> (Дата обращения: 22.12.2019).
8. Ohotina, A., Lavrinenko, O., Gladevich, J., Lazdans, D. The investment climate in Latvia's, Lithuania's and Belarus's cross-border regions: The subjective-objective assessment // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. – 2018. – 6(2). – P. 767-780.
9. Ouattara, B., Zhang, Y.-F. Infrastructure and long-run economic growth: evidence from Chinese provinces // *Empirical Economics*. 2018 – 57(1). – P. 263-284.
10. Mohammadbeigi, A., Kazemitabae, M., Etemadifar, M. Risk factors of early onset of MS in women in reproductive age period: survival analysis approach // *Archives of Women's Mental Health* – 2016. – 19(4). – P. 681-686.
11. Калинина А.Э. Методические подходы к оценке эффективности реализации кластерной политики в регионах РФ / А.Э. Калинина, Е.А. Петрова, М.С. Лапина, А.С. Рвачева // *Региональная экономика и управление*. – 2019. – №2 (58). – URL: <https://eee-region.ru/article/> (Дата обращения 25.06.2019)

ПРИОРИТЕТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РОССИИ

Шевченко Светлана Алексеевна

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет»
кафедра «Экономика и управление»
г. Волгоград, Российская Федерация.
E-mail: svetashv@mail.ru

Аннотация: Актуальность темы исследования обусловлена тем, что экономика на современном этапе развития общества претерпевает существенные изменения, связанные с процессами новой индустриализации. В связи с этим меняются и требования к осуществлению промышленной политики в регионе. Целью данного исследования является выявление приоритетов региональной промышленной политики. В рамках исследования уточнены характерные черты новой индустриализации России; определена сущность региональной промышленной политики и выделены её приоритеты в условиях новой индустриализации.

Ключевые слова: промышленная политика, регион, новая индустриализация, инструменты.

JEL: R58

PRIORITIES OF REGIONAL INDUSTRIAL POLICY IN THE CONDITIONS OF NEW INDUSTRIALIZATION OF RUSSIA

Shevchenko Svetlana Alekseevna
Candidate of Pedagogic Sciences,
Associate Professor of the department of Economics and Management, Volgograd State Technical University
Volgograd, Russian Federation

Abstract: The relevance of the research topic is due to the fact that the economy at the present stage of development of society is undergoing significant changes associated with the processes of new industrialization. In connection with this, the requirements for the implementation of industrial policy in the region are also changing. The purpose of this study is to identify the priorities of regional industrial policy. Within the framework of the study, the characteristic features of the new industrialization of Russia were clarified; the essence of the regional industrial policy is determined and its priorities are highlighted in the context of new industrialization.

Keywords: industrial policy, region, new industrialization, tools.

Вопросы новой индустриализации активно рассматриваются на различных уровнях (государственном, региональном, местном). В 2012 году В.В. Путин определил новую индустриализацию как приоритетную задачу, обеспечивающую движение России по инновационному пути социально-экономического развития [1].

Данная тема является актуальной в научных сообществах и активно обсуждается авторами в многочисленных научных исследованиях. К авторам научных работ относятся – Р. С. Кислов, А. И. Татаркин, А.М. Рыбаков, Г.Б. Коровин, А.С. Козенко, Е.М. Примаков, В.А. Гордеев и А.А. Гордеев и многие другие.

Целью настоящего исследования является выявление приоритетов региональной промышленной политики в условиях новой индустриализации. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- уточнить характерные черты процесса новой индустриализации;
- уточнить сущность региональной промышленной политики;

– выявить приоритеты региональной промышленной политики с учетом целей новой индустриализации.

С целью выделения характерных черт новой индустриализации обратимся к результатам исследований.

Р. С. Кислов определяет новую индустриализацию как систему хозяйствования, которой присуще:

- новые знания с учетом развития информационного общества;
- лидерство наукоемких промышленных предприятий;
- эффективное использование ресурсов на базе собственной инновационно-технологической основе;
- активизация инновационной деятельности наукоемких промышленных предприятий;
- взаимосвязь науки, технологий и экономического роста;
- наукоемкая продукция как результат хозяйственной деятельности промышленных предприятий [2].

А.И. Татаркин рассматривает новую индустриализацию как процесс, включающий в себя:

- кардинальные производственные и технологические изменения;
- создание новых предприятий и новых высокотехнологичных секторов промышленности;
- эффективное инновационное обновление традиционных секторов промышленности;
- изменение роли технологий как определяющего фактора современного производства;
- согласование изменений в технологической области с изменениями в других сферах (социальной, институциональной и управленческой) [3].

А.М. Рыбаков связывает новую индустриализацию с обновлением технологической базы промышленности, в результате чего можно создать новые отрасли промышленности и повысить производительность труда [4].

По мнению Г.Б. Коровина, новая индустриализация позволит перейти к новой экономике, которая характеризуется современной развитой инновационной, технологически высокой индустриальной базой [5]. Автор полагает, что в условиях новой индустриализации эффективными инструментами промышленности станут: микроэлектроника; ресурсосберегающие и информационные технологии; программное обеспечение; робототехника и другие.

А.С. Козенко понимает под новой индустриализацией России – совокупность процессов, которые взаимосвязаны между собой и включены в технологическую стратегию с целью обеспечить конкурентоспособность промышленности России [6].

В.А. Гордеев и А.А. Гордеев рассматривают новую индустриализацию с позиции системно-структурного подхода, выделяя её структурные составляющие: цели, экономическую основу, субъекты, объекты и направления. Обратимся к результатам исследования [7].

Авторы в своем исследовании под индустриализацией понимают совокупность действий соответствующих институтов, прежде всего государства и предпринимателей, по превращению экономики страны из аграрного или аграрно-индустриального типа в индустриально-аграрный или индустриальный. Цель индустриализации – создание крупного машинного производства во всех отраслях народного хозяйства и в первую очередь в промышленности. Экономической основой индустриализации является объективная потребность потенциальных субъектов индустриального процесса в качественном преобразовании производительных сил и производственных отношений. Субъектами индустриализации являются хозяйствующие субъекты, владельцы средств производства.

Что касается объектов и направлений индустриализации, то можно выявить их многообразие. Причем в процессе экономического развития и эволюции сущности и целей самой индустриализации их многообразие возрастает. Среди направлений индустриализации авторы выделяют следующие: повышение нормы прибыли на основе замены ручного труда рабочих машинным, повышение

интенсификации, производительности и общей эффективности общественного труда; повышение благосостояния населения и укрепление обороноспособности страны [7].

Е.М. Примаков к основным чертам новой индустриализации относит:

- диверсификацию структуры экономики, проявляющуюся в повышении в ней доли обрабатывающей промышленности;
- обеспечение промышленности квалифицированными рабочими кадрами;
- взаимосвязь науки и производства;
- системный импорт высоких технологий: а) через приобретение технологических активов за рубежом; б) привлечение прямых инвестиций в российскую промышленность [8].

По мнению С. Д. Бодрунова, новая индустриализация имеет базовые черты:

- рациональный выбор технологий;
- возрастание роли интегрированных экономических субъектов в промышленности;
- отказ от сохранения устаревших технологий;
- поддержка со стороны государства инновационной деятельности экономических субъектов в приоритетных отраслях промышленности;
- закупка наиболее передовых технологий для технологически отсталых секторов;
- стимулирование инвестиций в промышленность;
- повышение роли науки в промышленности [9].

Мы поддерживаем точку зрения Г.Б. Коровина, который для понимания сущности новой индустриализации выделил в ней отдельные составляющие: производство, рынки, технологии, отрасли, социальная сфера [2, с.122]. Автор полагает, что в данных областях должны происходить кардинальные изменения. Но, по нашему мнению, автор не представил такую составляющую, как научная сфера, которая выступает локомотивом в новой индустриализации.

Так, Е. Б. Ленчук подчеркивает, что в решении задач новой индустриализации важна роль науки и трудовых кадров. В связи с широким внедрением цифровых технологий возрастает потребность в специалистах в области информационно-коммуникационных технологий [10].

Таким образом к характерным чертам индустриализации относится наличие структурных составляющих: целей и задач индустриализации, экономической основы (как объективной потребности потенциальных субъектов индустриального процесса в качественном преобразовании производительных сил и производственных отношений), субъектов и объектов индустриализации, направления.

Основываясь на результатах исследований различных авторов, мы сделали вывод, что процессу новой индустриализации присущи также следующие характерные черты, которые можно представить, как изменения в различных областях:

- в производственной области (реструктуризация крупных промышленных объединений; приоритет выпуска наукоемкой продукции; интеграция экономических субъектов в промышленности; использование эффективных инструментов промышленности: микроэлектроника; ресурсосберегающие и информационные технологии; программное обеспечение; робототехника и другие);
- в области технологий (кардинальные производственные и технологические изменения; обновление технологической базы промышленности; изменение роли технологий как определяющего фактора современного производства; отказ от сохранения устаревших технологий);
- в рыночной области (повышение конкурентоспособности внутренних рынков за счет расширения возможностей частной инициативы малого и среднего бизнеса; развитие внутреннего потребительского и промышленного спроса);
- в области отраслей промышленности (лидерство высокотехнологичных отраслей; диверсификация структуры экономики через повышение в ней доли обрабатывающей

промышленности; инновационное обновление традиционных секторов промышленности; поддержка со стороны государства инновационной деятельности экономических субъектов в приоритетных отраслях промышленности);

– в научной области (взаимосвязь науки, технологий и экономического роста на основе знаний с учетом развития информационного общества);

– область трудовых ресурсов (обеспечение промышленности квалифицированными рабочими кадрами в области информационных технологий).

Процессы новой индустриализации осуществляются в регионах России посредством региональной промышленной политики.

С целью уточнения сущности региональной промышленной политики обратимся к результатам научных исследований. Данным вопросом занимались авторы А.Л. Гапоненко, А.П. Панкрухин, Л.Ю. Филобокова, М.М. Вдовиченко, В.А. Гордеев, В.Н. Тренев, О.В. Мяснянкина и другие.

В Концепции модельного закона «О региональной промышленной политике в РФ» промышленная политика определяется как:

– система отношений, возникающей между хозяйствующими субъектами и органами государственной власти всех уровней, органов местного самоуправления;

– совокупность видов экономической деятельности, обособление субъектов промышленной политики и субъектов промышленной деятельности производства [11].

С позиции А.Л. Гапоненко и А.П. Панкрухина, региональная промышленная политика – комплекс мероприятий (экономических, политических и организационных), которые проводятся во внутренней и внешней среде региона с целью повышения эффективности факторов производства [12]. Очевидно, что авторы связывают региональную промышленную политику с такими факторами производства как оборудование, технологии, трудовые ресурсы с эффективностью их использования. А также акцентируют внимание на значимости факторов внешней среды региона.

Л.Ю. Филобокова и М.М. Вдовиченко обращают внимание при осуществлении региональной промышленной политики на наращивании доли приоритетных отраслей в отраслевой структуре, развитие промышленного потенциала на основе инновационной деятельности.

В Концепции модельного закона «О региональной промышленной политике в РФ» выделены следующие приоритеты промышленной политики:

– инновационное развитие;

– использования новейших достижений науки и техники;

– обеспечение выпуска высококачественной продукции;

– эффективность мер государственной поддержки субъектов промышленной деятельности;

– участие представителей субъектов промышленной деятельности в реализации промышленной политики;

– поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства в промышленности [13].

Вместе с тем, авторы уточняют условия эффективности промышленной политики региона, среди которых выделяют:

– уровень экономического развития региона, который определяется составляющими экономического потенциала (основные фонды, инфраструктура, кадровый потенциал, научно-технический потенциал и др.);

– учет отраслевой специализации промышленного комплекса региона по видам экономической деятельности;

– учет рыночной специализации промышленного комплекса региона (ориентация на внешние рынки; внутренний экспорт; внутрирегиональный рынок).

С позиции В.А. Гордеева и других авторов, важное значение в управлении регионом приобретает его специализация. Авторы трактуют специализацию региона как преимущественное развитие

производства тех или иных видов продукции или выполнение определенных функций с учетом наиболее эффективного использования благоприятных экономических условий данного района в целях получения абсолютных и сравнительных преимуществ [14].

В.Н. Тренев и О.В. Мяснянкина полагают, что приоритетными целями региональной промышленной политики являются:

- поддержка промышленного роста предприятий региона;
- эффективное использование имеющихся возможностей и скрытых резервов региона;
- согласование интересов органов государственной власти и предприятий через формирование системы отношений власти и бизнеса;
- обеспечение в регионе условий для экономического роста [15], [16].

На основе анализа экономической литературы мы выделили группы задач региональной промышленной политики: стратегические, организационные, производственные, социальные и финансовые задачи [17]:

К группе стратегических задач региональной промышленной политики относятся следующие задачи:

- создание конкурентоспособного регионального промышленного комплекса, способного в условиях рыночных отношений адекватно отвечать требованиям внутреннего и внешнего рынка;
- выявление приоритетных отраслей и направлений развития промышленности в регионе и обеспечение их ускоренного развития;
- обеспечение выпуска высококачественной импортозамещающей и наукоемкой экспортной продукции и других.

Организационные задачи региональной промышленной политики:

- стимулирование и поддержка различных отраслей промышленности;
- создание стабильной среды функционирования и развития бизнеса;
- диверсификация и кооперация отдельных предприятий и региональных промышленных комплексов.

Производственные задачи региональной промышленной политики:

- рациональное размещение производительных сил;
- внедрение новых технологий, оборудования, информационных систем;
- обеспечение безопасных условий труда и экологической безопасности промышленной деятельности;
- эффективное использование природных, финансовых и трудовых ресурсов.

Социальные задачи региональной промышленной политики:

- обеспечение занятости и социальной защищенности работников промышленности.

Финансовые задачи региональной промышленной политики:

- увеличение регионального валового продукта;
- стабильные поступления налоговых платежей в бюджеты различных уровней;
- активизация инвестиционной деятельности предприятий.

Ряд научных исследований посвящены региональным аспектам новой индустриализации. Среди авторов научных работ Г.Б. Коровина, А.И. Татаркин, Л.С. Бляхман, Я. П. Силин, Е. Г. Анимидца, Н. В. Новикова, О.А. Романова, Н.Ю. Бухвалов и другие.

А.И. Татаркин в процессе осуществления новой индустриализации признает важную роль регионов. Но при этом выделяет следующие условия:

- распределение полномочий и ответственности между федеральным центром, и субъектами Федерации с расположенными на их территориях промышленными предприятиями с целью исключения дублирования, согласования действий, выбора и использования наиболее эффективных для каждого уровня и условий функционирования механизмов регулирования и институтов;

– создание благоприятных (налоговые, кредитные, организационные, научно-образовательные, политические и др.) условий для системной реализации приоритетных направлений новой индустриализации в регионе;

– наличие программно-проектный план новой индустриализации как основы для разработки региональных планов с учетом особенностей регион [3, с. 23].

Р. Н. Берлизев полагает, что новая индустриализация обусловила новые требования к региональной промышленной политике. При этом автор в своем исследовании акцентирует внимание на средствах осуществления региональной промышленной политики в целях осуществления новой индустриализации:

– формирование территориальных зон индустриального роста, которые позволят нарастить ресурсный потенциал региона и усилить его конкурентные преимущества на рынках;

– реализация потенциала государственно-частного партнерства;

– наращивание интеллектуального капитала внутри региона через взаимодействие науки и образования;

– преодоление технологического отставания, развитие новой технологической базы промышленности;

– осуществление механизма защиты интеллектуального капитала в условиях информационного общества [18].

С позиции Р. Н. Берлизева к требованиям при проведении региональной промышленной политики можно отнести:

– стратегические соглашения между основными субъектами промышленной политики на контрактной основе;

– концентрация инструментальных возможностей на поддержке приоритетных функциональных и структурных изменений политики;

– инструментальная поддержка формирования индустриальных районов для обеспечения дальнейших функциональных и структурных преобразований в системе региональной промышленной политики;

– институциональное упорядочивание и закрепление результатов региональной промышленной политики с помощью норм, стандартов, контрактов и статусов ее участников.

Среди эффективных инструментов региональной промышленной политики в условиях новой индустриализации выделяются:

– государственно-частного партнерство для поддержки формирования индустриальных районов;

– создание территориального центра маркетинга перспективных достижений для создания инвестиционной привлекательности проектов формирования индустриальных районов;

– разработка регионального проекта генерации интеллектуального капитала, сформированного на основе обобщения опыта реализации национальных проектов и с учетом специфики региона.

О.А. Романова и Н.Ю. Бухвалов акцентируют внимание на технологическом обновлении базовых отраслей материального производства, необходимости их качественного преобразования, что будет способствовать изменению структуры производства, которая ориентирована на приоритет развития человеческого потенциала.

Авторы предлагают следующие подходы к механизму реализации промышленной политики региона: осуществление различных промышленных проектов; создание кластеров с целью усиления инновационной направленности в развитии промышленности региона; осуществление частно-государственного партнерства (ЧГП) с целью перераспределения финансовых потоков в пользу конкретных территорий и целесообразностью расширения круга лиц и организаций, заинтересованных в реализации промышленной политики; создание экономических зон как

катализатора инновационного роста промышленного потенциала региона; создание технологических платформ как инструмента преодоления разрыва между наукой и бизнесом на основе четкой ориентации научных разработок на нужды промышленности [19].

М. Ю. Погудаева и М.А. Оркуша полагают, что кластеры обеспечивают конкурентоспособность региона. Объединение экономических субъектов в кластеры создает дополнительные преимущества: упрощение доступа к новым технологиям, распределение рисков в различных формах совместной экономической деятельности; организация совместной инновационной деятельности; снижение транзакционных издержек в различных областях за счет увеличения доверия между участниками кластера и другие [20].

Таким образом, результаты исследования позволили нам уточнить основные приоритеты региональной промышленной политики для осуществления новой индустриализации:

- поддержка формирования индустриальных районов для обеспечения дальнейших функциональных и структурных преобразований в системе региональной промышленной политики;
- разработка норм, стандартов, контрактов и статусов участников региональной промышленной политики с целью институционального упорядочивания, и закрепления результатов региональной промышленной политики;
- развитие новой технологической базы промышленности с целью преодоления технологического отставания;
- осуществление механизма защиты интеллектуального капитала в условиях информационного общества;
- формирование территориальных зон индустриального роста с целью наращивания промышленного потенциал региона и усиления его конкурентных преимуществ на рынке;
- создание территориального центра маркетинга перспективных достижений для создания инвестиционной привлекательности проектов формирования индустриальных районов;
- использование преимуществ государственно-частного партнерства для поддержки формирования индустриальных районов и перераспределения финансовых потоков в пользу конкретных территорий;
- осуществление процессов кластеризации в регионах с целью получения дополнительных конкурентных преимуществ (упрощение доступа к новым технологиям, распределение рисков в различных формах совместной экономической деятельности; организация совместной инновационной деятельности; снижение транзакционных издержек и другие).

С нашей точки зрения, для решения вышеизложенных задач необходимы следующие условия:

- учет достигнутого уровня экономического потенциала региона;
- учет рыночной и отраслевой специализации промышленного комплекса региона;
- наличие стратегических соглашений между основными субъектами промышленной политики на контрактной основе;
- согласование действий и распределение полномочий и ответственности между федеральным центром и руководством региона;
- создание благоприятных условий (налоговых, кредитных, организационных, научно-образовательных, политических и др.) для системной реализации приоритетных направлений новой индустриализации в регионе;
- обоснованность планов экономического развития регионов содержанием программных планов новой индустриализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 596

«О долгосрочной государственной экономической политике», - 2012. – 9 мая.

2. Кислов Р. С. Инновационная состоятельность как основа конкурентоспособности наукоемких промышленных предприятий в условиях новой индустриализации / Р.С. Кислов // Журнал экономической теории, 2016. – № 1. – С.142-145.
3. Татаркин А.И. Новая индустриализация экономики России: потребность развития и/или вызовы времени / А.И. Татаркин // Экономическое возрождение России, 2015. – № 2(44). – С. 20-31.
4. Рыбаков Ф.Ф. Промышленная политика России: история и современность / Ф.Ф. Рыбаков. – СПб.: Наука, 2011– 189 с.
5. Коровин Г.Б. Ресурсные и технологические возможности проведения ее осуществления / Г.В. Коровин // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2012. – Т. 8. – № 12-13. – С. 121-125.
6. Козенко А. С. Проблемы модернизации и перехода к инновационной экономике / А.С. Козенко // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 4 (48). – С.60-63.
7. Гордеев В.А. Индустриализация в СССР: актуальные и неактуальные для РФ аспекты: Монография / В.А. Гордеев, А.А. Гордеев. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2014. – 231 с.
8. Примаков Е. М. Реиндустриализация или постиндустриализация? / Е.М. примаков // Прямые инвестиции. – 2012. – №3(119).
9. Бодрунов С.Д. Формирование стратегии реиндустриализации России: Монография / С.Д. Бодрунов. – СПб.: Институт нового индустриального развития (ИНИР), 2013. – 680 с.
10. Ленчук Е. Б. Роль науки в решении задач новой индустриализации / Е.Б. Ленчук // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 1(55). – С.16-18.
11. Татаркин А. И. Концепция проекта Федерального Закона «О региональной промышленной политике в РФ» / А. И. Татаркин, О. А. Романова, Р. И. Чененова // Бизнес, менеджмент, право, 2010. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: URL:http://www.bmpravo.ru/show_stat.php?stat=710 (Дата обращения 21.12.2019 г.)
12. Общий и специальный менеджмент: учебник /Общ. ред. А.Л. Гапоненко, А.П. Панкрухин. – М.: Изд-во РАГС, 2001. – 568 с.
13. Филобокова Л.Ю. Региональная промышленная политика и механизм ее управления / Л.Ю. Филобокова, М.М. Вдовиченко // Экономика в промышленности. – 2017. – Том 10. – № 1. – С.79.
14. Региональная экономика: учебное пособие / В.А. Гордеев, М.А. Майорова, М.И. Маркин – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2017. – 256 с.
15. Тренев В. Н. Эффективная промышленная политика – основной элемент регионального развития // Пленарное заседание Всероссийской конференции «Стратегия регионального развития России», 02.02.2007, г. Москва. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: – URL: <http://www.roelconsulting.ru/publications/86189>.
16. Мяснянкина О. В. Определяющая роль промышленной политики в развитии регионов / О.В. Мяснянкина // ИнВестРегион. – 2008. – № 1. – С. 12-16.
17. Шевченко С.А. Региональная промышленная политика России: особенности и задачи // Материалы 49 международной научно-технической конференции преподавателей и студентов. В 2 т. Т. 1 / редкол.: Е.В. Ванкевич [и др.] ; Мин-во образования Респ. Беларусь, УО «Витебский гос. технол. ун-т». – Витебск, 2016. – С. 119-121.
18. Берлизев Р. Н. Функции и инструменты региональной экономической политики, востребованные нео-индустриализацией: автореф. дис. на соиск.уч. ст. кан.эконом. наук. –Майкоп, 2014. –25 с.
19. Романова О.А. Формирование теоретической платформы как системной основы промышленной политики в условиях новой индустриализации / О.А. Романова, Н.Ю. Бухвалов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – №2 (32). – С.53-56.

20. Погудаева М. Ю. Особенности региональной промышленной политики России на современном этапе / М. Ю. Погудаева, М. А. Оркуша //Экономические науки. – 2014. – № 3(112). – С.12-14

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ КАК «ЗЕРКАЛО» СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Шелегеда Белла Григорьевна

доктор экономических наук, профессор,
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы»
кафедра «Финансовые услуги и банковское дело»,
г. Донецк, Украина.
E-mail: shelegeda.bg@gmail.com

Аннотация: В статье по-новому рассмотрены проблемы взаимовлияния индустриализации и социально-экономического развития России. Установлены динамические тенденции развития российской экономики на основе сравнительного анализа статистических показателей РФ с отдельными странами. Дополнена методология исследования новой индустриализации качественными показателями, характеризующими эффективность использования производственного потенциала страны. Предпринята попытка увязать индустриализацию и экономическое развитие с его социальными последствиями через показатели качества жизни, человеческого развития, уровня жизни и счастья. Предложены основные направления теоретико-методологического и практического внедрения достижений новой индустриализации.

Ключевые слова: индустриализация, развитие, факторы повышения эффективности, количественные и качественные показатели.

JEL: O14

INDUSTRIALIZATION AS A "MIRROR" OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA

Shelegeda Bella G.
doctor of Economics
Professor of the Department of Financial Services and Banking of the Donetsk State Academy of Management and Public Administration
Donetsk, Ukraine

Abstract: The article considers in a new way the problems of the mutual influence of industrialization and socio-economic development of Russia. The dynamic development trends of the Russian economy are established on the basis of a comparative analysis of statistical indicators of the Russian Federation with individual countries. The research methodology of the new industrialization has been supplemented with quality indicators characterizing the efficiency of using the country's production potential. An attempt was made to link industrialization and economic development with its social consequences through indicators of quality of life, human development, living standards and happiness. The main directions of theoretical, methodological and practical implementation of the achievements of the new industrialization are proposed.

Keywords: industrialization, development, factors of increasing efficiency, quantitative and qualitative indicators.

В современных условиях ускоряющегося динамизма изменений возрастает роль исследований теоретико-методологических проблем развития на основе интеграционного подхода к обоснованию причинно-следственных процессов, определяющих структуру действенных факторов, с одной стороны, и соответствующее ответное влияние их на социально-экономическое развитие, как результат этого взаимодействия, – с другой. Особое значение приобретает модель эффективного «скачка» по оптимизации наращивания потенциала индустриальных возможностей с одновременным совершенствованием экономических предпосылок для обеспечения более высокого уровня жизни населения. Изучение и анализ основных тенденций развития мировой экономики и РФ обозначили

достаточно большое количество противоречивых, дискуссионно-парадоксальных положений – от определения категорийного аппарата и классификации показателей, методов их оценки – до разработки приемлемых в хозяйственной практике рекомендаций по прогнозированию многокомпонентной и многовекторной стратегии, обусловленной объективными экономическими законами.

Цель статьи – раскрыть особенности формирования совокупного единства взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов по созданию экономических и социальных условий для новой индустриализации путем эффективного использования фондообразующих ресурсов, роста производственного и интеллектуального потенциала страны.

Для достижения данной цели поставлены следующие задачи:

1) исследовать содержание взаимно отражающего процесса системного воздействия индустриализации и ее новейшей формы на социально-экономическое развитие РФ через статистические показатели, тенденции и последствия в сравнении с мировой экономикой и отдельными развитыми и развивающимися странами;

2) обосновать необходимость новых качественных характеристик для оценки экономического развития через удельную зарплатоёмкость и его социальные последствия на основе индексов качества жизни, человеческого развития и счастья;

3) установить возможность косвенной оценки эффективности использования производственного потенциала в роли «локомотива» дальнейшего социально-экономического развития страны;

4) рассмотреть динамическую взаимосвязь индустриализации с технологическими укладами (ТУ), долей машин и оборудования, энергоёмкости в объеме основных фондов по производственным отраслям на основе циклов экономической активности;

5) предложить для дальнейших исследований интегральный подход к комплексной оценке и моделированию синергетического эффекта в результате оптимизации взаимодействия социально-экономических, индустриально-технологических, информационно-интеллектуальных ресурсов в стратегии развития страны на долгосрочную перспективу.

В отношении терминологии следует подчеркнуть, что индустриализация и её виды в той или иной мере отражают развитие крупных машиностроительных и приборостроительных производств, безотходных коопераций замкнутого цикла, интегрированных в единую систему ресурсного жизнеобеспечения. Отличием новой индустриализации признан переход к высокопроизводительным технологиям путем внедрения автоматизированных и роботизированных технологических процессов с рациональным и эффективным использованием интеллектуального потенциала человека.

К сожалению, проблемам развития на основе индустриализации в научном мире до сих пор уделялось недостаточно внимания, хотя косвенно неразрывная взаимосвязь между ними признается многими [4; 8; 9; 10; 17; 20]. Тем более что о социально-экономической эффективности можно судить не только по принятым показателям, но и по оценкам потенциала человеческого развития.

До изложения полученных результатов исследования необходимо сделать несколько авторских замечаний:

1) статистическая информация построена на официальных источниках [1; 2; 3; 19; 22] с наибольшей сопоставимостью данных в научных публикациях последних лет;

2) для сравнительного анализа динамики экономического развития приняты следующие относительные показатели – темпы прироста ВВП в целом, на душу населения и производительности труда (в % к предыдущему году), а также расчетные индексы промышленного производства с характеристикой добывающих и обрабатывающих отраслей по отдельным видам деятельности;

3) индустриальный потенциал развития отражается в предложенных и рассчитанных автором относительных показателях – зарплатоёмкости ВВП, доле валовой добавленной стоимости, индексах фондовооружённости, фондоёмкости, фондоотдачи, энерговооружённости и энергоёмкости ВВП на душу населения;

4) комплексная оценка развития РФ в результате новой индустриализации потребовала включить сравнительные характеристики социальных индексов отдельных стран по группам «развитые» и «развивающиеся» с использованием показателей, принятых в официальной мировой статистике.

Данные о динамике развития России и мировой экономики за 12 лет позволяют установить основные тенденции изменений, влиянием которых обусловлены все процессы индустриально-технологического преобразования отраслевых и территориальных структур (табл. 1, 2, 3).

Таблица 1 – Динамика экономического развития России в сравнении с мировой экономикой, США, странами ЕС и Китая [составлено автором на основе данных 1; 2; 3]

Год	Темпы прироста ВВП, % к предыдущему году					ВВП на душу населения (по ППС), тыс. долл.				
	Россия	Мир в целом	США	Страны ЕС	Китай	Россия	Мир в целом	США	Страны ЕС	Китай
2005	6,4	4,7	3,3	4,5	11,3	17,2	7,2	44,2	21,7	5,1
2006	8,2	5,3	2,7	3,9	12,7	19,2	7,8	46,4	23,4	5,8
2007	8,5	5,2	1,8	3,0	14,2	21,5	8,6	48,0	27,2	6,8
2008	5,2	3,1	-0,3	0,8	9,6	23,0	9,3	48,3	29,7	7,6
2009	-7,8	-0,8	-2,8	-4,1	9,2	21,4	8,8	46,9	26,1	8,3
2010	4,5	5,1	2,5	2,1	10,6	22,6	9,5	48,3	26,6	9,3
2011	5,1	3,8	1,6	1,7	9,5	24,3	10,3	49,7	29,2	10,3
2012	3,7	3,1	2,2	-0,3	7,9	25,6	10,4	51,4	27,9	11,3
2013	1,8	3,3	1,7	0,2	7,8	26,5	10,6	52,7	29,0	12,3
2014	0,7	3,5	2,6	1,6	7,3	27,1	10,8	54,5	27,4	13,3
2015	-2,8	3,0	2,9	2,3	6,9	26,6	10,1	56,1	32,0	14,3
2016	-0,2	3,1	1,6	1,9	6,7	26,9	15,9	57,6	39,2	15,4
2017	1,8	3,5	2,2	2,5	6,8	27,9	13,3	59,5	37,8	16,6

Как следует из табл. 1, темпы прироста ВВП в США и ЕС в этот период, в среднем, ниже мирового уровня, а отрицательные значения этого показателя приходятся на кризисный (2009 г.), но затем происходит постепенный переход на положительную траекторию, что вызвало наращивание объемов промышленного производства и стабильный рост ВВП. Среднедушевое значение ВВП в США и ЕС до 2012г. не возрастало, а в последующие годы (2012-2017гг.) произошел уже ощутимый скачок. Развитие китайской экономики отличается стабильностью, которая даже в кризисные годы обеспечила отчетливо выраженные опережающие темпы прироста ВВП и среднедушевого их стоимостного выражения, а рост промышленного производства был достигнут, в основном, в предкризисные годы.

Данные по России до 2009 г., на первый взгляд, могут дать основание для оптимистичной оценки: по темпам прироста ВВП (% к предыдущему году) страна обогнала всех, кроме, Китая, а по ВВП на душу населения (по ППС) намного превысила и его. Однако, в кризисный и послекризисный период неустойчивость российской экономики привела к резким колебаниям, при которых, однако, сохранился относительный рост, превысив в отдельные годы Китай и мировую экономику, оставаясь в максимальной близости к странам ЕС, но по темпам роста отставая от них, а заодно, – и от других стран. Одновременно происходили резкие изменения производительности труда и отклонения в

динамике прироста заработной платы, что произошло под действием объективных экономических законов, табл. 2.

Таблица 2 – Динамика производительности труда и зарплатоёмкости в России, мировой экономики, США, ЕС и Китае в 2005-2017гг. [составлено автором на основе данных 1; 2; 3; 7; 19]

Год	Темпы прироста производительности труда, % к предыдущему году					Индекс отношения среднемесячной среднедушевой заработной платы к ВВП на душу населения по ППС (зарплатоёмкость)				
	Россия	Мир в целом	США	Страны ЕС	Китай	Россия	Мир в целом	США	Страны ЕС	Китай
2005	5,5	-5,8	0,7	8,2	0,017	0,186	0,070	0,101	0,036	5,1
2006	7,5	-4,9	2,3	8,2	0,021	0,179	0,069	0,095	0,038	5,8
2007	7,5	-2,7	3,2	13,1	0,026	0,166	0,070	0,083	0,040	6,8
2008	4,8	-3,1	0,5	-4,0	0,026	0,156	0,074	0,078	0,033	7,6
2009	-4,1	2,1	0,7	9,0	0,029	0,169	0,081	0,090	0,047	8,3
2010	3,2	3,9	3,0	н/д	0,030	0,161	0,081	0,091	0,050	9,3
2011	3,8	4,0	3,7	н/д	0,030	0,149	0,080	0,084	0,054	10,3
2012	3,3	5,6	3,5	н/д	0,035	0,152	0,080	0,090	0,050	11,3
2013	2,2	5,6	4,4	н/д	0,035	0,154	0,082	0,087	0,052	12,3
2014	0,7	5,9	5,1	н/д	0,031	0,153	0,081	0,094	0,054	13,3
2015	-2,2	6,3	6,1	6,6	0,021	0,167	0,078	0,082	0,052	14,3
2016	0,1	9,0	5,0	н/д	0,021	0,071	0,08	0,072	0,049	15,4
2017	1,9	8,8	8,4	6,7	0,021	0,065	0,064	0,08	0,047	16,6

Как видно из приведенных данных, экономика США реагировала на кризис 2006-2009гг. отрицательными значениями темпов прироста производительности труда, в отличие от европейских стран, которые избежали кризисных падений, а затем, сохранила положительную динамику, что привело к выравниванию этих показателей до 8,8 и 8,4% соответственно. В Китае, по сравнению с другими крупными экономиками мира, уровень производительности труда, увеличиваясь ежегодно, в среднем, на 8,2%, по-прежнему остается низким, хотя и превышает общемировое значение.

Динамика изменений средней заработной платы встроена в макроэкономический контекст и по-разному проявляется в развитых и развивающихся странах. Так, в США, начиная с 2010 по 2016гг. наблюдалось повышение прироста среднедушевой заработной платы, а в 2017г. – произошло резкое его снижение. Пик прироста уровня безработицы в США приходится на 2009-2011гг., а в странах ЕС эта тенденция сохранилась до 2013 г. Одновременно сократилась инфляция, что сопровождалось снижением и уровня безработицы до 4,1% (табл. 3).

Примечательно, что в китайской промышленности заработки уверенно растут благодаря более тесной интеграции страны в мировую экономику. Реальные доходы населения Китая за десятилетие выросли примерно втрое, достигнув в промышленном секторе 3,6\$ в час, а в 2017 г. прирост заработной платы обеспечил превышение уровня мирового показателя почти наполовину. В России же за последние три года оклады рабочих на предприятиях, к сожалению, сократились с 3,5 до 2,7 \$

в час.

Таблица 3 – Динамика социально-экономических последствий в развитых и развивающихся странах в 2005-2018 гг. [составлено автором на основе данных [19; 22; 23]]

Страны/ показатели	Инфляция, %				Безработица, %			
	2005	2010	2015	2018	2005	2010	2015	2018
Развитые								
США	3,4	1,6	0,1	2,4	5,1	9,6	5,3	3,9
Германия	1,9	1,1	0,7	1,9	11,0	6,9	4,6	3,4
Франция	1,9	1,7	0,1	2,1	8,9	9,3	10,4	9,1
Япония	-0,3	-0,7	0,8	1,0	4,4	5,1	3,4	2,4
Великобритания	2,1	3,3	0,0	2,5	4,8	7,9	5,4	4,1
Развивающиеся								
Россия	12,7	6,9	15,5	2,9	7,6	7,5	5,6	4,7
Беларусь	10,3	7,7	13,5	4,9	1,7	0,8	0,9	0,8
Казахстан	7,5	7,1	6,7	6,0	8,1	5,8	5,1	5,0
Китай	1,8	3,3	1,4	2,1	4,1	4,2	4,1	4,4
Индия	4,4	10,5	4,9	3,5	4,4	2,4	2,8	2,6

Исследование макроэкономической динамики развития отдельных стран в условиях глобальных циклических и кризисных колебаний предусматривает эффективное использование инновационных ресурсов на основе создания материально-технической базы для более высокого технологического уровня промышленного производства. К объективным причинам деструктивных тенденций относится, прежде всего, нарушение экономических законов и закономерностей, как дорыночного, рыночного, так и нерыночного происхождения.

Анализ динамики развития России за 2005-2017гг. свидетельствует о негативных социально-экономических явлениях в стране. Особенно катастрофическими выглядят последние годы, когда снижение темпов прироста ВВП до отрицательных значений привело к падению среднемесячной заработной платы (с 915\$ в 2013 до 580\$ в 2017г.), что отражает состояние «хронического» кризиса со всеми его характерными признаками. Изменения индекса потенциала человеческого развития в США, странах ЕС и Китае оставались примерно в одних и тех же пределах, чего не скажешь об экономике России, табл.3.

О чем свидетельствуют данные о зарплатоёмкости ВВП (по ППС) на душу населения, приведенные в табл. 2. Экономический смысл данного соотношения в определенной мере отражает социальную эффективность экономического развития, когда в расчете на душу населения можно определить, как оплачивается каждый процент прироста ВВП. За период с 2005 по 2017гг. в мировой экономике наблюдалась четкая картина снижения этого показателя (с 0,186 до 0,065). Факторов, повлиявших на этот процесс, как во внешнеэкономической среде, так и в структурных трансформациях достаточно много, измерить действие которых, – задача отдельного исследования. Так, вызывает вопрос, почему в развитых странах (США и ЕС) колебания данного коэффициента незначительны: США – от 0,070 до 0,064; стран ЕС – от 0,010 до 0,08? Одновременно, отставая от них по абсолютным значениям, Китай и Россия в относительных показателях остались стабильными.

Особый интерес представляет комплексный анализ взаимовлияния новой индустриализации и показателей социально-экономического развития, который с помощью косвенных методических подходов позволяет, если не дать количественную оценку этой зависимости, то как в «зеркале» отразить их неразрывность и соподчинённость.

Прежде всего, общее представление о производственном потенциале российской экономики и его использовании в сравнении с другими странами, (2005-2017 гг.), можно получить из статистических данных приведенных в табл. 4-6.

Таблица 4 – Динамика показателей, характеризующих производственный потенциал российской экономики [составлено автором на основе данных 19; 22]

Годы	ВВП на душу населения (по ППС), тыс. \$	Индекс промышленного производства (в % к предыдущему году)	Индекс производительности труда (в % к предыдущему году)	Индекс производительности труда в обрабатывающей промышленности (в % к предыдущему году)	Доля валовой добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности в ВВП, %
2005	17,2	105,1	105,5	106,0	18,5
2006	19,2	106,3	107,5	108,5	18,7
2007	21,5	106,8	107,5	108,4	19,7
2008	23,0	100,6	104,8	102,6	19,3
2009	21,4	89,3	95,9	95,9	17,1
2010	22,6	107,3	103,2	105,2	17,7
2011	24,3	105	103,2	105,6	17,8
2012	25,6	103,4	103,8	105,7	17,3
2013	26,5	100,4	103,3	106	17,2
2014	27,1	101,7	102,2	102,5	16,5
2015	26,6	99,2	98,9	100,7	17,2
2016	26,9	102,2	100,2	102,4	17,0
2017	27,9	102,1	101,9	100,7	17,4

Как видно из табл. 4, ВВП на душу населения (по ППС) за этот период изменялся неравномерно: от минимального – 17,2 тыс. \$, до максимального – 27,9 тыс. \$, т.е. динамику можно охарактеризовать как положительную, чего нельзя признать в отношении производственного потенциала страны и уровня его результативности через совокупную производительность труда, в целом, и применительно к обрабатывающей промышленности, в том числе. Так, индекс промышленного производства упал со 105,1 до 102,1 % к предыдущему году, а в обрабатывающей промышленности снижение произошло еще более заметными темпами. Косвенное объяснение этому может дать анализ фондовооруженности и ввод в действие основных фондов на каждый 1 рубль инвестиций. Эти противоречия обусловлены, на наш взгляд, тем, что за период 2008-2017гг. эти показатели сократились примерно на 7-13%. Причиной такой неэффективности производственного потенциала, безусловно, является возраст имеющихся машин и оборудования, который только в обрабатывающих отраслях, в среднем, составил 12 лет, т.е. на каждый год «взросления» техники приходилось всего 74,3 коп. расходов. Среди косвенных показателей неэффективного использования имеющихся ресурсов – это индексы промышленного производства и производительности труда.

В табл. 5 дана иллюстрация динамики использования основных фондов с расчетом фондовооруженности, фондоотдачи и фондоёмкости по видам экономической деятельности и по

уровню технологичности. Доля машин и оборудования в общем объеме основных фондов по отраслям экономики, в т.ч. относящихся к высокой, средней, и низкой степени технологичности рассчитывается как отношение доли машин и оборудования в общем объеме основных фондов (по полной учетной стоимости). Показатель определяет долю активной части основных фондов, непосредственно влияющую на выпуск продукции и фондоотдачу в конкретной отрасли.

Таблица 5 – Динамика доли машин и оборудования в общем объеме основных фондов по видам экономической деятельности в зависимости от уровня технологичности производственных процессов, % [составлено автором на основе данных 22]

Показатели/ годы	2008	2013	2017	2017/2008
Основные фонды, всего	22,8	25,6	25,6	1,12
Фондовооруженность	110,6	107,6	103,7	0,94
Фондоотдача	92,7	98,5	95,9	1,03
Фондоёмкость	119,3	109,2	108,1	0,91
в том числе по видам экономической деятельности:				
Добыча полезных ископаемых	24,4	20,6	20,3	0,83
Обрабатывающие производства	55,1	54,7	52,2	0,95
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	29,0	35,4	40,3	1,39
в том числе по уровню технологичности:				
Высокотехнологичные виды деятельности	48,1	51,7	54,5	1,13
Среднетехнологичные высокого уровня виды деятельности	54,7	55,8	53,2	0,97
Среднетехнологичные низкого уровня виды деятельности	53,1	51,2	47,5	0,89
Низкотехнологичные виды деятельности	61,2	61,4	62,5	1,02

Как видим, за период с 2008 по 2017 гг. доля машин и оборудования в общем объеме основных фондов по производственным отраслям в т.ч. с учетом степени технологичности (по полной учетной стоимости) в России возросла с 22,8 (2008 г.) до 25,6 % (2013 и 2017 гг.). При этом только в обрабатывающей промышленности индекс фондовооруженности (% к предыдущему году) сократился на 6,9 %, а фондоотдача увеличилась на 3,2%. Однако внутри этого временного периода их «поведение» не соответствует динамике основных фондов, а между началом, серединой и окончанием его в этой отрасли происходило некоторое увеличение, несмотря на общее снижение данного показателя (примерно на 3 %). Единственный вид экономической деятельности, где произошел рост (в 1,4 раза), – это производство и распределение электроэнергии, газа и воды. Данные об энергоёмкости (электроэнергия на душу населения и расчетная величина соотношения его к удельному ВВП) в сравнении с развитыми и развивающимися странами, (табл. 6), отражают низкую эффективность использования энергоресурсов, что в дальнейшем сказывается на показателях технологичности (табл. 5), когда энергоёмкость ВВП по полученному соотношению в России примерно на 7 % превысила США, а Германию и Великобританию почти вдвое. Проигрывает российская экономика и развивающимся странам, где в Беларуси (194, 7 кВт.ч./тыс.\$), Индии (139,0кВт.ч./тыс.\$) и только Китай до сих пор наращивает удельный расход электроэнергии с одновременным увеличением темпов ежегодного прироста ВВП по ППС (табл. 6).

Таблица 6 – Анализ энергообеспечения российской экономики в сравнении с отдельными развитыми и развивающимися странами в 2012-2014 гг.[составлено автором на основе данных 1; 19; 13; 18]

Страны/ показатели	Электроэнергия на душу населения			ВВП на душу населения			Энергоёмкость ВВП на душу населения (Электроэнергия на душу населения/ВВП на душу населения)		
	2012	2014	2014/ 2012	2012	2014	2014/ 2012	2012	2014	2014/ 2012
	кВт.ч.	кВт.ч.	%	тыс. \$.	тыс. \$	%	кВт.ч./ тыс.\$	кВт.ч./ тыс.\$	%
Развитые									
США	13394	12984	96,9	51,6	55,0	106,6	259,6	236,1	90,9
Германия	7215	7035	97,5	44,3	46,9	105,9	162,9	150,0	92,1
Франция	7729	6940	89,8	39,3	41,0	104,3	196,7	169,3	86,1
Япония	8394	7820	93,2	37,1	39,5	106,5	226,3	198,0	87,5
Великобритания	5733	5130	89,5	38,2	41,1	107,6	150,1	124,8	83,1
Развивающиеся									
Россия	6431	6603	102,7	25,6	27,1	105,9	252,2	243,7	96,6
Беларусь	3564	3680	103,3	17,8	18,9	106,2	200,2	194,7	97,3
Казахстан	4728	5600	118,4	22,3	24,7	110,8	212,0	226,7	106,9
Китай	2943	3927	133,4	11,3	13,4	118,6	260,4	293,1	112,6
Индия	616	806	130,8	5,0	5,8	116,0	123,2	139,0	112,8

Представляет интерес уже упомянутая ранее динамика уровня технологичности, (табл. 5), когда рост высокотехнологичных видов деятельности оказался полностью «перекрытым» совокупным уровнем средне- и низкотехнологичных, а потому изучение индустриализации невозможно без учета технологических укладов в рамках различных циклов экономической активности развития.

Сравнительный анализ динамики действия отдельных циклов экономической активности с учетом амплитудно-фазовых характеристик в результате суммарного влияния их [21, с. 36-37] на мировую и национальную экономику позволяет прогнозировать приближение кризисов, а также дать предварительную количественную оценку его последствий.

В характеристике главных признаков различных циклов экономической активности, (Китчина – 2-4 года; Жугляра – 7-12 лет; Кузнецова – 16-25 лет; Кондратьева – 40-60 лет; Форрестера – 200 лет; Тоффлера – 1000-2000 лет), только у Кондратьева упоминается технический прогресс, который формируется на уровне малых и коротких циклов. Отсюда следует важный, на наш взгляд, вывод о том, что новую индустриализацию, в равной степени как технологические уклады и циклы экономической активности нельзя рассматривать отдельно, а только в их совокупности, поскольку не исключены неожиданные и прямо противоположные выводы.

Взаимосвязь индустриализации с технологическими укладами, а их, в свою очередь, с циклами экономической активности (либо кризисами) требует самостоятельного исследования с выходом на решение оптимизационной задачи по долгосрочному целевому финансированию национальных проектов и программ.

Интенсификация перехода (вплоть до скачка) с одного технологического уровня на более высокий

не всегда сопровождается такими же темпами социально-экономического развития. Это наглядно иллюстрируют приведенные статистические данные, из которых видно, что при обеспечении условий эффективного роста одновременно происходит торможение прироста промышленного производства, ухудшение отраслевой структуры и снижение социальных характеристик по оценкам уровня и качества жизни населения.

Подобные, абсолютно разные, подходы к прогнозированию развития, которые существенным образом влияют на финансирование программ и проектов иллюстрированы Минэкономразвития при определении «базовых» и «консервативных» сценариев изменения основных экономических показателей развития России до 2024 года [11].

В оба сценария заложены оптимистичные оценки по ускорению темпов экономического роста с 2,0% в 2020 г. до 3,0-3,3% в 2024 г. за счет инвестиций в основной капитал. Синхронно должны измениться и объёмы промышленного производства в машиностроении, металлургической, химической, пищевой и строительной индустрии, что обеспечит увеличение внутреннего инвестиционного спроса наряду с повышением конкурентоспособности страны на внешних рынках и сократит зависимость от колебаний цен на нефть. Это произойдет при ожидаемом замедлении развития мировой экономики с непредсказуемым «поведением» рыночных цен на биржевые товары, что может вызвать новые риски в несырьевом и неэнергетическом секторе.

Среди социальных показателей, отражающих, наряду с экономическими, влияние индустриализации на развитие различных стран (как развитых, так и развивающихся), в статье рассмотрены: – уровень безработицы, индексы человеческого развития и экономической свободы [16; 6; 5]. Результирующими для комплексной оценки уровня развития РФ, в сравнении с отдельными развитыми странами, приняты индексы процветания (уровень жизни), качества жизни и счастья [14; 12; 15]. Согласно приведенным в табл. 7 данным, уровень безработицы в России за 2005-2018 гг. сократился почти вдвое – с 7,6 до 4,7 %. Определенное снижение произошло в США и странах ЕС, а в Китае остался почти на том же уровне. Зато в годы мирового глобального кризиса (2009-2011гг.) китайская экономика «устояла» против воздействия негативных факторов, а Россию «лихорадило», правда, в меньшей степени, чем США, где в эти годы безработица достигла критических значений (9,0-9,6 %).

Таблица 7 – Факторообразующие социальные показатели развития отдельных стран в динамике за период 2005-2018 гг. [составлено автором на основе данных 16; 6; 5]

Показатели	Страны	2005	2010	2018
Уровень безработицы, %	США	5,1	9,6	3,9
	Страны ЕС	9,4	9,5	8
	Китай	4,1	4,2	4,4
	Россия	7,6	7,5	4,7
Индекс человеческого развития	США	0,9	0,91	0,92
	Страны ЕС	0,84	0,86	0,88
	Китай	0,64	0,7	0,75
	Россия	0,75	0,78	0,82
Индекс экономической свободы	США	79,9	78	75,7
	Страны ЕС	67	69	70
	Китай	53,7	51	57,8
		51,3	50,3	58,2

При этом индекс человеческого развития в США и странах ЕС изменился несущественно, как, впрочем, и индекс экономической свободы, что является одним из признаков уровня их развития. Россия и Китай по абсолютным значениям этого показателя отстают от развитых стран и незначительно отличаются между собой, а вот отставание от стран ЕС и США становится особенно очевидным в 2018 г., где отклонения достигли от почти 18 %, что сформировало стратегический резерв дальнейшего повышения темпов социально-экономического развития этих стран.

Достаточно отчётливо просматривается взаимосвязь между индексами экономической свободы и уровнем жизни в развитых и развивающихся странах. Так, в США, начиная с 2007 г. индекс экономической свободы превысил страны ЕС, в среднем, в 1,2 раза, а Китай и Россию – еще больше, что в такой же пропорции отразилось на их уровне жизни. А если сослаться на один из самых распространённых экономических оценочных показателей (ВВП на душу населения по ППС в тыс. \$, табл. 1), – то индекс процветания (уровня жизни) в США выше, чем в странах ЕС и России в 2,0-2,5 раза, соответственно, а Китая – почти в 8 раз. Причем, отставание Китая от США в 2017 г., по сравнению с 2005 г., сократилось более чем вдвое. Одновременно значение этого индекса за счет этого соотношения сохранило превосходство США над Россией и Китаем.

Если принять, что основой развития является индустриализация, то становятся ожидаемыми результирующие значения рейтингов и индексов качества и уровня жизни, человеческого развития и счастья (табл. 8), но они отразили явно противоположные тенденции. Так, по качеству жизни первые три позиции заняли Дания, Швейцария и Финляндия; на 8-м, 12-м, 13-м и 17-м месте оказались Германия, Япония, США, Объединенное Королевство Великобритании. Для РФ, к сожалению, рейтинг и индекс намного, ниже, чем в странах лидерах.

Таблица 8 – Показатели и рейтинги социального развития отдельных стран (фрагменты), 2019 г. [составлено автором на основе данных 12; 6; 15; 14]

Страна	Качество жизни (111 стран)		Человеческое развитие (ИЧР) (189 стран)	
	Рейтинг	Индекс	Рейтинг	Индекс
Дания	1	198,57	11	0,93
Швейцария	2	195,93	2	0,94
Финляндия	3	194,01	15	0,92
Германия	8	187,05	5	0,93
Япония	12	180,5	19	0,91
Соединенные Штаты	13	179,2	13	0,92
Объединенное Королевство	17	170,81	14	0,92
Россия	59	104,94	49	0,82

Страна	Индекс счастья (140 стран)		Индекс процветания (уровень жизни) (149 стран)	
	Рейтинг	Индекс	Рейтинг	Индекс
Дания	1	198,57	11	0,93
Швейцария	2	195,93	2	0,94
Финляндия	3	194,01	15	0,92
Германия	8	187,05	5	0,93

Япония	12	180,5	19	0,91
Соединенные Штаты	13	179,2	13	0,92
Объединенное Королевство	17	170,81	14	0,92
Россия	59	104,94	49	0,82

По человеческому развитию, индексу процветания (уровню жизни) свое лидерство сохранили: Финляндия (3), Швейцария (4), Дания (5); индекс счастья оказался самым высоким, опять-таки, в Финляндии (1) и Дании (2); Швейцария опустилась на 6-е место, а Объединенное Королевство Великобритании, Германия и США заняли 15-ю, 17-ю и 19-ю позиции соответственно. Россия по всем этим показателям ниже уровня названных стран, а по индексу счастья (68-е место) и уровню жизни (индексу процветания) заняла место аутсайдера, значительно отставая от лидеров.

Рассмотренные качественные показатели, отражающие эффективность экономического развития, благодаря действию технико-технологических факторов, могут вызвать вполне обоснованные дискуссии и возражения, поскольку расчеты проводились по различным методикам и разными аналитическими центрами. К примеру, индекс процветания, с точки зрения Института Legatum (The Legatum Prosperity Index), измеряется по уровню благополучия и уровню жизни на основе показателей, объединённых в девяти категориях: экономика, предпринимательство, управление, образование, здравоохранение, безопасность, личные свободы, социальный капитал, экология [14].

В оценку качества жизни Центр (The Economist Intelligence Unit) включил: здоровье; семейную и общественную жизнь; материальное благополучие; политическую стабильность и безопасность; климат и географию, уровень занятости, политические и гражданские свободы; гендерное равенство [12]. Как видим, отдельные показатели повторяются, что косвенно уже отразил уровень жизни. По индексу человеческого развития также наблюдается дублирование. Так, в Программе развития Организации Объединённых Наций (ПРООН) рекомендуются следующие характеристики: благосостояние (расширение реальных свобод человека таким образом, чтобы они могли процветать); расширение прав и возможностей, а также агентность (возможность человека и групп действовать и получать ценные результаты); справедливость на основе повышения социальной устойчивости, уважения прав человека и других целей общества [6].

Особое место среди них занимает индекс счастья, который предложен Исследовательским Центром (New Economic Foundation) [15] в следующей структуре: производительность труда; ожидаемая продолжительность жизни; социальная поддержка; гражданские свободы; доверие в обществе; благотворительность.

Несмотря на некоторую спорность перечисленных показателей и несопоставимость использованных методов расчёта, их значения вписываются в общую логику сравнительного анализа, а если пойти по пути исключения повторений и найти комплексный показатель качества социального развития, то это обеспечит более обоснованные оценки, как отдельных векторов, так и интегрального социально-экономического развития страны в целом. А это открывает новые возможности для эффективного применения оптимизационных моделей долгосрочного прогнозирования в их «предсказательной силе», что позволит своевременно принять необходимые защитные меры по снижению негативных, а то и катастрофических последствий в результате неизбежных экономических кризисов и потрясений.

Выводы: В соответствии с поставленной целью и задачами данного исследования получены следующие результаты.

1. Обосновано научно-методическое пространство исследования индустриально-

технологических и социально-экономических проблем развития с учетом современных концепций, обусловленных ускоряющимся динамизмом изменений, обострением противоречий между тенденциями, состоянием и прогнозами функциональных характеристик народного хозяйства страны.

2. Предложены новые показатели оценки экономического и социального развития, апробированные при сравнительном анализе статистических данных России, отдельных развитых и развивающихся стран, которые дополняют известные и распространенные в научных публикациях положения и рекомендации.

3. Рассмотрены методы определения косвенных показателей индустриализации по уровню использования производственного потенциала с оценкой его эффективности через удельные коэффициенты фондоёмкости, фондовооруженности, фондоотдачи и энергоемкости во взаимосвязи с технологичностью и циклами экономической активности.

4. Анализ социальных последствий развития индустриализации России в сравнении с отдельными странами отразил парадоксальные тенденции, когда среди лидеров по рейтингу индексов качества и уровня жизни населения, человеческого развития и счастья не оказалось наиболее развитых экономически США и стран ЕС.

5. Перспективы исследования проблем индустриализации и социально-экономического развития страны на основе предлагаемого комплексного подхода к оценке их взаимодействия и взаимовлияния заключается в возможности упреждающего реагирования институциональных структур на нежелательные и непредвиденные отклонения от долгосрочных прогнозов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кноема [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – Электрон. дан. – Режим доступа свободный: <https://knoema.ru> (дата обращения: 25.02.2019г.).
2. TheGlobalEconomy.com [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – Электрон. дан. – Режим доступа свободный: <https://ru.theglobaleconomy.com> (дата обращения: 25.02.2019г.).
3. Trading Economics [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – Электрон. дан. – Режим доступа свободный: <https://tradingeconomics.com/about-te.aspx> (дата обращения: 25.02.2019г.).
4. Доржиева В.В. Стратегия новой индустриализации и ее роль в долгосрочном социально-экономическом развитии / Доржиева В.В. // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2017. – № 4. – С. 23-28.
5. Индекс экономической свободы [Электронный ресурс]: офиц. сайт Кноема. – Электрон. дан. – 2019. – Режим доступа свободный: <https://knoema.ru/atlas/Индекс-экономической-свободы> (дата обращения: 25.08.2019г.).
6. Индексы и индикаторы человеческого развития Обновленные статистические данные 2018 [Электронный ресурс]. – Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН). – 2018. – 122 с. – Режим доступа свободный: http://www.hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (дата обращения: 25.08.2019г.).
7. Как отстает Россия по производительности труда? [Электронный ресурс]: Электрон. дан. – Фактограф, 2019 RFE/RL, In. – Режим доступа свободный: <https://www.factograph.info/a/28918864.html> (дата обращения: 25.08.2019г.).
8. Кульков В.М. Новая индустриализация в контексте экономического развития России / В.М. Кульков // Экономика. Налоги. Право. – 2015. – №2. – С.81-85.
9. Ленчук Е.Б. Курс на новую индустриализацию – глобальный тренд экономического развития / Е.Б. Ленчук // Проблемы прогнозирования. – 2016. – №3(156). – С. 132-143.
10. Новая индустриализация в РФ как фактор обгоняющего развития: первые итоги, причины торможения и пути их преодоления: коллективная монография / В.А. Гордеев [и др.]; под ред. В.А.

Гордеева, М.А. Угрюмовой, С.В. Шкиотова. – Ярославль: Издат. Дом ЯГТУ, 2017. – 220 с.

11. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс]: офиц. сайт информационно-правового портала Гарант.ру. – Электрон. дан. – Москва, 2019. – Режим доступа свободный: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71966952/> (дата обращения: 25.08.2019г.).

12. Рейтинг качества жизни в странах мира (The Quality of Life Index) [Электронный ресурс]: офиц. сайт Центр гуманитарных технологий. – Электрон. дан. – Москва, 2019. – Режим доступа свободный: <https://gtmarket.ru/ratings/quality-of-life-index/info> (дата обращения: 25.08.2019г.).

13. Рейтинг стран мира по уровню потребления электроэнергии [Электронный ресурс]: офиц. сайт Центр гуманитарных технологий. – Электрон. дан. – Москва, 2019. – Режим доступа свободный: <https://gtmarket.ru/ratings/electric-power-consumption/info> (дата обращения: 25.08.2019г.).

14. Рейтинг стран мира по уровню процветания Института Legatum (The Legatum Prosperity Index) [Электронный ресурс]: офиц. сайт Центр гуманитарных технологий. – Электрон. дан. – Москва, 2019. – Режим доступа свободный: <https://gtmarket.ru/ratings/legatum-prosperity-index/info> (дата обращения: 25.08.2019г.).

15. Рейтинг стран мира по уровню счастья организации объединённых наций [Электронный ресурс]: офиц. сайт Центр гуманитарных технологий. – Электрон. дан. – Москва, 2019. – Режим доступа свободный: <https://gtmarket.ru/ratings/world-happiness-report/info> (дата обращения: 25.08.2019г.).

16. Рейтинг стран по уровню безработицы [Электронный ресурс]: офиц. сайт Информационный портал NoNews. – Электрон. дан. – Москва, 2019. – Режим доступа свободный: <https://nonews.co/directory/lists/countries/unemployment> (дата обращения: 25.08.2019г.).

17. Романова О.А. Инновационная парадигма новой индустриализации в условиях формирования интегрального мирохозяйственного уклада / О.А. Романова // Экономика региона. – 2017. – Т. 13. № 1. – С. 276-289.

18. Список стран по потреблению электроэнергии на одного человека [Электронный ресурс]: офиц. сайт Информационный портал NoNews. – Электрон. дан. – Москва, 2019. – Режим доступа свободный: <https://nonews.co/directory/lists/countries/electric-power-consumption> (дата обращения: 25.08.2019г.).

19. Статистика стран мира. Уровень инфляции в странах мира [Электронный ресурс]: офиц. сайт svspb.net. – Электрон. дан. – 2019. – Режим доступа свободный: <http://svspb.net/danmark/infljacija-stran.php> (дата обращения: 25.08.2019г.).

20. Сухарев О.С. Стратегия экономического развития России: индустриализация / О.С.Сухарев // В сборнике: Форсайт «Россия»: дизайн новой промышленной политики Сборник материалов Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2015). – 2015. – С. 267-275.

21. Тебекин А.В. Закономерности и современные тенденции развития мирового хозяйства: факторы, определяющие динамику и направление инновационного развития / А.В. Тебекин // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. – 2012. – №1. – С.34-38.

22. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – Электрон. дан. – Москва, 2019. – Режим доступа свободный: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/# (дата обращения: 25.08.2019г.).

23. Экономическая проблема: уровень безработицы в разных странах мира [Электронный ресурс]: офиц. сайт Инфографика.ру: визуальная аналитика современного мира. – Электрон. дан. – 2012-2019 – Режим доступа свободный: <https://infographics.ru/all/uroven-bezraboticy-po-stranam/> (дата обращения: 25.08.2019г.).

24. Экономическая свобода, общий индекс в Европейском Союзе [Электронный ресурс]: офиц. сайт TheGlobalEconomy.com. – Электрон. дан. – 2019. – Режим доступа свободный: https://ru.theglobaleconomy.com/rankings/economic_freedom/European-union/ (дата обращения: 25.08.2019г.).

РЕФОРМА ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Макаров Анатолий Николаевич

доктор экономимических наук, профессор,
Набережночелнинского института ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
главный редактор «Регионального экономического журнала»,
заведующий кафедрой экономической теории и экономической политики,
г. Набережные Челны, Российская Федерация.
E-mail: makarovfksu@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрены концептуальные основы и последствия реализуемой с 90-х годов реформы земельной собственности. Выявлены угрозы продовольственной безопасности, социальной нестабильности, связанной с теневилизацией отношений земельной собственности, чрезмерной концентрацией производства в руках небольшого количества лиц, спекуляцией земельными ресурсами, латифундизацией землепользований, перехода собственности на землю и агропродовольственных компаний под контроль иностранных юридических и физических лиц. Предложена конструктивная концепция по реформированию земельной собственности.

Ключевые слова: земельная собственность, продовольственная безопасность, спекуляция, латифундии, теневилизация, экономическая реализация.

JEL: H10; H11; J43; K11; O13; Q10; Q15; Q18

LAND OWNERSHIP REFORM IN THE CONTEXT OF FOOD SECURITY AND ADVANCED DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY

Anatoly Makarov

Doctor of Economics

Head of the Department of Economic Theory and Economic Policy, Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University, Editor-in-Chief of the Regional Economic Journal, Corresponding Member of the Academy of Informatization of the Republic of Tatarstan

Naberezhnye Chelny, Russian Federation

Abstract: the article considers the conceptual foundations and consequences of the land property reform implemented since the 90s. Threats to food security, social instability associated with the shadowization of land ownership relations, excessive concentration of production in the hands of a small number of persons, land speculation, land use latifundization, transfer of ownership of land and agri-food companies under the control of foreign legal entities and individuals were identified. The constructive concept on reforming of land property is offered.

Keywords: land ownership, food security, speculation estates, the shadowed, economic implementation" and competition of technology platforms; the formation of a global information system; modification of the role of the state.

Необходимость разработки и реализации альтернативной концепции прорывного опережающего развития отечественной экономики в первую очередь вызвана тем обстоятельством, что сегодня экономика России не обладает явными признаками интенсивного развития и находится в стадии стагнации, причины которого кроются не столько во внешних ограничениях в виде санкций, сколько

в отсутствии внятной государственной идеологии и программы внутреннего развития, в провале либеральной стратегии технологического прорыва через приватизацию и несостоявшемся запуске конкурентного механизма. Обоснование и реализация альтернативной концепции развития не менее актуальны для АПК в целом, и особенно его аграрной сферы, представляющей важнейшее звено в обеспечении продовольственной безопасности страны.

В Доктрине продовольственной безопасности России предполагается достижение такого состояния экономики, при котором обеспечивается продовольственная независимость, связанная с устойчивым собственным производством жизненно важных пищевых продуктов (зерна, сахара, растительного масла, мяса и мясопродуктов, молока и молокопродуктов, рыбы и рыбопродуктов, картофеля и пищевой соли), гарантируется физическая и экономическая доступность пищевых продуктов. Однако в отличие от стран с высоким уровнем технологического уклада, высокопродуктивным сельским хозяйством, экономика АПК России характеризуется неэффективным производством жизненно важных пищевых продуктов с невысокой результативностью, ростом импорта продовольствия. В многоукладном сельском хозяйстве России 45-49% основных видов продукции производится в личных подсобных хозяйствах, 6-10% – фермерами, остальное приходится на сельхозпредприятия, из которых только менее трети рентабельны. Согласно экспертным оценкам (С. Глазьева и др.), в России за последние 100 лет при росте объема промышленного производства в 270 раз, строительства в 70 раз, объем сельскохозяйственного производства увеличился всего в 1,36 раз при росте населения в 2,1 раза. За это время в аграрном секторе производительность труда увеличилась всего в 1,5 раза, в то время как в промышленности в 85 раз, в строительстве – в 36 раз.

К сожалению, преобразования, начавшиеся в 90-х годах прошлого века, вызвали чрезвычайно болезненные нарушения экономических связей, а, в конечном счете – резкое падение производства, банкротства. На многих сельскохозяйственных территориях произошло запустение деревень, ухудшилось использование оставшихся в обороте земельных угодий, массово деградировали перешедшие в ведение местных властей объекты социальной сферы (так, в среднем расстояние от села до больницы сейчас составляет 81 км, вместо 36 км в 90-е годы); уровень безработицы на селе составляет более 8%, что почти вдвое выше, чем в городе; оплата труда сельских работников, достигшая было к 1990 году 95% среднего по экономике уровня, упала к 2019 году до 57%, [1]; рентабельность сельскохозяйственного производства с дореформенных 20-30% снизилась до фактической убыточности.

Произошло массовое выбывание земель из хозяйственного оборота: с начала века площадь посевов сельскохозяйственных культур в стране уменьшилась почти на 40 млн.га. [2, с.771] (пахотные земли сократились на 10 млн га, еще на 30 млн га были извлечены из сельскохозяйственного оборота). Основные причины этих крайне негативных тенденций – произошедшие в 1990-е годы резкие структурно-организационные изменения в агропромышленном секторе страны, отсутствие собственных финансовых и технических возможностей для поддержания земель в надлежащем состоянии. В ряде регионов России проблему бесхозных земель сегодня рассчитывают решить путем бесплатной их раздачи всем желающим. Так, в Вологодской области, где пустует около полумиллиона гектаров земель, давно заросших бурьяном, планируют бесплатно передать около 3,5 тысячи гектаров [3].

Наиболее серьезные проблемы сельского хозяйства России связаны с земельными долями, потерпевшими, обманутыми земельными пайщиками, процветанием высокодоходного спекулятивного теневого рынка сельскохозяйственных земель, сформированного в условиях низкорентабельного аграрного производства на основе дешевой скупки земельных долей у сельских жителей с последующей их перепродажей по рыночной цене с изменением категории земель [4]. При этом защитники земельного рынка избегают вопроса о том, что в случае обретения сельскохозяйственными землями статуса коммерческого актива, они превращаются в предмет спекулятивных операций

и в результате попадают в собственность теневых приобретателей [5, с. 272], и что легализация подобных рыночных операций с землей влечет за собой вероятность аннексии земель и масштабной оккупации территории России [6, с. 714–720]. К тому же имеют место достаточно отработанные способы приобретения земель финансовым капиталом. Так, по имеющейся информации, в теневых земельных операциях участвуют и зарубежные финансовые средства (прежде всего венчурные), в том числе ранее вывезенные из России [7, с. 32-33]. Известно, что примерно в половине крупных сельхозпроизводителей страны от 35 до 99% акций напрямую или опосредованно принадлежат иностранным собственникам, что определенно снижает продовольственную безопасность страны [8, с. 47]. Благодаря тому, что сельскохозяйственные угодья стали массово переходить в руки лиц, ранее не занимавшихся сельским хозяйством, владельцев гигантских латифундий, по сути, был поставлен заслон на пути эффективной экономической реализации земельной собственности в целом. К тому же постепенное реформирование как процесс сознательного преобразования аграрной сферы перестало быть приоритетом государства, тогда как из международных сравнительных данных следует, что именно благодаря приоритетной поддержке сельского хозяйства достигнута эффективная аграрная экономика, обеспечивающая продовольственную безопасность страны.

С точки зрения оценки научной обоснованности современной аграрной земельной реформы интерес представляет ее сравнительный анализ со столыпинской реформой. Если столыпинская реформа способствовала формированию крестьянских хозяйств на собственной земле, развитию малого бизнеса, сельскохозяйственной кооперации, то основными результатами нынешнего реформирования стали пролетаризация деревень, запустение земель и прекращение ее использования во многих обжитых районах, формирование крупных латифундий [9, с. 120-136]. По данным об итогах аудиторской проверки деятельности Роскомимущества за 2017-18 гг., Счетная палата выявила 200 млн га «потерянных земель», около половины которых составляют сельскохозяйственные земли, о владении и об их использовании которых отсутствует какая-либо информация.

Возможно, что хаос, царящий в земельном фонде, выгоден для коррумпированных чиновников и дельцов теневой экономики [10]. К тому же принятые законы характеризуются непоследовательностью. Так, например, в соответствии с указом президента РФ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы» и постановлением правительства РФ от 29.12.1991 г. «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» понятие «колхоз», как лжекооператив, исключено из официальной отчетности. Однако в последней редакции указанного закона от 04.11.2014 г. колхоз, наоборот, определен как основная форма производственного сельскохозяйственного кооператива. Вместе с другой надуманной конструкцией такого кооператива – «коопхоз» – это стало очередным правовым препятствием на пути возрождения и создания подлинной сельскохозяйственной кооперации, руководствуясь ее научными принципами и наследием А. Чаянова, широко используемым в мировой кооперативной практике. В целом вместо конструктивного земельного законодательства, направленного на экономическую реализацию земельной собственности, сформировался своеобразный конгломерат законов, характеризующийся «правовой неопределенностью и явной концептуальной ущербностью, ставший своего рода правовой «крышей» для манипуляций объектами земельной собственности, непрерывных злоупотреблений и чиновничьего произвола.

В сложившейся ситуации конструктивная позиция предполагает разработку концепции корректировки земельной реформы, основная идея которой должна состоять в том, чтобы главной фигурой в аграрном секторе индивидуальной и общественной точки зрения выступал предприниматель, т.е. производитель сельхозпродукции, а не титульный собственник земли. Необходимо перейти к укреплению государственной и муниципальной земельной собственности, в том числе собиранию заброшенных земель, переводу неоформленных земельных долей, выкупу у граждан и хозяйств земельных долей, выкупу заложенных в банках и изъятых по решению суда земельных участков.

При этом структура земельной собственности, как система, может быть представлена на трех

уровнях: 1) функциональное использование земли для сельскохозяйственного производства; 2) предпринимательское землевладение; 3) титульная собственность, с соответствующими каждому уровню субъектами и формами их доходов (заработная плата, прибыль, рента).

Земельную реформу целесообразно провести в несколько этапов:

1. Следует заморозить земельную реформу по части натурализации паев и запретить куплю-продажу земельных участков, а также запретить перевод земель сельскохозяйственного назначения в другие категории.

2. Государственный выкуп всех земель сельскохозяйственного назначения не по рыночной, а по кадастровой стоимости за счет фондов национального благосостояния и фондов будущих поколений, поскольку земля – это самый лучший натурализованный фонд благосостояния, включая будущие поколения. Указанные фонды, переведенные в землю, составят стратегический запас нации, который не подвергается инфляции, болезням, смертности.

3. Органам местного самоуправления на конкурсной основе выделять земельные участки производителям сельскохозяйственной продукции на условиях аренды. При этом следует предусмотреть меры переходного периода. Претензии на выделение в натуре земельных участков должны удовлетворяться: во-первых, на конкурсной основе; во-вторых, исключительно для производства сельхозпродукции и без права продажи и залога, но и без обременительной арендной платы. Данная модель интенсифицирует аграрную реформу в сторону развития предпринимательства. Причем доступ к сельскохозяйственному предпринимательству будет открыт для каждого, кто этого пожелает, правда, на конкурсной основе. Функции государства по регулированию земельных отношений определяются необходимостью рационального использования сельхозугодий прежде всего для обеспечения продовольственной независимости страны и улучшения социально-экономического положения селян.

Таким образом, суть конструктивной позиции состоит в развороте аграрной реформы в сторону максимального благоприятствования созданию массового производителя сельскохозяйственной продукции при сохранении титульной собственности за государством (в лице органов местного самоуправления). Изложенная позиция противоречит сути запущенной модели земельной реформы, которая, по сути, зашла в тупик и, демонстрируя неэффективные результаты своего осуществления, ставит под угрозу продовольственную независимость и суверенную среду обитания. Отсюда необходимость обсуждения альтернативных путей реформы одной из важнейших сфер экономики и социальной сферы [11, с. 16-17]. Экономически необременительный доступ к земельному ресурсу снизит барьеры входа в эту отрасль производителей, не имеющих средств на покупку земельных участков, снизит предельные издержки, расширит предложение продукции и в итоге явится новым импульсом развития отрасли.

Следующим шагом воспроизводственного сопровождения сельхозпроизводителя является улучшение доступа к источникам двигательных мощностей (горючее, смазочные материалы, электроэнергия и т.д.). Для этого часть вывозимых сырьевых ресурсов следует замкнуть на внутреннюю глубокую переработку и расширить их предложение на внутреннем рынке. Расширенное предложение на внутреннем рынке будет способствовать снижению цен, которое может быть поддержано государством, отсюда снижением издержек сельхозпроизводителя ресурсные преимущества России превратятся в конкурентные преимущества отрасли.

Для реализации данного направления можно использовать кооперационные возможности образования ЕАЭС. К глубокой переработке ресурсов (прежде всего углеводородов) подталкивают санкции Запада, которые заставляют по-новому подойти к стратегии продовольственной и экономической безопасности. В краткосрочном периоде изъятие ресурсов из внешнеэкономического оборота сократит бюджетные поступления. Но в долгосрочном периоде эти потери будут компенсированы расширением внутренней налоговой базы через сокращение издержек (не только в области сельского хозяйства)

и рост внутреннего производства с более высокой добавленной стоимостью. Для завершения воспроизводственного цикла следует обеспечить реализацию сельскохозяйственной продукции без давления многозвенной системы перекупщиков и монополизации рынков (лозунг «землю-крестьянам» может быть дополнен лозунгом «рынки-производителям»). И, наконец, институциональная поддержка развитием законодательства, совершенствованием фискальной и монетарной политики, учитывая создание режима благоприятствования для сельского хозяйства и АПК, как базовых структур по обеспечению продовольственной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эх ты! Деревня! / Ю. Шигарева, Т. Богданова, Н. Землянская // Аргументы и факты. – 2019. – №8. – С.6-7.
2. Кудеяров В.Н. Оценка питательной деградации пахотных почв России/ В.Н. Кудеяров // Вестник Российской академии наук. – 2015. – Том.85, №9. – С.771-775.
3. Цинклер Е. Гектар и сто тысяч. Регионы раздают пустующие земли // Российская газета.- №62(7820). – [Электронный ресурс] URL: https://rg.ru/2019/03/20/reg-szfo/s-1-aprelia-rossiiane-mogut-pretendovat-na-vologodskij-gektar.html?utm_source=smi2 (Дата обращения: 20.03.2019).
4. Лойко П.Ф. Землепользование: Россия, мир (взгляд в будущее). Книга первая / П.Ф.Лойко. – М.: Государственный университет по землеустройству, 2009. – С.83-101.
5. За кулисами становления экономических теорий. От теории – к коррупции: монография / М. Гэффни, Г. Титова, Ф. Харрисон ; [пер. : А. И. Иванов и Т. И. Роскошная] ; Фонд «Земля и благосостояние о-ва». – Санкт-Петербург: Б. & К., 2000. – 304 с.
6. Экономический рост и вектор развития современной России / Под ред. К. А. Хубиева. – М.: МГУ ТЕИС, 2004. — С. 714–720.
7. Архангельская Н. Землю-матушку оптом и в розницу / Н. Архангельская, А. Матвеева // Эксперт. – 2006. – № 6, 13-19 февраля. – С. 32–33.
8. Сухарев О.С. Институциональные проблемы обеспечения продовольственной безопасности России / О.С. Сухарев // Национальные интересы: приоритеты и безопасность России. – 2015. – №6 (291). – С.45.
9. Узун В.Я. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты /В.Я.Узун, Н.И. Шагайда. – М.: Издательский дом «Дело»,2015. – С. 136.
10. Чья в стране земля? / Шигарева Ю., Чеботарев А., Дорошенкова Е.// Аргументы и факты. – 2019. – №30. – С.6-7.
11. Макаров А., Хубиев К. Реформа земельной собственности (стереотипы исследовательских традиций, результаты и конструктивная позиция) / А. Макаров, К. Хубиев. // Региональный экономический журнал. – 2015. – №1-2 (9-10). – С.5-23.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЕАЭС: ПРЕДСКАЗАНИЯ ЧАСТИЧНОЙ ГРАВИТАЦИОННОЙ МОДЕЛИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00938

Шкиотов Сергей Владимирович

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет»,
кафедра «Экономика и управление»,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: shkiotov@yandex.ru

Маркин Максим Игоревич

старший преподаватель,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет»,
кафедра «Экономика и управление»,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: markinmi@yandex.ru

Майорова Марина Аркадьевна

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет»,
кафедра «Экономика и управление»,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: marina8502@mail.ru

Аннотация: В работе строится модифицированная частичная гравитационная модель взаимной торговли стран ЕАЭС для четырех временных интервалов. Созданная модель торговли стран ЕАЭС показывает, что товарооборот в рамках интеграционного объединения в большей степени зависит от двух переменных: затрат на транспортировку (расстояние между центрами экономических интересов) и величины ВВП торгующих экономик.

Ключевые слова: межрегиональная интеграция, ЕАЭС, гравитационная модель, взаимная торговля, модель Линнемана.

JEL: F14, F15, C12

EAEU DEVELOPMENT PROSPECTS: PREDICTIONS OF A PARTIAL GRAVITATIONAL MODEL

Shkyotov Sergey Vladimirovich
candidate of economic sciences,
associate professor of the Department of Economics and Management of the Yaroslavl State Technical University,
Yaroslavl, Russian Federation

Markin Maksim Igorevich
Senior Lecturer of the Department of Economics and Management of the Yaroslavl State Technical University,
Yaroslavl, Russian Federation

Mayorova Marina Arkadieвна
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Associate Professor, Department of Economics and Management, Yaroslavl State Technical University
Yaroslavl, Russian Federation
E-mail: marina8502@mail.ru

Abstract: A modified partial gravitational model of mutual trade of the EAEU countries for four time intervals is constructed. The created model of trade in the EAEU countries shows that trade turnover within the framework of an integration association is more dependent on two variables: transportation costs (the distance between centers of economic interests) and the GDP of trading economies.

Keywords: interregional integration, EAEU, gravity model, mutual trade, Linnemann model

Введение

В нашей предыдущей работе, опубликованной в десятом номере журнала «Теоретическая экономика» [1], была создана частичная гравитационная модель взаимной торговли в рамках ЕАЭС (в разрезе 2018 года). Было получено гравитационное уравнение вида:

$$Y_{ij} = 3.515861 * N_i^{1.6426} * N_j^{1.3469} * D_{ij}^{-1.3889}$$

Модель показывала, что товарооборот взаимной торговли стран ЕАЭС в большей степени зависит от двух переменных: затрат на транспортировку (расстояние между центрами экономических интересов) и численностью населения (емкость внутреннего рынка). В случае 2018 года (в соответствии с критерием АИС и набором панельных данных за данный год) товарооборот взаимной торговли стран ЕАЭС не зависел от размера экономик (величины ВВП).

Проблема заключается в том, что выделенные в результате анализа переменные –затраты на транспортировку продукции и численность населения, по сути являются константой, поскольку изменяются крайне медленно, что существенно снижает предсказательные возможности модели.

В данной статье предпринята попытка оптимизировать частичную гравитационную модель (ЧГМ) взаимной торговли в рамках ЕАЭС по двум направлениям: 1) создать ЧГМ для 2015-18 гг., посмотреть как изменяются предсказания модели в зависимости от набора панельных данных за тот или иной год функционирования ЕАЭС; 2) принять численность населения государств-членов ЕАЭС за фиктивную переменную и вывести ее из модели.

Таким образом, цель работы – используя гравитационное уравнение эмпирически проверить взаимосвязь между объемами взаимной торговли и формированием межрегионального интеграционного объединения (ЕАЭС) в четырех временных интервалах.

Методология исследования

Существуют различные варианты гравитационных моделей, в которых в качестве переменных используются показатели численности населения, площади стран, протяженности границы, а также фиктивные переменные, отвечающие за социально-политические, климатические и другие различия. Таким образом, гравитационные модели определяют зависимость однонаправленного внешнеторгового потока от параметров внутриэкономического состояния как страны-экспортера, так и страны-импортера [1].

В данной работе в качестве базовой выступает модель Х. Линнемана, которая предполагает, что торговля зависит также от политических и культурных факторов, от того, являются ли страны соседями, от наличия ресурсов и др. Этот метод позволяет спрогнозировать потенциальные долгосрочные торговые потоки [2, с.135].

Модель Х. Линнемана имеет вид:

$$Y_{ij} = a_0 * Y_i^{a1} * Y_j^{a2} * N_i^{a3} * N_j^{a4} * D_{ij}^{a5} * A_{ij}^{a6} * P_{ij}^{a7} * \epsilon$$

где X_{ij} – стоимость торгового потока из страны i в страну j ; Y_i, Y_j – показатели, характеризующие номинальные ВВП соответствующих стран, в национальной валюте; D_{ij} – физическая удаленность экономических центров стран i и j , км; N_i, N_j – численность населения в данном государстве; A_{ij} – любой другой фактор, благоприятствующий либо препятствующий торговле (например, наличие границ либо антидемпинговых режимов в одной из стран); P_{ij} – торговые предпочтения, существующие

между государствами (в случае отсутствия преференциальных соглашений $P_{ij} = 1$, в противном случае $P_{ij} = 2$); $a_1, a_2, a_3, a_4, a_5, a_6, a_7$ – коэффициенты эластичности экспорта соответственно от ВВП страны-экспортера, ВВП страны-импортера, численности населения страны i , численности населения страны j , расстояния между странами, любого другого фактора и торговых преференции; a_0 – свободный член уравнения; ε – случайная ошибка.

Поскольку параметры A_{ij} и P_{ij} для всех стран интеграционного объединения одинаковы (в соответствии с докладом Евразийского экономического союза «Барьеры, изъятия и ограничения» [5]), а переменные N_i и N_j являются константой в кратко- и среднесрочном периоде, то мы удалим эти фиктивные переменные, а само уравнение примет следующий вид:

$$Y_{ij} = a_0 * Y_i^{a_1} * Y_j^{a_2} * D_{ij}^{a_5} * \varepsilon$$

Исходные данные для оценки модели приведены в таблице 1-4.

Основная часть

Таблица 1 – Данные для построения частичной гравитационной модели в рамках ЕАЭС, 2015 г.

Страны i, j	Стоимость торгового потока из страны i в страну j долл. США	Показатели, характеризующие номинальные ВВП соответствующих стран Y_i , в тыс. долл. США (в постоянных ценах 2010 г.)	Показатели, характеризующие номинальные ВВП соответствующих стран Y_j , в тыс. долл. США (в постоянных ценах 2010 г.)	D_{ij} – физическая удаленность экономических центров стран i и j , км
Россия-Беларусь	15 603 673 050	1,651,760.99	62,116,943.62	675
Россия-Казахстан	10 866 144 235	1,651,760.100	186,260,298.08	2273
Россия-Армения	1 050 935 386	1,651,760.101	11,479,040.58	1804
Россия-Киргизия	1 300 418 799	1,651,760.102	6,075,305.13	2990
Беларусь-Россия	10 399 506 419	62,116,943.62	1,651,760.99	675
Беларусь-Казахстан	525 079 502	62,116,943.63	186,260,298.08	2937
Беларусь-Армения	27 807 016	62,116,943.64	11,479,040.58	1984
Беларусь-Киргизия	55 381 561	62,116,943.65	6,075,305.13	3607
Казахстан-Россия	4 547 555 463	186,260,298.08	1,651,760.99	2273
Казахстан-Беларусь	53 488 564	186,260,298.09	62,116,943.62	2937
Казахстан-Армения	716 416	186,260,298.10	11,479,040.58	2407
Казахстан-Киргизия	518 553 308	186,260,298.11	6,075,305.13	948
Армения-Киргизия	370 925	11,479,040.58	6,075,305.14	2510
Армения-Россия	244 892 851	11,479,040.59	1,651,760.99	1804
Армения-Беларусь	6 810 350	11,479,040.60	62,116,943.62	1984

Страны i, j	Стоимость торгового потока из страны i в страну j долл. США	Показатели, характеризующие номинальные ВВП соответствующих стран Y_i , в тыс. долл. США (в постоянных ценах 2010 г.)	Показатели, характеризующие номинальные ВВП соответствующих стран Y_j , в тыс. долл. США (в постоянных ценах 2010 г.)	D_{ij} – физическая удаленность экономических центров стран i и j , км
Армения-Казахстан	4 165 920	11,479,040.61	186,260,298.08	2407
Киргизия-Россия	166 843 753	6,075,305.13	1,651,760.99	2990
Киргизия-Беларусь	5 612 958	6,075,305.14	62,116,943.62	3607
Киргизия-Казахстан	237 552 358	6,075,305.15	186,260,298.08	948
Киргизия-Армения	169 918	6,075,305.16	11,479,040.58	2510

Источник: приведено по [3, 4]

Таблица 2 – Данные для построения частичной гравитационной модели в рамках ЕАЭС, 2016 г.

Страны i, j	Стоимость торгового потока из страны i в страну j долл. США	Показатели, характеризующие номинальные ВВП соответствующих стран Y_i , в тыс. долл. США (в постоянных ценах 2010 г.)	Показатели, характеризующие номинальные ВВП соответствующих стран Y_j , в тыс. долл. США (в постоянных ценах 2010 г.)	D_{ij} – физическая удаленность экономических центров стран i и j , км
Россия-Беларусь	15 248 776 985	1,657,199.92	60,547.59	675
Россия-Казахстан	9 560 398 905	1,657,199.93	188,309.16	2273
Россия-Армения	962 526 264	1,657,199.94	11,502.00	1804
Россия-Киргизия	1 032 619 472	1,657,199.95	6,336.54	2990
Беларусь-Россия	10 950 157 585	60,547.59	1,657,199.92	675
Беларусь-Казахстан	363 946 335	60,547.60	188,309.16	2937
Беларусь-Армения	21 997 082	60,547.61	11,502.00	1984
Беларусь-Киргизия	48 696 342	60,547.62	6,336.54	3607
Казахстан-Россия	3 445 176 789	188,309.16	1,657,199.92	2273
Казахстан-Беларусь	47 202 461	188,309.17	60,547.59	2937
Казахстан-Армения	560 433	188,309.18	11,502.00	2407

Страны i, j	Стоимость торгового потока из страны i в страну j долл. США	Показатели, характеризующие номинальные ВВП соответствующих стран Y_i , в тыс. долл. США (в постоянных ценах 2010 г.)	Показатели, характеризующие номинальные ВВП соответствующих стран Y_j , в тыс. долл. США (в постоянных ценах 2010 г.)	D_{ij} – физическая удаленность экономических центров стран i и j , км
Казахстан-Киргизия	437 224 357	188,309.19	6,336.54	948
Армения-Киргизия	1 036 631	11,502.00	6,336.55	2510
Армения-Россия	374 470 679	11,502.01	1,657,199.92	1804
Армения-Беларусь	13 412 323	11,502.02	60,547.59	1984
Армения-Казахстан	4 973 615	11,502.03	188,309.16	2407
Киргизия-Россия	178 406 600	6,336.54	1,657,199.92	2990
Киргизия-Беларусь	3 283 657	6,336.55	60,547.59	3607
Киргизия-Казахстан	265 476 285	6,336.56	188,309.16	948
Киргизия-Армения	6 620	6,336.57	11,502.00	2510

Источник: приведено по [3, 4]

Таблица 3 – Данные для построения частичной гравитационной модели в рамках ЕАЭС, 2017 г.

Страны i, j	Стоимость торгового потока из страны i в страну j долл. США	Показатели, характеризующие номинальные ВВП соответствующих стран Y_i , в тыс. долл. США (в постоянных ценах 2010 г.)	Показатели, характеризующие номинальные ВВП соответствующих стран Y_j , в тыс. долл. США (в постоянных ценах 2010 г.)	D_{ij} – физическая удаленность экономических центров стран i и j , км
Россия-Беларусь	19 573 758 108	1,684,215.35	62,080.77	675
Россия-Казахстан	12 465 414 554	1,684,215.36	196,029.84	2273
Россия-Армения	1 247 014 264	1,684,215.37	12,364.65	1804
Россия-Киргизия	1 399 352 004	1,684,215.38	6,634.36	2990
Беларусь-Россия	12 900 756 425	62,080.77	1,684,215.35	675
Беларусь-Казахстан	592 286 378	62,080.78	196,029.84	2937
Беларусь-Армения	34 513 813	62,080.79	12,364.65	1984

Страны i, j	Стоимость торгового потока из страны i в страну j долл. США	Показатели, характеризующие номинальные ВВП соответствующих стран Y_i , в тыс. долл. США (в постоянных ценах 2010 г.)	Показатели, характеризующие номинальные ВВП соответствующих стран Y_j , в тыс. долл. США (в постоянных ценах 2010 г.)	D_{ij} – физическая удаленность экономических центров стран i и j , км
Беларусь-Киргизия	123 461 858	62,080.80	6,634.36	3607
Казахстан-Россия	4 639 035 367	196,029.84	1,684,215.35	2273
Казахстан-Беларусь	101 214 803	196,029.85	62,080.77	2937
Казахстан-Армения	5 569 123	196,029.86	12,364.65	2407
Казахстан-Киргизия	516 726 023	196,029.87	6,634.36	948
Армения-Киргизия	1 763 779	12,364.65	6,634.37	2510
Армения-Россия	557 256 204	12,364.66	1,684,215.35	1804
Армения-Беларусь	7 051 224	12,364.67	62,080.77	1984
Армения-Казахстан	4 928 197	12,364.68	196,029.84	2407
Киргизия-Россия	265 684 950	6,634.36	1,684,215.35	2990
Киргизия-Беларусь	7 083 935	6,634.37	62,080.77	3607
Киргизия-Казахстан	268 584 124	6,634.38	196,029.84	948
Киргизия-Армения	145 352	6,634.39	12,364.65	2510

Источник: приведено по [3, 4]

Таблица 3 – Данные для построения частичной гравитационной модели в рамках ЕАЭС, 201 г.

Страны i, j	Стоимость торгового потока из страны i в страну j долл. США	Показатели, характеризующие номинальные ВВП соответствующих стран Y_i , в тыс. долл. США (в постоянных ценах 2010 г.)	Показатели, характеризующие номинальные ВВП соответствующих стран Y_j , в тыс. долл. США (в постоянных ценах 2010 г.)	D_{ij} – физическая удаленность экономических центров стран i и j , км
Россия-Беларусь	22 922 996 005	1,657,553.77	59,662.50	675
Россия-Казахстан	13 041 170 715	1,657,553.77	170,538.87	2273
Россия-Армения	1 351 241 738	1,657,553.77	12,433.09	1804

Страны i, j	Стоимость торгового потока из страны i в страну j долл. США	Показатели, характеризующие номинальные ВВП соответствующих стран Y_i , в тыс. долл. США (в постоянных ценах 2010 г.)	Показатели, характеризующие номинальные ВВП соответствующих стран Y_j , в тыс. долл. США (в постоянных ценах 2010 г.)	D_{ij} – физическая удаленность экономических центров стран i и j , км
Россия-Киргизия	1 637 983 944	1,657,553.77	8,092.84	2990
Беларусь-Россия	12 990 694 253	59,662.50	1,657,553.77	675
Беларусь-Казахстан	783 483 303	59,662.50	170,538.87	2937
Беларусь-Армения	37 533 073	59,662.50	12,433.09	1984
Беларусь-Киргизия	120 520 931	59,662.50	8,092.84	3607
Казахстан-Россия	5 279 873 882	170,538.87	1,657,553.77	2273
Казахстан-Беларусь	105 087 871	170,538.87	59,662.50	2937
Казахстан-Армения	4 926 698	170,538.87	12,433.09	2407
Казахстан-Киргизия	656 886 726	170,538.87	8,092.84	948
Армения-Киргизия	970 535	12,433.09	8,092.84	2510
Армения-Россия	665 768 599	12,433.09	1,657,553.77	1804
Армения-Беларусь	11 942 881	12,433.09	59,662.50	1984
Армения-Казахстан	9 791 592	12,433.09	170,538.87	2407
Киргизия-Россия	358 178 292	8,092.84	1,657,553.77	2990
Киргизия-Беларусь	12 051 776	8,092.84	59,662.50	3607
Киргизия-Казахстан	270 289 153	8,092.84	170,538.87	948
Киргизия-Армения	130 703	8,092.84	12,433.09	2510

Источник: приведено по [3, 4]

Приведем результаты оценки параметров частичной гравитационной модели стран ЕАЭС (в интерпретации модели Линнемана), полученные с помощью программного продукта «R-Studio» за 2015-18 гг.

На первом этапе исследования проведем визуальный анализ зависимостей между внешнеторговым оборотом взаимной торговли стран ЕАЭС и параметрами гравитационной модели за 2015-2018 гг. (см. рис. 1-4).

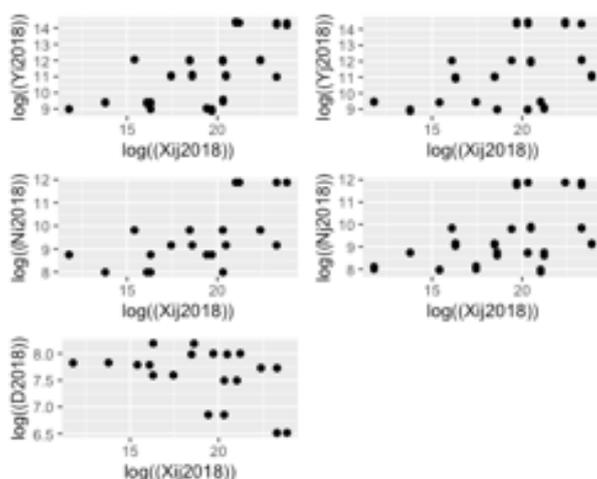

Рисунок 1. Диаграмма рассеивания между внешнеторговым оборотом взаимной торговли стран ЕАЭС и параметрами гравитационной модели, 2018 г. Источник: построено авторами

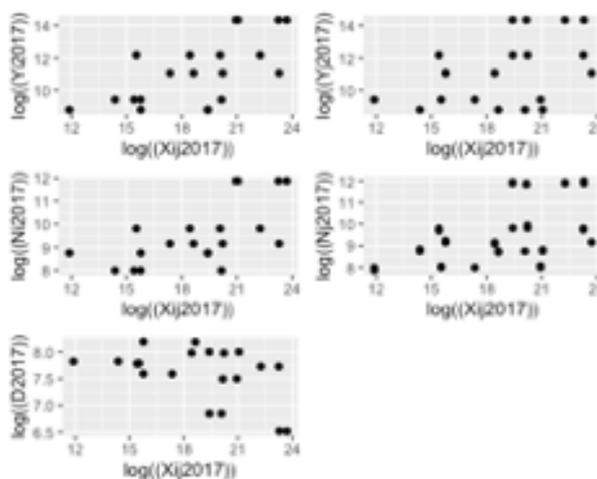

Рисунок 2. Диаграмма рассеивания между внешнеторговым оборотом взаимной торговли стран ЕАЭС и параметрами гравитационной модели, 2017 г. Источник: построено авторами

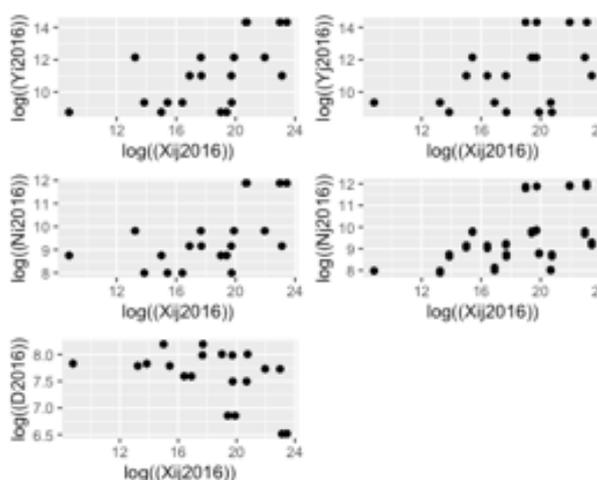

Рисунок 3. Диаграмма рассеивания между внешнеторговым оборотом взаимной торговли стран ЕАЭС и параметрами гравитационной модели, 2016 г. Источник: построено авторами

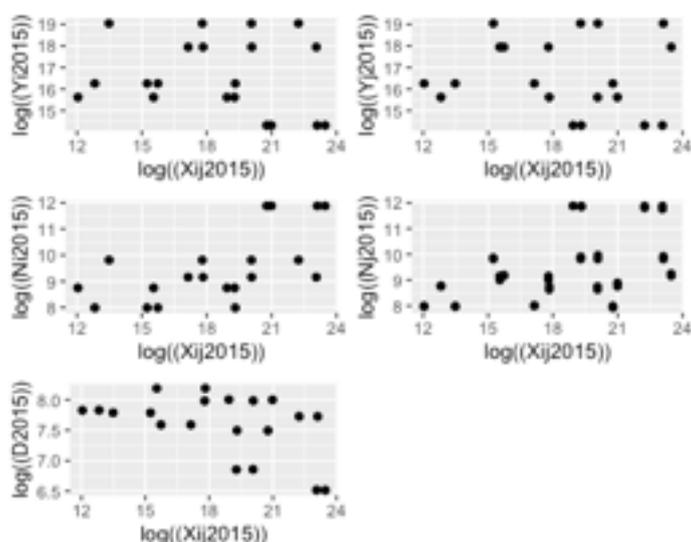

Рисунок 4. Диаграмма рассеивания между внешнеторговым оборотом взаимной торговли стран ЕАЭС и параметрами гравитационной модели, 2015 г. Источник: построено авторами

Результаты оценки параметров гравитационной модели для 2018 года

В этом году модель будет иметь вид:

$$X_{ij} = 62,2 Y_i^{1,24} Y_j^{1,028} D^{-1,33}$$

Данное уравнение значимо, поскольку коэффициент $R=0,8$ (данный коэффициент показывает, что более 80% дисперсии результативного признака объясняется влиянием независимых переменных).

```
## [1] «2018»
M <- lm(log(Xij2018)~log(Yi2018)+log(Yj2018)+log(D2018))
summary(M)
##
## Call:
## lm(formula = log(Xij2018) ~ log(Yi2018) + log(Yj2018) + log(D2018))
##
## Residuals:
##      Min       1Q   Median       3Q      Max
## -2.6760 -0.6034 -0.1792  0.9741  2.7889
##
## Coefficients:
##              Estimate Std. Error t value Pr(>|t|)
## (Intercept)    4.1142     6.8472   0.601   0.556
## log(Yi2018)    1.2361     0.1784   6.930 3.39e-06 ***
## log(Yj2018)    1.0028     0.1784   5.622 3.82e-05 ***
## log(D2018)   -1.3324     0.6753  -1.973  0.066 .
## ---
## Signif. codes:  0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1
##
## Residual standard error: 1.438 on 16 degrees of freedom
## Multiple R-squared:  0.8388, Adjusted R-squared:  0.8086
## F-statistic: 27.75 on 3 and 16 DF, p-value: 1.408e-06
```

Для проверки нормальности распределения можно использовать Q-Q-диаграмму (см. рис. 5).

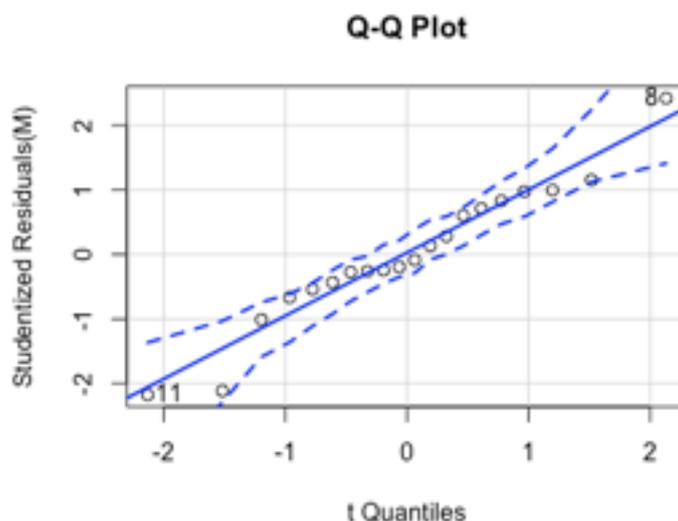

Рисунок 5. Диаграмма проверки нормальности распределения остатков гравитационной модели, 2018 г. Источник: построено авторами

Данные, представленные на рисунке 5 показывают, что данные хорошо укладываются в 95%-ные доверительные границы, следовательно, – требование нормального распределения выполняется достаточно хорошо.

Наличие нелинейной связи между зависимой и независимыми переменными можно проверить при помощи диаграмм компонент и остатков (также известных под названием диаграммы частных остатков). Они помогают найти любые систематические отклонения от заданной линейной модели.

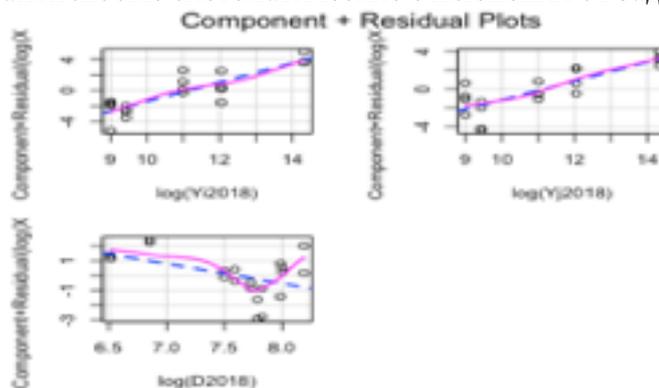

Рисунок 6. Диаграмма компонент и остатков гравитационной модели, 2018 г. Источник: построено авторами

Данные, представленные на рисунке 6 подтверждают, что требование линейности соблюдено. Вид линейной модели подходит для данного набора данных.

Далее проведем общую проверку выполнения требований, предъявляемых к линейным моделям наряду с отдельной оценкой асимметрии, эксцесса и гомоскедастичности. Другими словами, этот тест дает общее заключение (подходит/не подходит) о выполнении требований, лежащих в основе модели.

ASSESSMENT OF THE LINEAR MODEL ASSUMPTIONS

```
## USING THE GLOBAL TEST ON 4 DEGREES-OF-FREEDOM:
## Level of Significance = 0.05
##
## Call:
## gvlma(x = M)
##
##              Value p-value              Decision
## Global Stat    2.578725 0.6306 Assumptions acceptable.
## Skewness       0.098880 0.7532 Assumptions acceptable.
## Kurtosis       0.001142 0.9730 Assumptions acceptable.
## Link Function  1.416430 0.2340 Assumptions acceptable.
## Heteroscedasticity 1.062273 0.3027 Assumptions acceptable.
```

Из результатов теста (строка Global Stat) следует, что данные удовлетворяют всем статистическим допущениям, лежащим в основе МНК-регрессии ($p = 0.63$).

Результаты оценки параметров гравитационной модели для 2017 года

В этом году модель будет иметь вид:

$$X_{ij} = 507,7 Y_i^{1,18} Y_j^{0,091} D^{-1,42}$$

Данное уравнение значимо, поскольку коэффициент $R = 0,8$ (данный коэффициент показывает, что более 80% дисперсии результативного признака объясняется влиянием независимых переменных).

```
## [1] «2017»
M <- lm(log(Xij2017)~log(Yi2017)+log(Yj2017)+log(D2017))
summary(M)
##
## Call:
## lm(formula = log(Xij2017) ~ log(Yi2017) + log(Yj2017) + log(D2017))
##
## Residuals:
##      Min       1Q   Median       3Q      Max
## -2.6921 -0.6150  0.1096  1.0509  2.9157
##
## Coefficients:
##              Estimate Std. Error t value Pr(>|t|)
## (Intercept)    6.2309     6.9241   0.900   0.3815
## log(Yi2017)    1.1896     0.1764   6.744 4.71e-06 ***
## log(Yj2017)    0.9092     0.1764   5.155 9.59e-05 ***
## log(D2017)   -1.4218     0.6904  -2.059  0.0561 .
## ---
## Signif. codes:  0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1
##
## Residual standard error: 1.47 on 16 degrees of freedom
## Multiple R-squared:  0.8284, Adjusted R-squared:  0.7963
## F-statistic: 25.76 on 3 and 16 DF, p-value: 2.305e-06
```

Для проверки нормальности распределения можно использовать Q-Q-диаграмму (см. рис. 7).

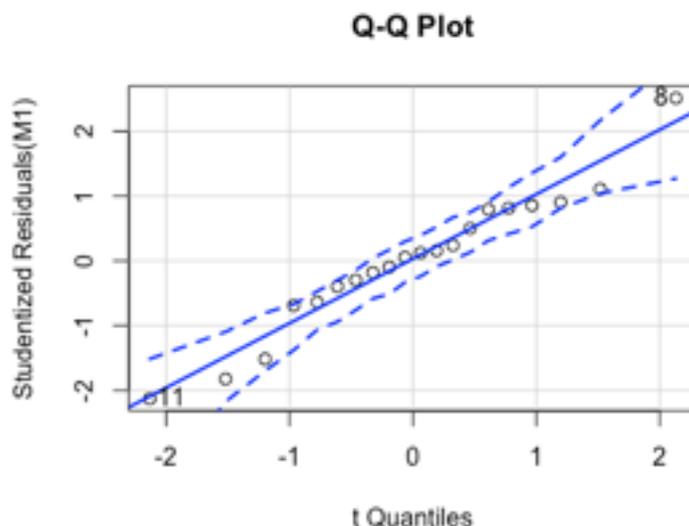

Рисунок 7. Диаграмма проверки нормальности распределения остатков гравитационной модели, 2017 г. Источник: построено авторами

Данные, представленные на рисунке 7 показывают, что данные хорошо укладываются в 95%-ные доверительные границы, следовательно, – требование нормального распределения выполняется достаточно хорошо.

Наличие нелинейной связи между зависимой и независимыми переменными можно проверить при помощи диаграмм компонент и остатков (также известных под названием диаграммы частных остатков). Они помогают найти любые систематические отклонения от заданной линейной модели.

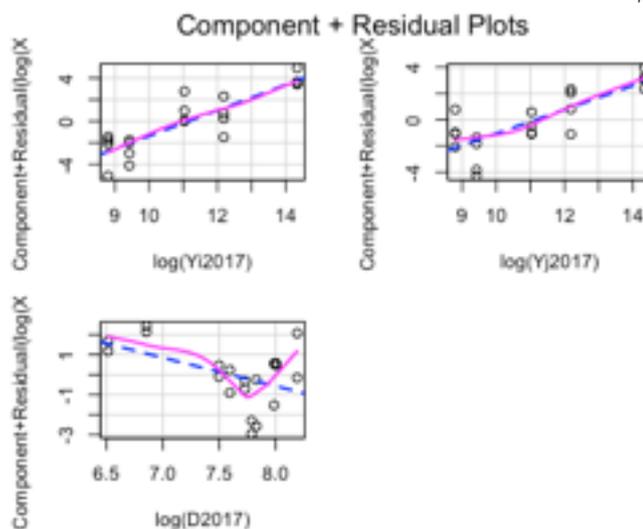

Рисунок 8. Диаграмма компонент и остатков гравитационной модели, 2017 г. Источник: построено авторами

Данные, представленные на рисунке 8 подтверждают, что требование линейности соблюдено. Вид линейной модели подходит для данного набора данных.

Далее проведем общую проверку выполнения требований, предъявляемых к линейным моделям наряду с отдельной оценкой асимметрии, эксцесса и гомоскедастичности. Другими словами, этот

тест дает общее заключение (подходит/не подходит) о выполнении требований, лежащих в основе модели.

```
## ## ASSESSMENT OF THE LINEAR MODEL ASSUMPTIONS
## USING THE GLOBAL TEST ON 4 DEGREES-OF-FREEDOM:
## Level of Significance = 0.05
##
## Call:
## gvlma(x = M1)
##
##              Value p-value              Decision
## Global Stat   1.772e+00  0.7776 Assumptions acceptable.
## Skewness      1.092e-01  0.7410 Assumptions acceptable.
## Kurtosis      2.719e-05  0.9958 Assumptions acceptable.
## Link Function  4.779e-01  0.4894 Assumptions acceptable.
## Heteroscedasticity 1.185e+00  0.2764 Assumptions acceptable
```

Из результатов теста (строка Global Stat) следует, что данные удовлетворяют всем статистическим допущениям, лежащим в основе МНК-регрессии ($p = 0.77$).

Результаты оценки параметров гравитационной модели для 2016 года

В этом году модель будет иметь вид:

$$X_{ij} = 523,22 Y_i^{1,24} Y_j^{1,037} D^{-1,7603}$$

Данное уравнение значимо, поскольку коэффициент $R^2=0,7$ (данный коэффициент показывает, что более 70% дисперсии результативного признака объясняется влиянием независимых переменных).

```
## [1] «2016»
M <- lm(log(Xij2016)~log(Yi2016)+log(Yj2016)+log(D2016))
summary(M)
##
## Call:
## lm(formula = log(Xij2016) ~ log(Yi2016) + log(Yj2016) + log(D2016))
##
## Residuals:
##      Min       1Q   Median       3Q      Max
## -4.3045 -0.6478  0.2933  1.0797  3.0414
##
## Coefficients:
##              Estimate Std. Error t value Pr(>|t|)
## (Intercept)   6.2674     9.1712   0.683 0.504143
## log(Yi2016)   1.2468     0.2327   5.358 6.41e-05 ***
## log(Yj2016)   1.0374     0.2327   4.458 0.000397 ***
## log(D2016)   -1.7603     0.9175  -1.919 0.073049 .
## ---
## Signif. codes:  0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1
##
## Residual standard error: 1.954 on 16 degrees of freedom
## Multiple R-squared:  0.7706, Adjusted R-squared:  0.7275
## F-statistic: 17.91 on 3 and 16 DF, p-value: 2.287e-05
```

Для проверки нормальности распределения можно использовать Q-Q-диаграмму (см. рис. 9).

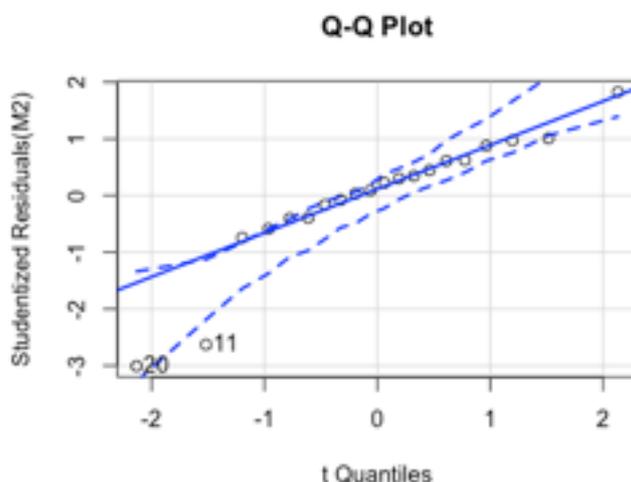

Рисунок 9. Диаграмма проверки нормальности распределения остатков гравитационной модели, 2016 г. Источник: построено авторами

Из данной диаграммы видно, что данные достаточно хорошо укладываются в 95%-ные доверительные границы хотя есть и выбросы, это значит, что требование нормального распределения выполняется достаточно хорошо.

Наличие нелинейной связи между зависимой и независимыми переменными можно проверить при помощи диаграмм компонент и остатков (также известных под названием диаграммы частных остатков). Они помогают найти любые систематические отклонения от заданной линейной модели.

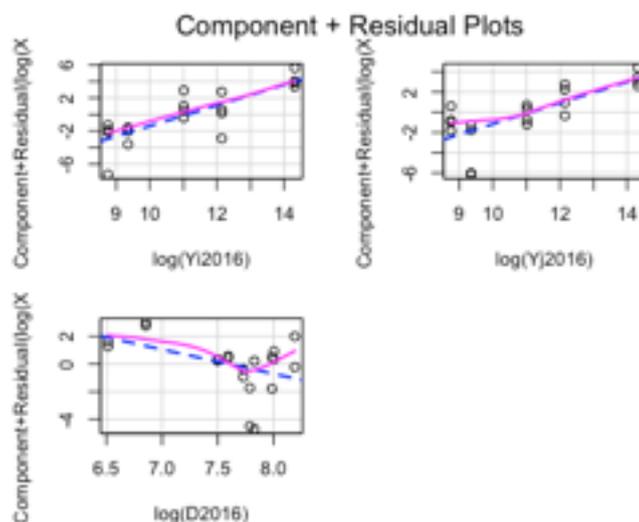

Рисунок 10. Диаграмма компонент и остатков гравитационной модели, 2016 г. Источник: построено авторами

Данные, представленные на рисунке 10 подтверждают, что требование линейности соблюдено. Вид линейной модели подходит для данного набора данных.

Далее проведем общую проверку выполнения требований, предъявляемых к линейным моделям наряду с отдельной оценкой асимметрии, эксцесса и гомоскедастичности. Другими словами, этот тест дает общее заключение (подходит/не подходит) о выполнении требований, лежащих в основе модели.

```
##
## ASSESSMENT OF THE LINEAR MODEL ASSUMPTIONS
## USING THE GLOBAL TEST ON 4 DEGREES-OF-FREEDOM:
## Level of Significance = 0.05
##
## Call:
## gvlma(x = M2)
##
##
##              Value p-value              Decision
## Global Stat      8.5232 0.07419 Assumptions acceptable.
## Skewness         3.7127 0.05400 Assumptions acceptable.
## Kurtosis         0.9668 0.32548 Assumptions acceptable.
## Link Function    1.1389 0.28589 Assumptions acceptable.
## Heteroscedasticity 2.7049 0.10004 Assumptions acceptable
```

Из результатов теста (строка Global Stat) следует, что данные удовлетворяют всем статистическим допущениям, лежащим в основе МНК-регрессии ($p = 0.74$).

Результаты оценки параметров гравитационной модели для 2015 года

Уравнение для данного года незначимо, поскольку коэффициент $R^2=0,12$ (данный коэффициент показывает, что лишь около 12% дисперсии результативного признака объясняется влиянием независимых переменных)..

```
## [1] «2015»
M <- lm(log(Xij2015)~log(Yi2015)+log(Yj2015)+log(D2015))
summary(M)
##
## Call:
## lm(formula = log(Xij2015) ~ log(Yi2015) + log(Yj2015) + log(D2015))
##
## Residuals:
##      Min       1Q   Median       3Q      Max
## -6.0565 -1.5869  0.4976  1.4873  4.8417
##
## Coefficients:
##              Estimate Std. Error t value Pr(>|t|)
## (Intercept)  50.8605     15.6605   3.248  0.00505 **
## log(Yi2015)  -0.3032     0.4483  -0.676  0.50855
## log(Yj2015)  -0.1945     0.4483  -0.434  0.67011
## log(D2015)   -3.1762     1.4547  -2.183  0.04424 *
## ---
## Signif. codes:  0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1
##
## Residual standard error: 3.251 on 16 degrees of freedom
## Multiple R-squared:  0.2564, Adjusted R-squared:  0.117
```

F-statistic: 1.839 on 3 and 16 DF, p-value: 0.1807

Результаты проведенного исследования сведем в таблицу 5.

Годы	Const.	Y_i (ВВП)	Y_j (ВВП)	D (затраты на трансп.)	R^2
2018	61.20061	1.236144	1.002816	-1.332379	0.8086
2017	508.2228	1.18964	0.9092156	-1.421791	0.7963
2016	527.0954	1.246782	1.037435	-1.76031	0.7275
2015	Уравнение незначимо				

Обсуждение результатов исследования

Созданная частичная гравитационная модель взаимной торговли стран ЕАЭС показывает, что товарооборот в рамках интеграционного объединения в большей степени зависит от двух переменных: затрат на транспортировку (расстояние между центрами экономических интересов) и величины ВВП торгующих экономик.

Предсказания модели в разрезе 2018 г.:

- изменение ВВП (Y_i) на 1% приведет к изменению товарооборота в рамках ЕАЭС на 1.24%;
- изменение ВВП (Y_j) на 1% приведет к изменению товарооборота в рамках ЕАЭС на 1.003%;
- снижение транспортных издержек (D) на 1% приведет к росту товарооборота в рамках ЕАЭС на 1.33%.

Предсказания модели в разрезе 2017 г.:

- изменение ВВП (Y_i) на 1% приведет к изменению товарооборота в рамках ЕАЭС на 1.19%;
- изменение ВВП (Y_j) на 1% приведет к изменению товарооборота в рамках ЕАЭС на 0.9%;
- снижение транспортных издержек (D) на 1% приведет к росту товарооборота в рамках ЕАЭС на 1.42%.

Предсказания модели в разрезе 2016 г.:

- изменение ВВП (Y_i) на 1% приведет к изменению товарооборота в рамках ЕАЭС на 1.24%;
- изменение ВВП (Y_j) на 1% приведет к изменению товарооборота в рамках ЕАЭС на 1.037%;
- снижение транспортных издержек (D) на 1% приведет к росту товарооборота в рамках ЕАЭС на 1.76%.

Ограничения модели:

- используются номинальные, а не реальные показатели;
- рассматривается динамика только взаимной торговли стран ЕАЭС;
- из модели исключены фиктивные переменные – торговые предпочтения между странами, а также любые другие факторы, благоприятствующие либо препятствующие торговле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шкиотов С.В. Динамика товарооборота в ЕАЭС: верификация модели межрегиональной торговли П. Кругмана // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. №7 (Ч.1). – С. 156-158.
2. Евразийская экономическая комиссия. Статистика внешней и взаимной торговли. Внешняя торговля с третьими странами. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/default.aspx
3. Евразийская экономическая комиссия. Статистика внешней и взаимной торговли. Взаимная торговля. [Электрон. данные]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Pages/default.aspx

4. World Bank national accounts data [Электрон. данные]. – Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG>

5. Krugman P. Interregional and international trade: different causes, different trends? [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://iepecdg.com.br/uploads/artigos/INTERREGIONAL%20AND%20INTERNATIONAL%20TRADE.pdf>

ИНСТИТУТЫ ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ АКТИВАЦИИ ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №17-32-01163-ОГН «Дизайн институтов социальных инноваций как инструмент активизации гражданских инициатив».

Севастьянова Евгения Анатольевна

аспирант

Уральский федеральный университет,

Институт Экономики УрО РАН

г. Екатеринбург, Российская Федерация.

E-mail: sevastianova89@yandex.ru

Аннотация: Активное развитие социального сектора становится все более значимым при характеристике социально-экономической политики страны. Ключевое значение приобретает проблема заинтересованности граждан в принятии решений по оптимизации структур социального сектора и генерации социальных инноваций. На основе анализа теоретических и практических исследований, автором рассмотрено понятие «социальная инновация, инициированная гражданами», сформирована классификация социальных инноваций по критерию масштаба охвата. Выделены характерные роли для экономических агентов, принимающих участие в проектировании социальных инноваций, предложены этапы внедрения социальных инноваций в институциональную среду. В работе выделены институты поддержки социальных инноваций, обеспечивающие каждый этап проектирования социальных инноваций, представлены методы их внедрения, проведена систематизация институтов поддержки социальных инноваций на основе условий для развития гражданской ответственности и возможности участия граждан в генерации социальных инноваций, а также рассмотрены задачи данных институтов. Автором отмечена необходимость подкрепления заинтересованности граждан в проектировании социальных инноваций и проявлении гражданских инициатив, что позволит увеличить эффективность мер, принимаемых для улучшения социального климата в стране, а также усилить социальный эффект от внедрения инноваций в общественный сектор.

Ключевые слова: сектор общественных благ; институциональная среда общественных благ; социальные инновации; институты поддержки социальных инноваций.

JEL: A10;

THE INSTITUTES OF THE SUPPORT OF THE SOCIAL INNOVATIONS AS AN INSTRUMENT OF THE ACTIVATION THE CIVIL INITIATIVES

Sevastianova Evgenia Anatolievna

post-graduate student,

Ural Federal University,

Institute of Economics, Ural Branch of RAS,

Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract: An active development of the social sector of economics determines the description of the social and economic politics in Russia. The problem of gaining the interest of the citizens in decision-making about the optimization the structure of the social sector of economics, generation social innovations and projecting the institutional conditions of the social sector becomes very important. According to the analysis of the theoretical and practical researches the author shows the term “social innovation initiated by the citizens”, describes the categories of the social needs of the citizens and forms the classification of the social innovations by the scale of the coverage. The specific roles of the economic agents are allocated and described. The author proposes the stages of the introduction the social innovations into the institutional environment. The article allocates the institutes of the support of the social innovations which provides stages of the projecting the social innovations and the methods of implementation, shows the systematization of the institutes of the support of the social innovations based on the conditions of the development of the civil liability and the possibility of the participation of the citizens in projecting social innovations. The author notes the necessity of the reinforcement the interest of the citizens in

the projecting the social innovations and manifestation of the civil initiatives, that could substantially enlarge the efficiency of the measures undertaken for the improvement the social climate in our country and could enhance the social effect by the introduction the innovations into the social sector.

Keywords: : the public goods sector; the institutional environment of public goods; social innovations; institutes of the support of the social innovations.

Введение

Современное общество во всех без исключения сферах деятельности подвержено постоянным динамичным изменениям. Тенденция к модернизации в особенности характерна и актуальна для социально-экономической системы, а именно для общественного сектора и сектора общественных благ. Данные изменения носят как систематический, так и хаотичный, несистемный характер и представляют собой создание, проектирование и внедрение новых институтов общественных благ, модернизацию существующих институтов в рамках действующей институциональной среды.

В свою очередь, в основу институциональных преобразований сектора общественных благ все чаще закладывается понятие социальных инноваций, а объектами модернизации становятся, соответственно, институты поддержки социальных инноваций. Особая значимость институтов в контексте модернизации социальной среды обусловлена необходимостью регламентирования формально принятых правил и неформальных отношений в секторе общественных благ.

Так, одними из первых и основных институтов, регламентирующих социально-экономические взаимодействия капиталистического общества, представлены институты рынка или рыночных отношений, к числу которых можно отнести институты организации договорных отношений, институты развития инфраструктуры рынка, институты организации товарных и финансовых рынков. Институты рынка представляет собой совокупность норм и правил, созданных гражданами в обеспечение удовлетворения меняющихся в процессе эволюции потребностей и позволяющих регламентировать новый тип экономических отношений [1].

В отношении развития социальных инноваций следует уделять пристальное внимание институтам контрактных отношений. Для демократического общества характерна опора на институт социального контракта между государством и гражданами, который в своей основе состоит из нормативно-правовых регламентов, построен на принципах солидарности и взаимоподдержки [2].

В свою очередь, информационное общество, базирующееся на возможностях индивидов по приращению знания и использованию информации во всех сферах общественной деятельности и технологической сфере, сформировано на базе большого пласта институтов, нормирующих порядок получения и использования продуктов познавательной деятельности человека в социальной действительности. Нормы и правила, действующие в пространстве институциональной среды информационного общества, определяют вектор развития цифровой экономики, позволяющей использовать не только человеческие, но и информационные ресурсы современных технологических систем.

Создание социальных инноваций и нормирующих этот процесс институтов происходит при непосредственном участии граждан, государственного аппарата и предпринимателей, иницирующих различные проекты в социальной сфере. Участники процесса создания институтов социальных инноваций определены авторами как экономические агенты производства социальных инноваций.

Целью настоящего исследования является обоснование роли проектирования и развития институтов поддержки социальных инноваций для активации гражданских инициатив в социально-инновационной деятельности. Для достижения данной цели проведен анализ понятий социальной инновации, гражданской инициативы, сформирована процедура внедрения социальных инноваций в институциональную среду, обозначены институты поддержки социальных инноваций.

В развитие дальнейшего исследования необходимо обратиться к определениям понятий

«социальная инновация», «гражданская инициатива» и «институт поддержки социальных инноваций».

Теоретические основания проектирования институтов социальных инноваций и гражданских инициатив

Понятие «социальной инновации» в экономической литературе, как правило, используется в контексте генерируемых органами государственной власти мероприятий по повышению качества услуг социальной сферы и увеличению степени удовлетворенности населения предоставляемыми общественными благами [3]. Социальные инновации в этом аспекте представляют собой товары или услуги, предоставляемые населению в социальном секторе, а также некоторые нововведения в сочетаниях производственных факторов: блага, методы, технологии, рынки сбыта [4].

Ряд исследователей понимает под социальными инновациями особый инновационный метод освоения социального пространства, заключающийся в его технологизации. Таким образом, социальные инновации по своему смыслу приравниваются к понятию «социальных технологий» и представляют собой программу деятельности и саму деятельность по организации и модернизации социальной действительности, а также институциональные образования, сложившиеся на основе внедряемых механизмов социальных инноваций [5]. Социальная инновация представляется не только как направление или идейный толчок для развития определенных сфер социального сектора, но и как само изменение, происходящее в общественном секторе и увеличивающее производительность уже имеющихся в обществе ресурсов [6,7].

Анализ практики исследования социально-инновационных проектов, внедряемых в последние десятилетия, показал, что зачастую социальные инновации, инициированные «снизу», то есть инициированные гражданами, демонстрируют довольно высокий уровень эффективности при наличии необходимой поддержки [8]. В этой связи большую значимость приобретает исследование сущности гражданской инициативы.

Понятие «гражданская инициатива» определено как «форма коллективного волеизъявления граждан, посредством которой мнение определенной их группы доводится до компетентного государственного органа или органа местного самоуправления и требует его реагирования» [9]. Однако, в контексте генерации социальных инноваций уместно говорить о гражданской инициативе как способе выражения социальной активности индивидов по поводу назревших в общественной жизни противоречий. Интересным является подход к пониманию гражданских инициатив как средств саморазвития и самостоятельной реорганизации общественных структур: гражданские инициативы рождаются в социальной среде постоянно, носят местный характер и становятся механизмами выражения мнения активных граждан или социальных групп [10].

В целях настоящего исследования целесообразным является рассмотрение социальных инноваций в контексте оценки возможностей их генерации гражданами, создания стимулов для привлечения гражданских инициатив, то есть необходимо определить понятие социальных инноваций, инициированных гражданами.

Социальные инновации, инициированные гражданами, могут быть представлены как направления, идеи, векторы модернизации социального пространства, нацеленные на решение существующих проблем, максимизацию полезности от имеющихся в распоряжении граждан ресурсов и привлечение личной заинтересованности и гражданских инициатив в социальный сектор.

В зависимости от масштаба распространения социального эффекта от внедренной инновации степень вовлеченности экономических агентов в процесс их создания меняется. Так, на глобальном уровне интересы конкретного гражданина могут быть нивелированы в пользу интересов большинства, в то время как индивидуальные социальные инновации направлены на удовлетворение конкретного потребителя.

Рассмотрим особенности привлечения граждан в проектирование институтов социальных

инноваций более подробно.

Гражданские инициативы в проектировании институтов поддержки социальных инноваций

Отличительной особенностью инновационных проектов в социальной сфере становится принципиальное наличие социального эффекта от внедрения данной инновации в институциональную среду [11]. Этот факт определяет необходимость рассмотрения граждан, или же отдельных личностей, в процессе формирования социальной инновации. Несмотря на то, что граждане являются, по сути, потребителями продуктов социальных инноваций, они же в действительности способны максимально полно охарактеризовать текущее состояние конкретной социальной сферы и выдвинуть предложения по ее оптимизации и модернизации.

Ресурсы социальной сферы могут быть представлены не только физическими товарами или социальными услугами, но и человеческими ресурсами, полезность от использования, которых в общественном секторе сложно переоценить. Мобилизация стремлений населения к производству социальных инноваций должна быть основана на понимании мотивов, движущих отдельными гражданами и социальными группами при генерации социальных перемен.

Так, к примеру, стремления человека проявлять предпринимательскую активность в общественном секторе обусловлены окружающей его средой, рождающей, в некоторых случаях, стремление к известности, жажду к получению результата и социального эффекта, удовлетворение собственной гордости либо нивелирование эмоционального голода [12]. Кроме того, стремление к генерации и внедрению социальных проектов часто обусловлено конкретными проблемами в социальном секторе, с которыми граждане сталкиваются непосредственно в повседневной действительности. Инициативность, социальная и предпринимательская активность, стремление к самовыражению, организаторские способности – личностные качества, присущие гражданам, задействованным в производстве социально-инновационных проектов.

Институты поддержки социальных инноваций, соответственно, представляют собой нормы и правила, регламентирующие взаимоотношения экономических агентов по поводу разработки и внедрения инновационных проектов в существующее социальное пространство.

Формирование институтов поддержки социальных инноваций происходит при непосредственном участии граждан, потребности которых, с одной стороны, определяют направления развития инновационных проектов, с другой – позволяют охарактеризовать существующую социально-экономическую среду гражданского общества [13].

В качестве этапов формирования институциональных инновационных проектов в социальной сфере принято выделять следующие: формирование идеи инновационного проекта; формирование концепции продвижения идеи в потенциально перспективном сегменте социально-экономической действительности; вывод проекта в реализацию с учетом законодательно закрепленных институтов, неформальных институтов и имеющихся ресурсов [14]. Кроме того, в качестве отдельных этапов формирования социальных инноваций необходимо выделить этап получения социального эффекта от внедрения инновационного проекта и получение обратной связи от конечных потребителей социальных инноваций. Данная этапность позволяет выделить два уровня проектов: с одной стороны, это этап непосредственно институционального проектирования, с другой – этап внедрения социально-инновационного проекта.

Каждый из описанных выше этапов проектирования социальных инноваций обеспечивается соответствующими институтами поддержки социальных инноваций, представленными в таблице 1.

Как видно из таблицы, методы проектирования институтов социальных инноваций будут различаться в зависимости от заказчика социального проекта только на этапе разработки идеи преобразования в социальной сфере.

Таблица 1 – Институты поддержки социальных инноваций и методы их внедрения

Методы проектирования социальной инновации		
	Институты, инициированные сверху (государство)	Институты, инициированные снизу (граждане)
Этап 1. Формирование идеи инновационного проекта		
Институты планирования социальной инновации	Стратегическое планирование, планы развития, дорожные карты, атласы, сводные отчеты	Оценка текущего состояния институциональной среды социального сектора «изнутри», опросы граждан, сбор мнений заинтересованных граждан
Этап 2. Формирование концепции продвижения социальной инновации		
Институты регулирования производства социальной инновации	Анализ нормативно-правовой базы, проведение пленарных заседаний, собраний, обсуждений	Формирование инициативных организаций, специализирующихся на модернизации социального сектора
Этап 3. Вывод проекта в реализацию		
Институты производства социальной инновации	Внесение законодательных инициатив	Создание комитетов, клубов, обществ, организация демонстраций и митингов
Этап 4. Получение социального эффекта от внедрения инновационного проекта		
Институты потребления продукта социальной инновации	Доведение продукта социальной инновации до конечного потребителя: организация социальной рекламы, рассылки, уведомлений о внедрении социальной инновации	
Этап 5. Получение обратной связи от конечных потребителей социальных инноваций		
Институты мониторинга и контроля социального эффекта	Выявление реакции граждан на социальную инновацию: опросы, анкетирования, голосования	

Так, на этапе формирования идеи инновационного проекта в социальной сфере, инициируемой государством, на первый план выступает разработка стратегии производства и внедрения инновации в институциональную среду социального сектора, этот процесс достигается путем разработки стратегических планов социально-экономического развития, разработки дорожных карт, формировании прогностических атласов и сводных отчетов. В случае инициации преобразования гражданами, инновационная идея формируется скорее спонтанно, путем сбора мнений населения по поводу требуемых перемен. Здесь речь идет о проявлении населением гражданских инициатив.

После определения генеральной линии проектирования социальных инноваций, наступает этап формирования концепции инновационного преобразования, регламентируемый институтами регулирования производства социальных инноваций. В данном случае речь идет о необходимом изучении законодательных норм по вопросам внесения инициатив на рассмотрение, проведение собраний, заседаний, разработка основных положений социально-инновационного проекта.

На третьем этапе проектирования социальных инноваций готовый проект-предложение выводит на обсуждение в компетентные органы, либо же, в случае, если социальная инновация не затрагивает нормативные решения, проект выводится в непосредственную реализацию в существующей институциональной среде.

Четвертый этап, фактически, становится определяющим в вопросе успешности проведенной социальной инновации. Здесь граждане получают результат от проведенного преобразования, получают решение остро стоящего вопроса или создание нового элемента институциональной среды социального сектора. Для более эффективного информирования граждан о проведенном проекте, как правило, используются различные маркетинговые приемы, реклама в местах общественного пользования и в интернете, рассылка листовок и так далее.

На завершающем этапе проектирования социально-инновационного проекта заказчик и инициатор социальной инновации должны определить, насколько эффект, полученный от ее внедрения, удовлетворил текущие потребности населения в социальных изменениях. Для этого проводятся опросы, сбор общественного мнения, анкетирования.

Кроме того, подкрепление заинтересованности гражданского населения в генерации проектов социальных инноваций исходит и со стороны органов государственной власти, обеспечивающих реализацию прав граждан на проявление инициативы. В этой связи уместно выделить ряд проблем, а именно:

- несистемность и недостаточность норм, регулирующих проявление гражданских инициатив.
- недостаточная информированность граждан по поводу планируемых к проведению проектов.
- недостаточное развитие формальных институтов гражданских инициатив, а также практическая невозможность законодательного учета интересов спонтанно сформированных неформальных гражданских обществ [15].

Систематизация институтов поддержки социальных инноваций в социальном секторе

В ходе проведенного исследования автором проведена систематизация институтов поддержки социальных инноваций на основе условий для развития гражданской ответственности и возможности участия граждан в генерации социальных инноваций, выделенных И.В. Рукавишниковой (Таблица 2) [16].

Институты поддержки социальных инноваций выполняют задачи регулирования, планирования, производства, потребления и контроля генерации и внедрения инновационных социальных проектов. В зависимости от задачи и особенностей среды, в рамках которой формируются и внедряются социальные инновации, в процессе проектирования инновационных проектов принимают участие различные институты.

Таблица 2 – Институты поддержки социальных инноваций в социальном секторе

Особенности формирования социальных инноваций [15]	Задача институтов поддержки социальных инноваций	Институты поддержки социальных инноваций
Наличие правовой базы для создания и функционирования институтов гражданского общества	Регулирование нормативно-правовых основ социально-инновационной деятельности, планирование бюджета на развитие социального предпринимательства и партнерства, некоммерческих организаций	Институты законодательного обеспечения социальных инноваций, институты проектирования законотворческих инициатив

Особенности формирования социальных инноваций [15]	Задача институтов поддержки социальных инноваций	Институты поддержки социальных инноваций
Режим открытости и доступности информации о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления	Регулирование информационной открытости правовой информации, мониторинг продуктов социально-инновационного сектора, контроль использования бюджетных ресурсов	Институты распространения правовой информации, институты мониторинга и контроля информационных ресурсов
Действенный механизм антикоррупционной деятельности на всех уровнях	Регулирование предпринимательской деятельности в части производства социально-инновационных продуктов, контроль за бюджетным планированием	Институты контроля за деятельностью государственного аппарата, институты регулирования предпринимательской деятельности
Высокий уровень правовой культуры населения	Регулирование механизмов обеспечения правовой грамотности населения в части возможностей получения социально значимых товаров и услуг	Институты обеспечения правовой грамотности населения
Инициатива граждан, направленная на конструктивные действия	Потребление качественных товаров и услуг социального сектора, мониторинг предоставляемых гражданам возможностей	Институты поддержки гражданских инициатив, институты поддержки взаимодействия гражданского населения и органов государственной власти, институты гражданского контроля
Приемлемые условия государственно-частного партнерства	Регулирование законодательного обеспечения ГЧП, производство социально-инновационных продуктов с использованием механизмов ГЧП	Институты развития ГЧП, институты законодательного обеспечения ГЧП, институты реализации социально-инновационных продуктов
Взаимная социальная ответственность государства и населения	Планирование социально-инновационного развития региона с точки зрения обеспечения взаимных интересов граждан и органов власти	Институты развития социального партнерства, институты межличностных коммуникаций в социальном секторе, институты поддержки государственных и гражданских инициатив в социальном секторе

Особенности формирования социальных инноваций [15]	Задача институтов поддержки социальных инноваций	Институты поддержки социальных инноваций
Наличие независимых средств массовой информации	Мониторинг деятельности по производству социальных благ, а также общественного мнения	Институты контроля за деятельностью СМИ, институты обеспечения доступности информационных ресурсов
Поступательное экономическое развитие	Планирование социально-инновационного развития, производство, потребление продуктов социально-инновационного развития, мониторинг качества предоставляемых социальных услуг	Институты планирования социально-экономического развития страны и регионов

Так, задачи планирования и регулирования социально-инновационного развития, законодательного обеспечения внедрения социальных инноваций решаются при помощи институтов проектирования законодательских инициатив, регулирования предпринимательской деятельности, поддержки государственных и гражданских инициатив в социальном секторе, законодательного обеспечения социальных инноваций, распространения правовой информации, обеспечения правовой грамотности населения, развития и законодательного обеспечения ГЧП, планирования социально-экономического развития страны и регионов.

Задачи производства и потребления продуктов социальных инноваций могут быть урегулированы с участием таких институтов поддержки социальных инноваций, как институты реализации социально-инновационных продуктов, развития социального партнерства, институты межличностных коммуникаций в социальном секторе.

Контроль и мониторинг социального эффекта производится с помощью институтов мониторинга и контроля информационных ресурсов, контроля за деятельностью государственного аппарата, контроля за деятельностью СМИ, обеспечения доступности информационных ресурсов.

Безусловно, число институтов поддержки социальных инноваций не ограничивается перечисленными выше и постоянно обновляется, дополняется, видоизменяется и структурируется.

Создание и донесение гражданской инициативы до органов законодательной власти возможно двумя путями. С одной стороны, имеет место направление оформленного по всем юридическим нормам законопроекта в соответствующую инстанцию органов законодательной власти. С другой стороны, инициатором социальной инновации может быть направлено предложение, характеризующее смысл модернизации, ее основные положения и предполагаемый эффект. С третьей стороны, социальная инновация может быть предложена безотносительно ее внедрения в нормативно-правовые документы и быть нацелена на повышение качества конкретного социального процесса в конкретной институциональной среде [17].

В первом случае гражданам, зачастую не имеющим достаточных юридических компетенций, необходима грамотная консультативная помощь. Для этой цели создаются соответствующие организации, интернет-порталы и онлайн-консультации. Второй вариант доведения проекта социальной инновации до законодательных структур проще и доступен даже гражданам, не имеющим специального образования. Третий вариант расширяет поле деятельности социально активных граждан и позволяет выявить исключительно гражданский, народный пласт социальных инноваций и инициатив, не требующих от населения взаимодействия с органами власти. В любом

из вариантов, инновации в социальной сфере становятся способами превентивного решения назревающих недовольств и конфликтных ситуаций, возникающих в случае неудовлетворенности населения конкретными формами общественной жизни. Такие формы выражения гражданских инициатив способны также создавать новые институты поддержки социальных инноваций либо же модернизировать уже существующие.

Гражданская инициатива является, фактически, ответом личности и общества на изменяющиеся условия институциональной среды социальной сферы, а также на изменение политической обстановки в государстве.

Участие граждан и генерация ими социально-инновационных проектов могут быть организованы методами информирования, опросов, организации публичных слушаний, фокус-групп, совместного моделирования, вовлечения и сотрудничества [18]. В исследовании А.С. Перезоловой в качестве примера такой практики приведена площадка конференции «Участие гражданского общества в становлении системы обращения Твердых Бытовых Отходов в России», а также движение «Красивый Петербург», в рамках которого гражданами иницируются изменения качества и доступности городской среды. Активисты движений за благоустройство городов России помогают инициативным гражданам правильно составлять обращения в местные органы самоуправления, создают интернет-порталы для наглядности проводимой работы и для возможностей беспрепятственного получения информации о деятельности движений любым заинтересованным гражданином [17].

Стоит упомянуть небезызвестное Агентство стратегических инициатив, созданное под эгидой правительства Российской Федерации в 2011 году и нацеленное на помощь предпринимателям, инициативным гражданам в реализации перспективных социально-инновационных проектов. Агентство поддерживает гражданские инициативы и координирует взаимодействие граждан с органами власти, финансовыми структурами, проводит разъяснительную работу в части законодательного подкрепления гражданских инициатив.

Деятельность Общественной палаты Российской Федерации направлена на проведение обсуждений предлагаемых к принятию законопроектов в социальной сфере, а также на вовлечение в законотворческую деятельность инициативных граждан, предпринимателей, представителей общественных объединений путем организации выездных площадок, форумов и заседаний.

Комитет гражданских инициатив является проектом федерального значения, в качестве основных задач его активисты выдвигают усиление демократических институтов и модернизацию страны. В числе реализованных проектов комитета крупные благотворительные акции, кампании по развитию отдаленных территорий и повышению исторической грамотности граждан, по усилению степени открытости средств массовой информации.

Зачастую гражданские инициативы выражаются в форме социального предпринимательства, под которым подразумевают деятельность в социальной сфере, направленную на производство общественно значимых товаров и услуг, основанную на самокупаемости и инициативности отдельных граждан. В отличие от рыночного предпринимательства, социальное предпринимательство в основе своей имеет направленную активность граждан на повышение уровня социальной жизни населения. Именно благодаря инициативности социальных предпринимателей возможно становление крупных общественных организаций, привлечение граждан в процессы модернизации социальной сферы. Примером таких организаций могут быть проекты клубов по интересам для различных категорий граждан, оказывающие поддержку группам населения, имеющим схожие общественные интересы. Такие организации в специальной литературе носят название «поддерживающих» гражданских инициатив. Наряду с ними, выделяют также «конфликтные» гражданские инициативы, возникающие как протест граждан на ущемляющие общественные интересы действия законодательных структур [19].

В данном контексте обостряется проблема усиления заинтересованности граждан в процессе

модернизации институциональной среды социального сектора, а именно проблема привлечения граждан к процессу создания социальных инноваций, усиления роли личности в генерации идей развития социального пространства. Решение данной проблемы лежит, в основе своей, в развитии институтов поддержки социальных инноваций, в расширении нормативно-правовой базы по вопросам проектирования социальных инноваций, в поиске возможностей по привлечению социально активных слоев населения к генерации перспективных социальных проектов. К числу конкретных предложений можно отнести повышение качества разработки социально-инновационных проектов, направленность на разнообразие инновационных проектов в конкретной части социальной сферы, усиление сотрудничества между государственными структурами, гражданами и производителями социальных инноваций, повышение профессионализма разработчиков социальных проектов.

Заключение

В ходе проведенного исследования с целью обоснования роли проектирования и развития институтов поддержки социальных инноваций для активации гражданских инициатив в социально-инновационной деятельности получены следующие результаты.

Во-первых, выявлена взаимосвязь понятия «гражданская инновация» и «социальная инициатива», рассмотрено понятие «социальная инновация, инициированная гражданами», описаны категории социальных потребностей граждан и сформирована классификация социальных инноваций по критерию масштаба охвата.

Во-вторых, в соответствии со специфическими ролями экономических агентов в процессе генерации социальных инноваций описаны этапы проектирования социальных инноваций в институциональной среде.

В-третьих, выделены институты поддержки социальных инноваций, обеспечивающие каждый этап проектирования социальных инноваций, а также представлены методы их внедрения.

В-четвертых, отмечена необходимость подкрепления заинтересованности граждан в проектировании социальных инноваций и проявлении гражданских инициатив. Проведена систематизация институтов поддержки социальных инноваций на основе условий для развития гражданской ответственности и возможности участия граждан в генерации социальных инноваций.

Вопрос активного участия граждан в социальной политике является ключевым в формировании здорового социально-экономического климата и комфортного взаимодействия населения и органов власти в общественном секторе. Дальнейшая проработка возможностей для реализации социальных проектов будет способствовать усилению степени заинтересованности граждан в общественной политике и получению социального эффекта от проводимых проектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. – М.: Дело, 1994. – 627 с.
2. Мацонашвили Т. Проблема перестройки социального государства в западной Европе / Т. Мацонашвили // Pro et Contra, 2001. – Том 6. – №3. – С.105-127.
3. Веретенникова А.Ю. Институты социально-инновационного развития общественного сектора / А.Ю. 3. Веретенникова А.Ю., И.С. Кац // Вестник Волгоградского государственного Университета. – 2015. – №3 (18). – С.6-18.
4. Кравчук П.Ф. Социальные инновации в стратегии модернизации российской экономики / П.Ф. Кравчук, В.А. Чемыхин // Личность. Культура. Общество. – 2012. – Том XIV. Вып.1. – № 69-70. – С. 241-246.
5. Садков В.Г. Социальные инновации в управлении процессами согласования интересов власти, бизнеса и общества / В.Г. Садков, О.Б. Кузнецова // Инновации. – 2007. – №5 (103). – С. 45- 47.
6. Попов Е.В. Многопараметрическая классификация социальных инноваций / Е.В. Попов, А.Ю.

Веретенникова, Ж.К. Омонов // Вестник УрФУ. – 2015. – Том 14. – №6. – С. 836-867.

7. Heiscala R. Social innovations: structural and power perspectives // Social innovations, Institutional Change and Economic Performance / Edited by T.J. Hamalainen, R. Hieskala. UK, USA: Edward Elgar Publishing, 2007. P. 52-79.

8. Попов Е.В. Многопараметрическая классификация социальных инноваций / Е.В. Попов, Ж.К. Омонов, А.Ю. Веретенникова // Вестник УрФУ. – 2015. – Том 14. – №6. – С. 836-867.

9. Ягодка Н.Н. Гражданская инициатива как фактор повышения эффективности государственного и муниципального управления в Российской Федерации / Н.Н. Ягодка // Вестник РУДН. – 2014. – №3. – С. 47-59.

10. Конобеева Е.А. Домашний детский сад: социальное предпринимательство или гражданская инициатива? / Е.А. Конобеева // Вопросы образования. – 2012. – №2. – С. 207-221.

11. Веретенникова А.Ю. Государственное регулирование общественных благ как механизм управления социальными инновациями. / А.Ю. Веретенникова // Вестник ЮРГТУ. – 2015. – №5. – С. 22-29.

12. Goss D. Entrepreneurship and ‘the social’: Towards a deferenceemotion theory // Human Relations. 2005. Vol. 58. No. 5. P. 617–636.

13. Севастьянова Е.А. Институтогенез в секторе локальных общественных благ / Е.А. Севастьянова // Журнал экономической теории. – 2017. – №4. – С. 266-269.

14. Васильев В.Л. Институциональные аспекты организации продвижения инновационного проекта на рынок / В.Л. Васильев, О.Н. Устюжанина, Р.Р. Шарипов // Инновации. – 2016. – №12 (218). – С.172-176.

15. Едкова Т.А. Государственные и общественные институты. / Т.А. Едкова, А.Н. Чертков, С.М. Зырянов // Журнал российского права. – 2013. – №11. – С. 111-122.

16. Рукавишников И.В. Гражданская инициатива как инструмент гражданского общества / И.В. Рукавишников // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2014. – №3 (46). – С. 66 – 71.

17. Макаренко А.С. Гражданская инициатива как фактор развития гражданского общества / А.С. Макаренко // Система ценностей современного общества. 2014. – №35. – С.97-101.

18. Перезолова А.С. Практики гражданского вовлечения в публичную политику и опыт управления гражданскими инициативами. / А.С. Перезолова // Вопросы управления. – 2015. – №5 (36). – С. 25-31.

19. Нагаева С.К. Перспективы гражданских инициатив в муниципальной социальной политике / С.К. Нагаева // Система ценностей современного общества. – 2010. – №14. – С.187-191.

ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА «РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТУРИЗМА»

Кирильчук Светлана Петровна

доктор экономических наук, профессор
Института экономики и управления (структурное подразделение) ФГБОУ ВО «Крымский федеральный университет им.
В.И. Вернадского»,
заведующий кафедрой «Экономика предприятия»,
г. Симферополь, Российская Федерация.
E-mail: skir12@yandex.ru

Музыка Александра Сергеевна

аспирант,
Института экономики и управления (структурное подразделение) ФГБОУ ВО «Крымский федеральный университет им.
В.И. Вернадского»,
кафедра «Экономика предприятия»,
г. Симферополь, Российская Федерация.
E-mail: muzyka29@mail.ru

Аннотация: В статье приводится обзор существующих дефиниций концепта «ресурсный потенциал туризма» в диахроническом аспекте зарубежных и отечественных исследований. Цель исследования состоит в попытке уточнения семантического поля экономики туризма в части термина «ресурсный потенциал туризма». Критически переосмысляются введенные определения концепции «ресурсный потенциал туризма» в ретроспективе отечественных и зарубежных исследователей. Предпринимается попытка построения междисциплинарной эволюции понятийного-категориального строя дефиниции «ресурсный потенциал туризма». При этом обнаружена существенная лакуна в терминологическом аппарате, которая обусловлена отсутствием дефиниционной унификации понятия «ресурсный потенциал туризма», окказиональным употреблением данного термина и наличием широкого синонимичного ряда.

Ключевые слова: ресурсный потенциал туризма, туристическо-рекреационного потенциала, туристические ресурсы, пространственное планирование, теоретическая экономика.

JEL: L89;

CONCEPTUALLY CATEGORIAL EVOLUTION OF THE TERM "TOURISM RESOURCE POTENTIAL"

Kirilchuk Svetlana Petrovna
Doctor of Economics, Professor
Head of the Enterprise Economics Department in Institute of Economics and Management (structural subdivision) at Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation

Muzyka Alexandra Sergeevna
post-graduate student of the Enterprise Economics Department in Institute of Economics and Management (structural subdivision) at Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation

Abstract: The article provides an overview of the existing definitions of the concept "tourism resource potential" in the diachronic aspect of foreign and domestic research. The purpose of the study is to try to clarify the semantic field of the tourism economy in terms of the concept "tourism resource potential". The introduced definitions of the concept "resource

potential of tourism” in retrospect of domestic and foreign researchers are critically reinterpreted. An attempt is being made to build an interdisciplinary evolution of the conceptual and categorical system of “resource potential of tourism”. At the same time, a significant lacuna was found in the terminological apparatus, which is due to the absence of the definitional unification of the notion “tourism resource potential”, occasional use of this term and the presence of a wide synonymous series.

Keywords: tourism resource potential, tourism recreation potential, tourism resources, spatial planning, theoretical economy.

В отечественной и зарубежной литературе понятию «ресурсный потенциал туризма» уделяется особое внимание, однако, единый терминологический аппарат в отношении данной категории отсутствует. Безусловно, дефиниционная унификация считается одной из главных проблем как в экономических, так и в других дисциплинарных исследованиях.

Цель исследования состоит в попытке уточнения семантического поля экономики туризма в части термина «ресурсный потенциал туризма».

Достижение поставленной цели обусловило необходимость решения следующих задач:

– рассмотрение и систематизация наиболее часто употребляемых формулировок понятия «ресурсный потенциал туризма» в диахроническом аспекте зарубежных и отечественных исследований

– построение эволюции понятийно-категориального строя дефиниции «ресурсный потенциал туризма».

– критическое переосмысление введенных определений концепции «ресурсный потенциал туризма» в ретроспективе отечественных и зарубежных исследователей.

Среди применяемых методов исследования следует отметить комплекс теоретических методов исследования, в т.ч. синтез-анализ, индукция-дедукция и дескриптивный метод.

Теоретическая экономия как новый виток эволюции экономической мысли непосредственным образом затрагивает не только экономическую науку в целом, но и отдельные ее аспекты в контексте диахронии, что созвучно с поставленной целью и задачами текущего исследования.

Так, например, рассмотрение эволюции развития и трансформации отношения к концепции «ресурсный потенциал туризма» находится, в том числе, в ведении параэкономики, которая занимает важное место в парадигме структуры экономической экономии, предложенной О.В. Корниенко. Сам автор описывает упоминаемое звено в схеме структуры следующим образом: «...раздел «параэкономика», как видно из названия, посвящен проблемам, лежащим на пересечении предметов экономической теории и других гуманитарных и естественных наук. Здесь может быть использован опыт институционалистов, практически создавших экономическую социологию; аспекты теорий общественного выбора и экономического империализма; экономическая теория использования пространства...» [1, с. 25].

Несомненно, концепцию теоретической экономии следует рассматривать как новый парадигмальный мейнстрим в экономической науке, который не только углубляет и структурирует имеющиеся положения и догматы в данной области знаний, но и подвигает иных ученых к критическому восприятию в процессе разработки собственных идей. Примером может служить построение понятийно-категориального строя в отношении фундаментальной единицы «конкурентные отношения», которая часто фигурирует в экономических работах отечественных и иностранных исследователей.

У.Ж. Алиев и Ж.Е. Шимшиков справедливо отмечают, что «...в переводной зарубежной и собственно русскоязычной литературе сложилась неоднозначность дефиниций основного круга понятийного аппарата конкурентных отношений» [2, с. 20], более того, некоторые употребляемые и вводимые понятия, находящиеся в данном концептуальном поле «...далеки от содержательной точности определения...» [2, с. 20], что актуализирует рассмотрение и решение сложившегося

концептуального «хаоса».

В.А. Гордеев резонно замечает, что в русле концепции теоретической экономии систематизация и критическое переосмысление как традиционно признанных, так имеющихся новейших формулировок, существующих дефиниционных единиц, представляется делом неоспоримой значимости, поскольку такого рода пересмотр теоретических знаний позволяет находить точки соприкосновения и, таким образом, формулировать более унифицированные понятия [3].

В данном исследовании предпринимается попытка критического переосмысления введенных определений концепции «ресурсный потенциал туризма» в ретроспективе отечественных и зарубежных исследователей, что напрямую перекликается с основными идеями теоретической экономии в отношении создания стройного порядка в семантическом поле экономических терминов.

В общем смысле под потенциалом (от лат. «*potentia*» – сила, возможность) понимают, как нераскрытые способности, нереализованные возможности и скрытые резервы, так и эксплицитные и имплицитные ресурсы, которые только предстоит задействовать [4].

В научных работах, посвященных изучению данного концепта, прослеживается следующая отчетливая тенденция в отношении понятий «туристический потенциал» и «туристические ресурсы»: либо их интеграция и синонимичное употребление, либо терминологическая дифференциация.

Т.Г. Бутова, Н.Н. Терещенко и С.И. Мутовин относятся к последней группе ученых, которые считают, что «формирование туристического потенциала региона обусловлено возможностью использования туристических ресурсов в организации и развитии туристической деятельности в регионе» [5, с. 24].

К.А. Федотова и М.Ф. Чемянова понимают под туристическим потенциалом возможности региона к дальнейшему развитию: «экономические, природные, культурно-исторические, трудовые, финансовые, социальные и производственные» с акцентом на природные возможности» [6, с. 89]. При этом ученые консолидируют туристический потенциал и туристические ресурсы без дифференцирования данных понятий: понимаются природные и антропогенные объекты, потенциально пригодные для создания туристического продукта.

Также в некоторых исследованиях встречается такое генерализированное понятие, как «ресурсный потенциал». С позиции М.С. Пирбудаговой, ресурсный потенциал образует «...систему ресурсов, взаимосвязанную с совокупностью материально-вещественных, энергетических, информационных, трудовых, инновационных, технических, производственных и финансовых ресурсов, которые используются менеджерами в процессе создания ими востребованных как на внешнем, так и внутреннем рынке конкурентоспособных материальных благ для решения задач рыночной экономики» [7, с.15]. Данное обобщенное понятие с большой долей вероятности может применяться и в отношении туристической отрасли, однако, отсутствие ряда специфических факторов и характеристик не позволяет использовать представленную выше формулировку в качестве единообразного понятия в туризме.

Касательно рассматриваемого термина наблюдается окказиональное употребление следующих языковых единиц: «природно-ресурсный потенциал», «туристический потенциал», «природно-рекреационный потенциал», «геопотенциал», «экологический потенциал», «туристический потенциал» и т.д. Тем не менее, большинство исследователей солидарно рассматривают данную дефиницию с позиции интегральности, как неотъемлемого ее признака.

В зависимости от преследуемых научных целей, базовый концепт может приобретать фокальность, в таком случае происходит смещение семантического акцента.

Так, например, введение понятия «туристическо-рекреационного потенциала» подразумевает рассмотрение туристического потенциала с позиции отдыха как основной потребности туристов, употребление «природно-рекреационного потенциала» предполагает изучение природных ресурсов как источника оздоровительного туризма. «Экологический потенциал» сосредотачивает внимание

на развитии и возможностях экологического туризма как ведущей туристической деятельности, а «геопотенциал» акцентирует внимание на природных, экологических, пространственных и топологических характеристиках рассматриваемой локации.

Согласно Ф.М. Айбазовой, туристическо-рекреационный потенциал региона представляет собой интеграционное понятие с выделением двух его подтипов, неразрывно взаимосвязанных: базовый и косвенный туристическо-рекреационный потенциал. Базовый включает группу туристическо-рекреационных ресурсов с дифференциацией по природному и культурно-историческому признакам. К косвенному потенциалу, в свою очередь, относятся социально-экономические и политико-административные факторы [8, с. 549].

Н.Н. Зубакова предлагает рассматривать в качестве потенциала туристического комплекса территории «способность определенного территориального образования к максимально возможному производству услуг туризма и гостеприимства по конкретной номенклатуре в условиях наилучшего использования имеющихся ресурсов при наиболее совершенной и эффективной технологии и организации производства услуг и труда персонала» [9, с. 14].

Т.Г. Винокурова сформулировала понятие «ресурсного потенциала развития туризма» следующим образом «...совокупная способность всех хозяйствующих субъектов, входящих в межотраслевой туристический комплекс, использовать ресурсы территории в развитии производства и потребления туристических услуг в целях удовлетворения разнообразных потребностей людей в отдыхе и оздоровлении» [10, с. 25].

Оценка туристических явлений на конкретной территории всегда представляла собой затруднительную задачу, что во многом обуславливается спонтанностью и непредсказуемостью их развёртывания. Эволюция научной мысли данного направления характеризуется расширением области исследований от «существующих» (с точки зрения спроса и предложения) до «возможных» (с точки зрения туристических ресурсов или туристического потенциала). Данный парадигматический сдвиг был необходим для создания новых возможностей с целью предсказания новых потенциально успешных туристических локаций или предвидения дальнейшего развития существующих туристических структур [11].

Первые попытки описания и измерения туристического потенциала предпринимались посредством оценивания исключительно материальной инфраструктуры туристической отрасли: размещения, питания, лечения и досуга. Позже некоторые исследователи предложили изучать так называемую «туристическую базу» как сумму природных, социальных, культурных и исторических ресурсов, которые поддерживают потенциальное предложение туризма на данной территории. Вместо этого другие ученые больше ссылаются в своих работах на первичное предложение туризма, как основное условие планирования и появления некоторых направлений в туризме.

В целом, определение туристического потенциала тесно связано с необходимостью достижения конкурентоспособности на туристическом рынке. Данная проблема имеет дискуссионный характер, сосредоточение которого наблюдается в двух основных вопросах: что именно понимается под конкурентоспособностью региона и существует ли объективная необходимость и возможность изменения текущего положения.

Кроме того, выявление туристического потенциала и оценка конкурентоспособности в туристическом секторе представляется затруднительным вследствие гетерогенной природы туризма. Данное обстоятельство отчасти обусловлено дифференциацией точек зрения исследователей и их научных интересов, которые непосредственно созвучны с их областями знаний.

После 1990 года наблюдается резкий всплеск употребления синтагмы «туристический потенциал» в зарубежной географической и экономической литературе без надлежащей контекстуализации ее значения и цели. Общепринятыми становятся фразы такого образца: «регион имеет большой туристический потенциал, но он в полной мере не реализуется», которые можно

считать бессодержательными и избыточными, что указывает на серьезные лакуны в теории того времени.

В современной зарубежной литературе существуют две основных тенденции определения туристического потенциала. В. Глэван [12] определяет его как совокупность возможностей, которую природная и социальная среда предоставляет в распоряжение туристической деятельности. Согласно С.М. Холлу [13], именно туристический потенциал необходимо рассматривать как базовое условие развития туризма, тогда как И. Мунтеле и С.Ягу [14] видят в данном концепте синтез объективных или субъективных условий. Данный подход базируется на нематериальной природе туристического потенциала, который можно «активировать» или «раскрыть» при определенных условиях.

В данном нематериальном подходе подчеркивается то обстоятельство, что туристический потенциал является предварительным и несет низкую степень уверенности, поскольку слова «потенциальный» или «возможный» выражают исключительно возможность, но не сам факт возникновения определенного состояния либо явления.

Существует также «материальный» подход, в соответствии с которым туристический потенциал рассматривается как совокупность природных и человеческих ресурсов. Так, М. Еленич [15] предлагает математическое выражение туристического потенциала:

$$TP = Ta + Ai + Ni + Di + Si, \quad (1)$$

где Ta – сумма туристических достопримечательностей;

Ai – индекс рейтинга привлекательности;

Ni – показатель качества инфраструктуры;

Di – индекс расстояния до крупных городских агломераций;

Si – показатель качества туристического обслуживания.

Тем не менее, в более ранних работах исследователи рассматривали туристический потенциал (природные или культурные ресурсы) как противоположность материальным структурам, т.е. инфраструктуре.

В комплексном научном исследовании по пространственному планированию национальной территории с точки зрения туристической отрасли [16] исследователи также прибегают к формализации оценки туристического потенциала с учетом имеющихся ресурсов, туризма и общей инфраструктуры. Целесообразным представляется исключение авторами из своих расчетов туристических услуг, поскольку услуги являются скорее выражением «существующего», а не «потенциального». Однако, учеными проводится анализ туристической инфраструктуры (средств размещения и других различных объектов, такие как лыжные трассы, конференц-залы, т.д.), что в некоторой мере противоречит предыдущему условию, т.к. элементы инфраструктуры также, скорее всего, являются частью «существующего» и непосредственным выражением предложения туризма. С целью нивелирования выявленного методологического несоответствия, необходимо сформулировать понятие «туристический потенциал» и определить грань между «существующим» и «возможным» его компонентом.

Программа развития FARNET (LEADER) CLLD [17], расширенная инициатива Европейского Союза в четвертом периоде, ставит своей целью экономическое развитие сельскохозяйственных и прибрежных регионов Европы и, в частности, дает оценку их туристического потенциала. Европейская экспертная группа трактует данный концепт с позиции существования взаимосвязи между предложением, спросом, тенденциями рынка и конкуренцией в туристической отрасли. Определение предложения туризма, как часть их подхода к туристическому потенциалу, включает в себя, в первую очередь, природные, культурные и социально-экономические факторы, а затем инфраструктуру и туристические услуги. Данная мысль созвучна с идеями К. Гельднеру и Дж. Р.Б.

Ричи [18], согласно которым туристическое предложение исключает следующие четыре основных компонента: природные ресурсы, антропогенную среду, операционный сектор, культурные ресурсы.

При описании взаимоотношений в рамках системы устойчивого туризма Б. Бэрс и С.Котрелл [19], тем не менее, отделяют базу природных и культурных ресурсов от предложения аттрактивных объектов (достопримечательностей), транспортного сектора или предоставляемых услуг. Однако, закономерным остается вопрос, находится ли база туристических ресурсов в плоскости возможностей или реального предложения туризма.

Следует заметить, что ранее в зарубежных исследованиях традиционно наблюдалась тенденция применять концепции и модели из экономической географии в отношении изучения туристического предложения. Меньше внимания уделялось распределению рекреационных и туристических ресурсов, которые формируют модели туристической деятельности и спектр возможностей для развития туризма.

Однако, с середины 90-х годов отмечается появление более сложно организованной культурной географии досуга с более отчетливой тенденцией к включению ресурсов в число поясняющих факторов туристического предложения и спроса.

В целом, проведенный анализ существующих определений понятия «ресурсный потенциал туризма» в диахроническом аспекте зарубежных и отечественных исследований выявил два основных подхода: материальный и нематериальный. Кроме того, выявленный значительный пробел в терминологическом аппарате обусловлен следующими основными факторами: отсутствием дефиниционной унификации понятия «ресурсный потенциал туризма», окказиональным употреблением данного термина и наличием широкого синонимичного ряда. Туристический потенциал больше зависит от возможности включения того или иного природный или антропогенного компонента, который, с точки зрения субъективной оценки общества, становится ресурсом для удовлетворения человеческих желаний и потребностей.

Можно сделать вывод, что туристический потенциал является качественной, нематериальной мерой определенных субъективных возможностей и условий, в то время как туристическое предложение может включать как существующие, так и возможные компоненты, в зависимости от подхода исследователя или метода территориальной оценки. Однако, туристическое предложение, как таковое, не объясняет ни природу развития туризма, ни амплитуду колебания спроса.

Таким образом, системный анализ концепций вариативного ряда, который определили, как отечественные, так и зарубежные исследователи в своих научных работах, позволяет сформировать определение дефиниции «ресурсный потенциал туризма» и его взаимосвязь с потенциалом туристических ресурсов, инфраструктуры туризма и самой индустрии в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корниенко О.В. Эволюция структуры теоретической экономики / О.В. Корниенко // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – № 2. – С. 23-27. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://theoreticaleconomy.ru> (дата обращения: 21.07.2019).

2. Алиев У.Ж. Понятийно-категориальный строй общей теории конкуренции / У.Ж. Алиев, Ж.Е. Шимшиков // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2014. – № 1. – С. 13-20. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://theoreticaleconomy.ru> (дата обращения: 23.07.2019).

3. Гордеев В.А. Теоретическая экономика – новый парадигмальный мейнстрим / В.А. Гордеев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2015. – № 1. – С. 4-17. – Режим доступа к журн. свободный: <http://theoreticaleconomy.ru> (дата обращения: 24.07.2019).

4. Гонтарь Н.К. Потенциал туристической индустрии России / Н.К. Гонтарь // Общество и экономика. – 2011. – № 8–9. – С. 247-255.

5. Бутова Т.Г. Туристско-рекреационный потенциал развития Красноярского края / Т.Г. Бутова, Н.Н. Терещенко, С.И. Мутовин // *Сервис в России и за рубежом*. – 2012. – №11(38). – С.22-32.
6. Федотова К.А. Ресурсный потенциал и пути повышения эффективности его использования в Краснодарском крае / К.А. Федотова, М.Ф. Чемянова // *Психология. Экономика. Право*. – 2012. – №1. – С. 88-94.
7. Пирбудагова М.С. Стратегическое управление туристическо–рекреационным комплексом: дис... канд. экон. наук: 08.00.05 / М.С. Пирбудагова. – Дагестанский гос. тех. ун-тет. – Махачкала, 2009. – 163 с.
8. Айбазова Ф.М. Роль и место продовольственного обеспечения в ресурсном потенциале туристско-рекреационного комплекса / Ф.М. Айбазова // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – №10-3. – С. 548-553.
9. Зубакова Н.Н. Организационный механизм формирования кадастра туристских ресурсов :дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Н.Н. Зубакова. – Рос. гос. ун-т туризма и сервиса. – М., 2011. – 190 с.
10. Винокурова Т.Г. Ресурсный потенциал развития туризма северных территорий :дис... канд. экон. наук: 08.00.05 / Т.Г. Винокурова. – Байкал. гос. ун-т экономики и права. – Иркутск, 2010. – 203 с.
11. Iatu, C. (2011). New approach in evaluating tourism attractiveness in the region of Moldavia (Romania) / C. Iatu, M. Bulai // *International Journal of Energy and Environment*. – 2011. – no.5. – pp. 165-174.
12. Glavan, V. Tourism potential and its development / V. Glavan // *Fundamenta Issues Maine*. – 2006. – pp. 53-65.
13. Hall, C.M. The Geography of Tourism and Recreation / C.M. Hall, S.J. Page // *GeoJournal*. – 2014. – pp. 263-268.
14. Muntele, I. Tourism geography – Concepts, methods, spatial Patterns / I. Muntele, C. Iagu // *SedcomLibris*. – 2006. – pp. 176-184.
15. Ielenicz, M. Romania, Tourism Potential / M. Ielenicz, L. Comanescu // *Studia UBB Geographia*. – 2016. – pp. 167-182.
16. Mourad, B.J. Spatial Planning of National Territory / B.J. Mourad // *UrbanProiect Institute*. – 2016. – pp. 187-193.
17. LEADER European Observatory [Digital resource] // *Evaluating a territory's tourism Potential*. – Access mode: <http://www.worldcat.org/identities/nc-leader> (accessed date: 23.05.2019).
18. Goeldner, C. Tourism – Principles, Practices, Philosophies / C. Goeldner, J.R.B. Ritchie // *Anatolia*. – 2017. – no.28. – pp. 113-115.
19. Boers, B. Sustainable Tourism Infrastructure Planning: A GIS-Supported Approach / B. Boers, S. Cottrell // *Tourism Geographies*. – 2007. – no. 1-21. – pp. 165-174.

ОТВЕТ НА ОТЗЫВ ИРОДОВОЙ Е. Е. ПО СТАТЬЕ «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СОЦИУМА, ЕГО НАПРАВЛЕНИЕ»

Вахрушева Наталья Андреевна

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет
кафедра «Экономика и управление»
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: ashatan1985@mail.ru

Корняков Василий Иванович

доктор экономических наук, профессор,
Ярославский филиал Ленинградского государственного университета им. А.С.Пушкина
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: vikorn1@rambler.ru

Альпидовская Марина Леонидовна

доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
Департамента экономической теории
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: morskaya67@bk.ru

Аннотация: В нашей статье мы, действительно, абстрагировались от рекомендованного нам рецензией обстоятельного рассмотрения факторов роста производительности современной России, поскольку эти факторы практически не используются ввиду отсутствия в стране ресурсов для их использования. Дефицит ресурсов для экономического роста усугубляется уже шесть десятилетий. Предлагается внимательней всмотреться в опыт ресурсосозидательного повышения производительности в мощный подъём 1945-1960 годов, следованию которого нам не избежать.

Ключевые слова: общественное воспроизводство, совокупный общественный продукт, Природа, производительность, подразделения общественного воспроизводства, инфляция, ресурсы.

JEL: J21, O14; O49

ANSWER TO THE REVIEW OF IERODOVA E. E. ON THE ARTICLE «ECONOMIC DEVELOPMENT OF SOCIETY, ITS DIRECTION!»

Vakhrusheva Natalia Andreevna
candidate of economic Sciences, associate Professor
Yaroslavl state technical university
Yaroslavl , Russian Federation.

Kornyakov Vasily Ivanovic
doctor of Economics, Professor
Professor Yaroslavl branch of the Leningrad state University named after A.S. Pushkin
Yaroslavl, Russian Federation

Alpidovskaya Marina Leonidovna
Ph.D., Professor
doctor of Economics, Professor

Professor of the Department of Economic Theory of the FSBU VO «Financial University under the Government of the Russian Federation»
Moscow, Russian Federation.

Abstract: In our article, we, in fact, abstracted from the thorough review of factors recommended to us by a review of the growth factors in modern Russia, since these factors are practically not used due to the lack of resources in the country for their use. The scarcity of resources for economic growth has been exacerbated for six decades. It is proposed to take a closer look at the experience of resource-creating productivity increase in the powerful upsurge of 1945-1960, the following of which we cannot avoid.

Keywords: public reproduction, cumulative public product, Nature, productivity, divisions of public reproduction, inflation, resources.

Мы рады вниманию такого известного специалиста, как д.э.н. проф. Е.Е. Иродова, и глубоко благодарны ей за него. Мы целиком и полностью согласны с её высокопрофессиональной характеристикой факторов роста производительности общественного труда, современной ситуации с нею в отечественной экономике, с её замечательными международными сопоставлениями. Права она и в том, что мы в своей статье абстрагировались от этих вопросов, опирались на другой уровень научной абстракции. Но почему мы так сделали?

Нас вынудил предмет исследования. Потому что наша статья посвящена не ситуации с производительностью труда как таковой, а принципиально другой проблеме: почему ситуация с производительностью труда (и вместе с ней с качеством функционирования отечественной экономики) вот уже шесть десятилетий устойчиво ухудшается и абсолютно, и относительно (в планетарном масштабе). Так происходило в СССР на протяжении его последних тридцати лет, то же – и в экономике России. И здесь научно неизбежен иной уровень абстракции, уходящий от событий сегодняшнего дня.

Журналисты давно пишут, как о несомненном факте о бесспорной родственности негативных экономических процессов СССР и РФ. Например, ещё в 1915 году такими вопросами задался колумнист официоза правительства страны: «Сменился государственный строй, экономический уклад... Но что-то главное, «генетический код» остался... Просто за последние 20 лет этот скелет обнажился, стал грубо наглядным... Масса факторов – от постоянных «надежд на Великое Прошлое» (историческая рента) до быстрого упадка Большой науки и технологий – признаки прогрессирующей неконкурентоспособности... (выделено нами: авторы)» [8]. То есть журналисты видят всё более грубо обнажающуюся в наши дни общность «чего-то главного», «скелета» отечественных позднего социализма и сменившего его капитализма, массу общих факторов упадка, однако другие экономисты, напротив, как будто не видят и не слышат этого и не торопятся это бросающееся в глаза родство раскрыть, объяснить. В нашей статье, опираясь на всем видимые факты, мы и предприняли попытку обобщить и объяснить эту явно родственную «прогрессирующую неконкурентоспособность» завершающих тридцати лет советского социализма и первых тридцати лет нашего капитализма.

Наш уважаемый рецензент безусловно права, что «объективные основы роста производительности общественного труда совершенно очевидны». Однако эта их «совершенная очевидность» почему-то не помогла ни одной из многих (начиная с косыгинской) реформ ни в СССР, ни в РФ, прямо направленных на рост производительности, на выправление «неподдающейся» многолетней тенденции её падения. Все приведённые Е.Е. Иродовой актуальные факторы выхода из сегодняшней критической ситуации бесспорны, специалистам и хозяйственникам прекрасно известны, но они...практически не используются, не «работают» (хотя не раз заявлялись к применению)! Один из последних принципиального значения примеров по РФ – «Программа 2012-2018», опубликованная на сайте президента страны. Её выполнение требовало ежегодного роста

производительности в 5%. Но А.Л. Кудрин показал, что это задание страной полностью провалено, что сейчас даже в Турции производительность труда в 1,5 раза выше, чем у нас [4]. Да и Е.Е. Иродова пишет о «достаточной (достаточной в каком смысле, для чего? – авторы) пассивности» российских компаний в инновационной деятельности, являющейся сердцем повышения производительности, и что уровень производительности труда в стране – самый низкий в Европе.

А какова позиция специалистов, призванных обеспечивать использование страной тех самых «совершенно очевидных» основ факторов роста производительности? Она удивительна. И она отнюдь не в том, чтобы, так сказать, свистать всех наверх на использование факторов, на подъём производительности труда. Одним из первых её обнаружил экс-министр экономики А. Улюкаев, причём в самый разгар «Программы 2012-2018» и в полнейший разрыв с президентскими установками. Экс-министр убеждённо заявил, как о «нормальной реальности», с которой ничего не поделаешь и к которой нужно лишь привыкать, о предстоящих 15 годах (! – авторы) низких темпов экономического роста [9]. Работники же его министерства говорили и о двадцати таких годах [5]. Что с ними случилось, происходит?

То есть президент писал и требовал одно, а его подчинённые, словно позабыв о служебной субординации – противоположное. Да так стойко и упорно, что М.Я. Миркин воскликнул: «Не страшно ли, когда экономические ведомства в один голос твердят, что впереди, если рост, то еле-еле, старческий», то есть без выраженного повышения производительности [7]. Все мы оказываемся во власти неприятного, но абсолютно достоверного факта: какая-то невидимая сила, более мощная, нежели повседневная экономика как позднего социализма, так и нашего капитализма (Я.М. Миркин допускает, что наличествуют «скрытые подводные течения, разрушающие экономическую почву...» [6]), заставляла и заставляет специалистов по производительности поддаваться ей, класть на полку свои знания и умения, уклоняться от выполнения президентских указаний. Сколько же можно игнорировать, не замечать роли этой силы и её самой? И, уважаемая Елена Евгеньевна, мы решили, что для её, этой силы, поисков надо не углубляться в использование общеизвестных факторов производительности, а, напротив, отвлечься от всего этого и заняться (с иным уровнем абстракции, ориентированным на построения В.И. Вернадского) теми самыми (близкородственными, даже едиными), «чем-то главным», «скелетом», «прогрессирующей неконкурентоспособностью» поздней советской и современной российской экономик, которые уже выявлены, до некоторой степени диагностированы общественностью и образуют единую советско-российскую экономическую траекторию. Свою научную теоретическую опору мы увидели, прежде всего, в двух научно надёжных центрирующих обстоятельствах.

Первое из них – это эпохальное открытие С.А. Подолинского, вызвавшее одобрение таких колоссов мысли, как К. Маркс и В.И. Вернадский. Оно прямо-таки вторгается в теоретические построения экономистов, но до сих пор не воспринимается ими. Вот и Е.Е. Иродова не высказалась о нём. Но зато она не поимела замечаний по логике нашего понимания решающей (до сих пор не признаваемой, точнее, не замечаемой экономической теорией) «напитки» Природой производительности живого человеческого труда и абсолютной неизбежности проистекающего отсюда «курирования» Природой её, производительности труда, дальнейшего роста, действительного способствования ему. А это неопровержимые факты. От них, от этих фактов, пошёл наш поворот к Природе как силе, реально-фактически обеспечивающей бытие общественного человека и в том особом смысле, что она почти целиком наполняет (так сказать, бесплатно обеспечивает) энергетически производительность живого труда (в том числе сегодня-сейчас).

Если бы Е.Е. Иродова выявила изъяны в наших логических построениях, мы, конечно, обязаны были бы согласиться с нею и, соответственно с её советами, нам пришлось бы вернуться к одной

лишь сегодняшней конкретике. Но поскольку таких изъянов пока никем не обнаружено, мы вправе настаивать на своих выводах, и звать уважаемую Елену Евгеньевну присоединиться к ним.

Вторым научно надёжным обстоятельством, сцементировавшим нашу позицию, было восстановление классической принципиально производительной трактовки снижения цен, – регулирующего признака отечественного «триумфального» (Г.И. Ханин) экономического подъёма 1945-1960 годов. Непонятно почему экономисты игнорируют эту его, снижения цен, принципиальную разработку Марксом. Может быть, потому, что атеист Маркс (единожды в своей научной деятельности) облёк её в религиозную форму (подробнее см. [1]). Но именно это как раз и могло стать дотошному И.В. Сталину (с его широким православным образованием) приманкой для вникания в зашторенное богословием правило: индивидуальная производительность труда «тогда и только тогда» становится принадлежностью общества, общественного воспроизводства, когда выражена в снижении цены проданного товара. Без этого ценового завершения она общественно утрачивается, что, конечно, и происходило в позднем СССР, происходит в РФ. Е.Е. Иродова и здесь не возразила нам. Но тогда ей следовало бы согласиться и с нашей трактовкой сталинского трёхстадийного естественно-социального механизма ресурсообеспеченной гиперпроизводительности, ибо именно снижение цен, фиксирующее и завершающее рост производительности, как бы автоматически прямо вводит экономику в его действие. Однако она на это не пошла.

То, что команда И.В. Сталина вышла, оперлась здесь на природные заготовки, механизм, доказывается фактами. Пятипроцентные темпы роста производительности «Программы 2012-2018» оказались для страны непосильными, провальными. Но сталинский механизм успешно(!) работал с вдвое(!) более высокими темпами! Чудо? Строго говоря, нет. И авторитарность генералиссимуса здесь ни при чём. Здесь – закономерность действия упомянутого сталинского механизма. Он был экономическим. Есть абсолютно доказательный признак, критерий действия именно экономического механизма: обеспеченность процесса ресурсами. Никакие авторитарность, приказы, команды не могут породить ни грана материальных ресурсов. Их рождает только экономический механизм. А «железный» исторический факт таков, что феноменальный подъём 1945-1960 годов был сполна обеспечен ресурсами и в аспекте роста производительности, и по огромным капиталовложениям, в том числе оборонным. Надёжно поработал, конечно же, экономический механизм. Но это при Сталине. А как с ресурсами роста производительности у нас в настоящее время?

Их попросту нет. Детским языком: «Киска съела». Не видать ни сверху, ни снизу.

Взглянем, так сказать, сверху. Для обеспечения темпов роста производительности не ниже 5% предполагалось создание за 2012-2018 годы 25 млн. современных рабочих мест. Но на это требовалось по минимуму 2,5 трлн. рублей. В стране их не оказалось, – ни бюджетных, ни частных. Большинство рабочих мест остаются прежними [3]: нет ресурсов.

А теперь посмотрим снизу, глазами функционирующего предпринимателя. «То, что сегодня на продуктах питания написано «Сделано в России», совсем этого не означает... Мы здесь занимаемся в большей степени сборкой продуктов питания из импортных комплектующих... У нас отсутствуют технологии, у нас отсутствует промышленность, которая нам бы давала средства производства. Мы покупаем за границей абсолютно всё оборудование. Мы покупаем за границей практически всю упаковку, покупаем все составляющие... Ни больше ни меньше... Замкнутый круг. Закупая привозное оборудование, отечественные предприятия вынуждены переходить на адекватное импортному оборудованию сырьё и материалы, которые в нашей стране не производятся. Зарубежные производители возможность упускать не собираются и стараются как можно сильнее привязать к себе российского покупателя. Добрые не брезгают демпингом, а также предлагают комплексные пакеты товаров и услуг. Получается, что на доходы, полученные от добычи и продажи сырья, мы вынуждены

покупать за рубежом даже тапочки». Экономика доведена до «тапочек» ... Как ещё понятнее, ещё доходчивей разъяснить, что с ресурсами в стране настоящая, подлинная беда? Они редели уже в СССР (помним его дефициты?) и, наконец, исчезли...

И «сверху», и «снизу» обнаруживается настоящее и несомненное ресурсное голодание. Ну, и что же в этих условиях делать управленцам? Повышать производительность методами, показанными нашим рецензентом? Конечно же, они не могут этого: они же профессионалы, и знают, что к производительности труда им даже не подступиться (им просто не за что «уцепиться»). Вот им и приходилось, приходится долдонить о 15-20 предстоящих годах стагнации, пока... пока (невидимо) действует особый механизм ресурсного угнетения и опустынивания (мы здесь на нём не останавливаемся: подробнее о нём см. [2]).

Он незримо восторжествовал в итоге мгновенного, на излёте пятидесятих, слома «экономики Сталина» (В.Ю. Катасонов) и постепенно, неспешно, но неуклонно привёл страну к сегодняшнему отсутствию ресурсов. Факты говорят о том, что вместе с «водой» «культы личности» был стремительно-бездумно выплеснут и «ребёнок»: сталинский ресурсосозидающий экономический механизм высшей производительности. Всё, всё говорит за то, что истина ресурсообеспеченной гиперпроизводительности и экономического подъёма страны там, в этом механизме. Его суть – многостадийное соединение высшей производительности с ресурсосозиданием самим ходом повышения производительности труда. И пока что (основной поиск, пожалуй, ещё впереди) мы видим три его стадии:

1) Рост производительности (как рождение ресурса живого труда) в облике уменьшенной себестоимости через снижение цен передавался структурам общественного воспроизводства в поиске ресурсов средств производства. 2) Там он в этом облике «вторгался» в движение I подразделения, где экономия живого труда трансформировалась в кратно, даже многократно большее сбережение средств производства. Процесс настолько мощный и очевидный, что легко воссоздаётся самым элементарным моделированием при помощи общеизвестных схем Маркса [1]. Сэкономленные живой труд и средства производства вновь соединяются. Мы не исключаем, что упорный И.В. Сталин, осмысливая свою модель, делал соответствующие арифметические прикидки. Ресурсообеспеченность и результативность производства принципиально умножаются. 3) Их дальнейшее очередное умножение «экономикой Сталина» осуществляется общим сдвигом воспроизводственных пропорций. И всё движение, возвращаясь в непосредственный процесс производства, повторяется вновь и вновь, рождая ресурсы и экономику взлётной производительности, подъёма.

Знаем, что наши поиски – всего только первые прикидки выявления истины отечественной гиперпроизводительности, в лучшем случае – прикосновение к ней. И ещё раз благодарим нашего рецензента, уважаемую Елену Евгеньевну, показавшую громады возможностей увеличения производительности труда. Конечно, если наш социум пойдёт дорогой, согласующейся с установлениями Природы, а не против них, как сейчас.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альпидовская М.А. Уроки истории: экономический подъём в послевоенные годы (1945–1960) / М.А. Альпидовская, Н.А. Вахрушева, В.И. Корняков // Ежемесячный научно-популярный и общественно-политический иллюстрированный журнал Энергия. –2017. – № 5. – С. 42-47.

2. Альпидовская М.Л. Уроки истории: экономический подъём в послевоенные годы (1945–1960) / М.Л. Альпидовская, Н.А. Вахрушева, В.И. Корняков // Энергия: экономика, техника, экология. 2017. №5. С. 42-48.

3. Вахрушева Н.А. Самовозрождение ресурсов экономического роста (осмысление подъёма 1950-

х гг.) / Н.А. Вахрушева, В.И. Корняков // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2017. — № 6(42). — С. 11-20. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://theoreticaleconomy.ru>

4. Вербитская Н. 25 миллионов рабочих мест обойдутся слишком дорого. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.gosrf.ru/news/6667/>

5. Кудрин рассказал о невыполненных целевых показателях из майских указов. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://ria.ru/20180613/1522664450.html>

6. Минэкономразвития прогнозирует еще 20 безресурсных лет стагнации. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/10/20/661689-20-let-stagnatsi>

7. Миркин Я. Экономика неизвестности / Я. Маркин // Российская газета. – 8.07.2016. – С.12.

8. Миркин Я. Экономика простых истин / Я. Маркин // Российская газета. – 26.09.2018. С.12.

9. Радзиховский Л. Отлив / Л. Радзиховский // Российская газета. – 01.09. 2015. – С.3

10. Улюкаев А. Привыкнуть к реальности / А. Улюкаев // Российская газета. – 30.12. 2014. – С.49.

ОТЗЫВ НА СТАТЬЮ В. К. НУСРАТУЛЛИНА «СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА В СВЕТЕ ВЫВОДОВ НЕРАВНОВЕСНОГО АНАЛИЗА ЭКОНОМИКИ»

Жак Ладислав

доктор экономических наук, профессор,
член ИНСОЛ Европа ,
г. Прага, Чешская Республика.
E-mail: zaking@volny.cz

Аннотация: Дается оценка положений и выводов статьи, опубликованной в № 11 (59) сетевого издания «Теоретическая экономика». С отдельными положениями автор рецензии соглашается, другие дополняет или подвергает критике. Самое главное-это идея, что наш мир около нас постоянно меняется и не возвращается ни в какие, динамические или другие, равновесия. Автор говорит об основе этой идеи, как о «неравновесной экономической теории». Эта идея заслуживает внимания и дает нам возможность получить новую картину нашей среды. В рамках интерпретации современного мира сам автор иногда проводит аппликацию этой идеи не совсем творчески и последовательно.

Ключевые слова: Неравновесие, асимметрия, империализм, олигархат, неравновесная экономическая теория, консолидированный средний класс.

JEL: A10; E11

REFERENCE TO ARTICLE V. K. NUSRATULLIN «MODERN PROBLEMS OF THE ECONOMY AND SOCIETY IN THE LIGHT OF THE FINDINGS NONEQUILIBRIUM ANALYSIS OF THE ECONOMY»

Jacques Ladislav
PhD in Economics, Member of INSOL Europe
Prague, Czech Republic.

Abstract: The article's provisions and conclusions are evaluated. With separate provisions, the author of the review agrees, the other supplements or criticizes. he author of the review agrees with certain provisions, while others supplement or criticize. The most important thing is the idea that our world around us is constantly changing and does not return to any, dynamic or other, equilibrium. The author speaks of the basis of this idea as a «no equilibrium economic theory.» This idea deserves attention and gives us the opportunity to get a new picture of our environment. As part of the interpretation of the modern world, the author himself sometimes carries out the application of this idea not entirely creatively and consistently.

Keywords: Non-equilibrium, asymmetry, imperialism, oligarchy, non-equilibrium economic theory, a consolidated middle class.

В начале текста моей рецензии на статью Нусратуллина Вила Касимовича (в дальнейшем тексте «автора») «Современные проблемы экономики и общества в свете выводов неравновесного анализа экономики», (в дальнейшем тексте «статья автора» или «текст автора») разрешите несколько слов и общих выводов к позициям и ролям рецензента и автора. Это касается не только выяснения личной позиции рецензента к тексту автора, а также касается прямо самой теоретической основы статьи, которую представляет, на взгляд рецензента, понятие «неравновесие» [1,2,3,9,10].

Неравновесие и асимметрия – понятия, которые характеризуют основную разницу между позициями рецензента и автора [9]. Текст автора и текст рецензента предназначены читателям. Роль рецензии заключается в том, представить читателям текст автора прежде всего «sine ira et studio»,

дать читателю полную картину текста и вызвать своего читателя к более подробному ознакомлению с ним. Проблема заключается в том, что рецензент и автор являются только обыкновенными людьми со всеми различными эмоциями и взглядами на свою среду и мир около себя. Является естественным, что автор и рецензент не могут иметь на текст автора тот же самый взгляд. С другой стороны, рецензия от единомышленника часто не представляет объективную информацию подобно рецензии от оппонента. Если у автора и рецензента существуют разные взгляды, наступает проблема асимметрии и неравновесия их позиций, которые заключаются в том, что рецензент может написать хорошую, но ложную или, можно сказать, манипуляторную рецензию любого текста даже без того, чтобы он его прочитал. Рецензия повлияет на количество читателей, которые будут должны, каждый лично и отдельно, прочитать весь текст автора, чтобы узнать правду и получить реальную картину о нем. Можно сказать, что судьба автора и взгляды читателей на его работу находятся полностью в руках рецензента. У автора есть возможность вести с рецензентом судебное дело, но, если этим делом не будут интересоваться СМИ, ничего это для автора и его читателей не принесёт, и рецензенты останутся господами над авторами.

Лучше, чем судиться, на мой взгляд, - держаться «серебряного правила» в межличностных отношениях и коммуникации, которое нам говорит, что «надо вести себя в отношении к другим так, как мы бы хотели, чтобы они вели себя в отношении к нам». Это значит, что «мы должны предлагать взгляды и мысли других таким способом, как мы бы хотели, чтобы другие предлагали наши взгляды и мысли». Буду держаться этого серебряного правила и буду писать свою рецензию о статье автора так, как я бы хотел, чтобы другие писали о моих текстах.

Откровенно сначала заявляю, что я не совсем согласен с интерпретацией заключений неравновесной экономической теории (в дальнейшем текста НЭТ) до подобия движений в современной социально-экономической и политической среде. В общем можно сказать, что те, которые являются только комментаторами любой творческой деятельности господствуют над настоящими творцами и создателями. Это в обществе нашего времени, к сожалению, широко распространенные асимметрия и неравновесие, которые негативно влияют на общественное развитие [1,9]. Но это только одно из огромного, бесконечного, количества неравновесий, которые создают нашу среду, в том числе среду социально-экономическую, о которой пишет в своей статье уважаемый автор.

Общепринятым является то, что среда – упорядочение неравновесий, что бы то ни было (все, что угодно) является частью собственной среды и ничто не может быть больше собственной среды. Ортега-и-Гассет говорил о том, что «Я-это я и моя среда» [3]. Среда по отношению к нашему миру является временно-пространственным упорядочением неравновесий. В нашем мире для каждого неравновесия существует пространство-время, в котором это неравновесие становится частью его динамического равновесия и неравновесия, которые не имеют этого свойства, являются такими, которые создают наш мир. Неравновесия являются потенциалами, ресурсами изменений нашего мира, и мы воспринимаем свою среду, в первую очередь, посредством изменений этой среды [10].

Среда в нашем восприятии является фазовым пространством своих собственных изменений. Существуют только два вида основных изменений, а именно: возникновение и исчезновение конкретного неравновесия. Изменения во времени, как старение и рост, являются, по своей сути, всего лишь простой цепочкой для организации состоявшихся или продолжающихся основных изменений. Каждое изменение имеет свой источник в конкретном неравновесии и каждое изменение само по себе является потенциальным источником нового неравновесия. Одним из основных неравновесий, которое является источником изменений нашей среды, является противоречие между консервативным внутренним выбором и либеральным внешним выбором [10].

Все это, все эти фундаментальные размышления о неравновесиях и изменениях в нашей среде, как рецензент, пишу, чтобы уверить читателей, что заниматься теориями, которые стоят на неравновесном состоянии нашего мира, на поиске основных неравновесий и асимметрий в нашей

среде - это естественно, научно и правильно. Не существует только одна теория этого типа, но важно, как минимум, фундаментом НЭТ заниматься и выучиться о нашем мире думать также с других фундаментальных точек зрения, чем тех, которыми пользуемся до сих пор [1,2,3,4,6,7,8,9,10].

Исследование автора НЭТ опирается на разработки российских и зарубежных авторов и ученых, на критическом осмысливании выводов многих исследователей. Интересно бы было тоже посмотреть на современные интерпретации [см. 1,3] «теории прерывистых дисбалансов» чешского профессора М. Барты и его коллектива. Теория прерывистых дисбалансов (ТПД) сопровождает эволюционную теорию Дарвина уже с половины 19-ого века, но ее современные интерпретации, в том числе профессора Барты, дают хорошие результаты при формировании моделей процессов, происходящих в современном обществе. Интерпретации ТПД проф. Барты и его коллектива опираются, мимо всего другого, на изучение длительной тысячелетней истории общества старого Египта [1]. Как минимум, надо знать, что НЭТ не является единственной теорией, которая стоит на неравновесном фундаменте нашей среды, нашего мира.

Сейчас несколько заметок к отношению НЭТ и интерпретации современного мира автором. Здесь рецензенту кажется, что автор показывает свое слишком личное субъективное мировоззрение и с другой стороны торопится слишком совместить его с теоретическими заключениями НЭТ. Автор статьи, сделав заявку на раскрытие методологии НЭТ, представил малоструктурированное личное мнение о происходящих в мире процессах [4,8]. Может быть, чуть-чуть поверхностно представлены причины смятения членов мировой руководящей подсистемы и обслуживающих их интересы представителей «грантовой» науки. Следовало бы отметить, что нарастающий формационный кризис капитализма совпал с глобальным и внеисторическим кризисом цивилизации «покорителей природы». Именно пределы, которых достигла алчность членов руководящей капиталистической подсистемы, наглядно демонстрируют неизбежность перехода к цивилизации сосуществования с природой, или, «цивилизации единой среды» [2], полной различных неравновесий. Отсутствие этого понимания делает современный глобальный кризис непонятным для современников и не позволяет двигаться дальше с помощью многократно использованных способов «подправки» капиталистических институтов.

Именно из пассажей текста, интерпретирующих современный мир, чувствуется повсеместный упор автора на решающую роль субъективного фактора, то есть транснациональную закулису, олигархат, «вовлечённых предпринимателей» и т.п. Надо перевернуть аргументацию в сторону научного препарирования объективных процессов развёртывания современного кризиса именно на основе раскрытия основных асимметрий и неравновесий при использовании НЭТ и ТПД, которую можно дополнить пассажами о субъективных искривлениях кризиса и столь же субъективных «хотелках» по реструктуризации классов. Классы, если уже признаем им право существование, объединяются не по своей воле, а в стремлении к реализации своих потребностей, интересов и ценностей. Призыв автора к топ-менеджерам перейти на сторону трудящихся представляется нереальным. Именно они представляют пик огромного ледника безответственности, который уничтожает любую социально экономическую структуру.

Любая современная наука содержит постулат, что никакая идеология в обществе не способна заменить исходного капиталистического отношения – «товар и деньги с пятью функциями». Никакая идеология, даже подкреплённая НЭТ, не способна изменить путь от простого товарного производства к финансовой олигархии. Возможно, что должно быть, на взгляд рецензента, заменено «первосемя» капитализма – «товар и деньги с пятью функциями». Именно поэтому призыв автора к развитию коллективного интеллекта представляется утопией. Коллективный интеллект можно развивать только посредством развития интеллекта индивидов. Члены руководящей капиталистической подсистемы, опираясь на исходное отношение «товар и деньги с пятью функциями» [5], органически нацелены на получение максимальных знаний членами руководящей подсистемы и устранение

возможностей получения знаний представителями управляемой подсистемы. Против объективной закономерности развития капитализма, которую «крысиные короли» успешно реализуют уже более 400 лет, столь общие желания автора не имеют шансов на успех. Таких попыток «перевести стрелки» с вопроса о сущности капитализма на некие косметические меры и субъективные призывы в теории было, есть и будет много. Но практика всех капиталистических институтов зависит не от желаний, даже самых умных научных работников и большинства граждан, а от объективных закономерностей воспроизводства исходного (товар и деньги с пятью функциями) и основного (капитал и прибавочная стоимость) отношений. Только замена «капиталитарных» отношений на новые может изменить ход экономической практики. Напомню только как пример, что «цаголовская» школа МГУ в советское время предлагала новое исходное – «плановость». Сейчас эта идея растворилась. Появилась теория с новым исходным отношением «благом и деньгами с двумя первыми функциями», которая выводит концепцию, теоретическую модель и процессы функционирования общества на новый солидарный способ производства [5].

Предложения автора по суверенизации практикующих предпринимателей и трудящихся и их противостоянию мировому олигархату в условиях абсолютной монополизации товаропроводящих путей представляются не совсем реалистическими. Идея объединения людей, работающих очень старая и можно ее найти в многих теориях общественного порядка, именно в солидаризме [5]. Рецензенту хочется порекомендовать скромно автору, чтобы более последовательно искал с помощью НЭТ те неравновесия, которые имеют решающее влияние на картину нашего мира и ее изменения [9].

В самом заключении своей рецензии предлагаю читателям, чтобы хорошо ознакомились с НЭТ или также с ТПД и прошли с автором статьи настоящий мир и свою среду. На этом пути, возможно, найдем другие неравновесия, другие асимметрии, чем автор. Возможно, увидим другую картину, чем автор. Статья автора нас заставляет думать о мире, нашей среде и нас самих. Призывает нас подняться и посмотреть около себя и на себя самого посредством новой неравновесной парадигмы. Предлагает нам познать лучше себя, и это основная задача для нас всех в нашем текущем мире. «Gnothi Seauton» было написано уже над пещерой оракула в древнегреческих Дельфах.

Я уверен, что похожее понятие является мотивом и статьи автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bateson G. Mysl a příroda, nezbytná jednota, Malvern, Praha, 2006.
2. Bárta M., Kovář M., Kolaps a regenerace, Academia, Praha, 2011
3. Čilek V., Ač A., Věk nerovnováhy, Academia, Praha. – 2019
4. Harari Y. N., Homo deus, LEDA, Praha. – 2017
5. Кошкин В.И. Основы политической экономии солидаризма /В.И. Кошкин, С.И. Кретов С.И. – ЛЕНАНД, 2017. – 400 с.
6. Lindauer R., Žák L., Quantum of Ethics, Bookboon.com, 2019
7. Neubauer Z., O čem je věda, Malvern, Praha, 2009
8. Rosling H., Faktomluva, Jan Melvil, Praha, 2018
9. Taleb N. N., Nasadit vlastní kůži, Paseka Praha, 2019